

ОПАЛЁННЫЕ БЕДОЙ

Дети войны и Победы

Саров 2016

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622-9+60.542.14 0-60

Сборник: «Опалённые бедой. Дети войны и Победы» – воспоминания участников Саратовской городской общественной организации (СГОО) «Дети войны». В сборник вошли опубликованные в СМИ г.Саров статьи немногих из шести тыс. саровчан – здравствующих детей войны и Победы 1928-1945 г.р., за которых шли на гибель их отцы. Авторы считают важным развитие патриотического воспитания молодёжи. Поэтому в Сборник включены также стихи и заметки школьников о войне.

ББК 63.3(2)622-9+60.542.14 0-60

© Саратовская городская общественная организация (СГОО)
«Дети войны»

© Информационно-издательское агентство «Саров»

*С чего начинается память – с берез?
С речного песка? С дождя на дороге?
А если – с убийства! А если – со слез!
А если – с воздушной тревоги!
А если с визжащей пилы в облаках,
Со взрослых в пыли распростертых!
А если с недетского знания – как
Живое становится мертвым.*

К.Симонов

Дети войны

ГИМН ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ДЕТИ ВОЙНЫ»

Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Мы были взрослыми не по годам,
Хоть лет тогда немного было нам.
Мы испытали ужасы войны:
Блокаду, голод и мороз зимы.
Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Теряли мы отцов и матерей,
В глаза смотрели тысячам смертей...
Мы – здесь. А сколько приняла земля
Невинных душ, не ведавших тепла?!
Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Взгляните в небо ночью при луне,
Там ярко светят звёзды в вышине,
Там наши братья – Родины сыны,
Родные, не пришедшие с войны.
Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,

Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.

Эльвира Челнокова,
г. Вологда

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Ф. Тютчев

Нельзя не согласиться с президентом РФ Владимиром Путиным в том, что — «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме **патриотизма**. Это и есть национальная идея. Она не идеологизирована, не связана с деятельностью какой-то партии или стратой в обществе. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан».

«Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

А.С. Пушкин

Историк Н.Я. Данилевский ещё в XIX веке в книге «Россия и Европа» обосновал, что Россия — особая самостоятельная вне-европейская цивилизация и предсказал ей великое будущее. 24 июня 1945 г. И.В. Сталин на приёме в честь участников парада Победы над Германией в Великой Отечественной войне сказал: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, русского народа». Философ Ю.В. Мамлеев в 2002 г. в книге «Россия Вечная» отметил, что российское патриотическое мировоззрение, до какой бы степени оно ни было само-бытно и глубоко, абсолютно совместимо с любовью и уважением к другим народам.

*«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!»*

Михаил Лермонтов

Патриотические мировоззрение и настроения органично сочетаются с традиционными российскими духовно-нравственным ценностями: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья и дети, созидательный труд, служение Отечеству «верой и правдой», нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

«Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

Сергей Есенин

Журналист Александр Проханов (2015 г.) считает, что у русского человека в глубине есть четыре необходимых **патриотические** веры исповедания:

а) Наше родное православие, религия, в которой устояла от врагов и расцвела Родина;

б) Божественная российская природа: наши поля и горы, снега, дожди, ручьи, звёзды, осенние леса;

в) Русский язык, русская словесность, русская литература, которая прекрасна и напоминает молитву;

г) Государство, которое в сознании русского человека является единственным средством, которое защищает Россию от вторжения, которое аккумулирует национальную волю для того, чтобы россияне осуществляли свой суверенный национальный проект, только «Лучше бы не было войны».

«Времена не выбирают, в них живут и умирают.

Большой пошлости на свете нет, чем кланчить и пенять.

Будто можно те на эти, как на рынке, поменять...»

Александр Кушнер

Политик Сергей Миронов (2016 г.) предложил пять первоочередных мер **патриотического** и духовно-нравственного воспитания:

1) Надо срочно возвращать **патриотическое** воспитание в российскую школу и в целом в нашу систему образования;

2) Для работы на ниве **патриотизма** на полную мощь должен быть задействован российский культурный потенциал, в т.ч. с профилактикой экстремизма и радикальной идеологии;

3) Надо продолжать укреплять историческую Память о свершениях русского народа, о наших ветеранах, **«Детях войны и Победы»**;

4) Барометром **патриотических** настроений в России должно быть отношение к армии, «Есть такая профессия – Родину защищать»;

5) Надо воспитывать молодёжь на примерах выдающихся, отважных, мужественных, блестящих, талантливых ученых, военных, инженерах, учителях, врачах, рабочих, сельских тружениках, работниках культуры и просвещения, журналистах и всех **патриотов**, кому «За Державу обидно!».

«Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не дает ответа.

Чудным звоном заливаются колокольчик;

гремит и становится ветром разорванный в куски воздух;

летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются

и дают ей дорогу другие народы и государства».

Н.В. Гоголь 1842 г.

Российский активный ракетно-ядерный щит ответно-встречным ударом сдерживает США от нападения на РФ для вооружённого захвата нашего национального богатства, а значит и от начала «горячей» третьей мировой войны. Нынешнее обострение новой «холодной» войны с США, Евросоюзом и НАТО убедительно подтвердило, что Россия может существовать в таком враждебном окружении только как сильная и самодостаточная держава.

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

И.В. Сталин 1941 г.

При этом для улучшения качества жизни граждан РФ независимая внешняя политика должна получить опору в самостоятельной эффективной внутренней политике и объединяющем **патриотизме** россиян.

Россия мечты – «Самостоятельная, мощная, эффективная, современная, устремленная в будущее. Это должна быть страна, где жить комфортно, приятно и престижно»,

В.В. Путин 07.04.2016 г.

«Патриотизм – чувство самое стыдливое и деликатное... Побереги святые слова, не кричи о любви к Родине на всех перекрестках. Лучше молча трудись во имя ее блага и могущества».

В.А. Сухомлинский

У нас есть всё, чтобы с «верой и правдой» сделать свою Россию процветающей, богатой, сильной, уважаемой в мире и вызывающей гордость у самих россиян. **Патриотизм** народа – драгоценный ресурс, которым следует очень и очень дорожить.

«Патриотизм – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над собой, ставя себе сверхличные цели».

Академик Д.С. Лихачев

Все для фронта, все для Победы!

Абрамова Надежда Поликарповна

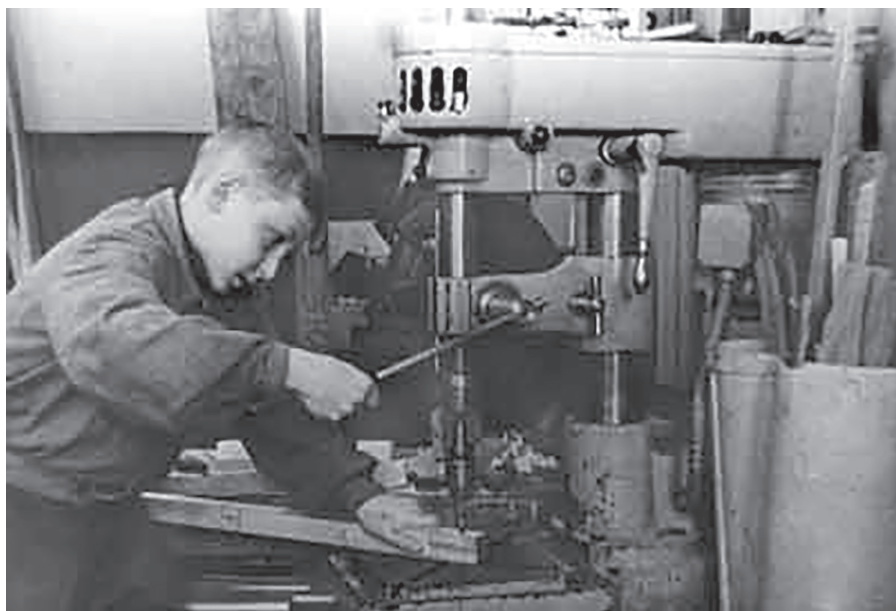
Абрамова Н.П. 17.07.1924 г.р. За добросовестный труд и службу награждена медалью «Ветеран труда» и юбилейными медалями: «XXX лет Советской Армии и Флота», «50 лет Победы», «60 лет Победы», «65 лет Победы»

Случайное ранение

Надежда Поликарповна родилась 17 июля 1924 года в городе Спасск Рязанской области. В крестьянской семье были две девочки, Надя младшая. В шестилетнем возрасте была ранена в грудь – один мальчик, играя пистолетом, оставленным взрослыми без присмотра, случайно нажал на курок. Сломал одно ребро, пуля рикошетом прошла в правую руку, в локтевой сустав. Пулю долго искали и не нашли – рентгена не было, и лишь через семь лет случайно обнаружили и извлекли в тяжелой операции.

Перед войной семья жила в Новосибирске. Наде исполнилось 17 лет, она оканчивала 10-й класс, когда началась война. Всем классом пришли в военкомат с твердым желанием идти на фронт. Большинство ребят было призвано в Красную Армию. Благодаря хорошему знанию немецкого языка, полученному мальчишками в школе, многие из них служили в армии переводчиками. Пригодилось знание немецкого языка в дальнейшем и Наде, но позже, после войны, когда она служила в Германии. Девчонок в военкомате разделили по росту: на высоких и низких. Первых распределили

по каким-то воинским организациям, а Наде, как и другим низкорослым (рост-то всего 152 см!), предложили продолжать учиться или идти работать. Не взяли бы ее в действующую армию и по причине ранения в грудь в детстве.

Все для фронта, все для Победы!

В ноябре 1941 года Надя вначале поступила работать на городскую электростанцию в городе Кривошекове учетчиком расхода топлива. В 1943 году была переведена помощником расpredмастера в спеццех Сестрорецкого станкоинструментального завода им. Воскова, эвакуированного из-под Ленинграда за Урал. В цехе изготавливали корпуса снарядов для «Катюш». На токарных станках работали в основном 13-14-летние ремесленники, эвакуированные из города Боровичи Новгородской области. Работали на совесть, перевыполняя нормы. А Надя с другими девчонками штамповала на корпусах номер серии, после чего корпуса отправлялись на Урал на снаряжение.

В свободное от работы время комсомольцев с завода по прибытии эшелонов с ранеными мобилизовывали на разгрузку и доставку раненых в госпитали. Четыре девчонки, носилки, а дальше – сами же раздевали, разбинтовывали кровавые, с гноем и червями бинты и одежду сдавали в стирку. И больно, и страшно, и не каждому по силам.

На заводе Надя проработала до октября 1943 года. Отца, работавшего в УМГБ, перевели в Кемерово, куда он и переехал вместе с семьей. Надя поступила на подготовительные курсы Днепропетровского химико-технологического института, который находился в это время в Кемерово.

Начала учиться и вместе с институтом летом 1944 года переехала в Днепропетровск. Но окончить институт не пришлось, через полтора года по состоянию здоровья, оставив учебу, Надя вернулась в семью, в Кемерово.

В июне 1947 года Надежду направляют в Германию в Берлин в аппарат Уполномоченного МГБ, где она служит переводчицей по апрель 1950 года.

В 1956 году Абрамовых переводят в наш город, Арзамас-75. В городе Надежда Поликарповна работала вначале в школе 15 секретарем, а с февраля 1960 года – снова в органах МГБ, секретарем-машинисткой. Затем последовал перевод ее на работу старшим инспектором в аппарате уполномоченного УКГБ в Арзамасе-75.

«На многострадальной украинской земле»

Антоненко (Малышенко) Валентина Петровна

В.П. Антоненко 07.01.1936г.р. 38 лет
проработала в СКБ завода «Авангард».

Я родилась в 1936 году на Украине, в Черниговской области. Была слишком мала, чтобы осознать, что началась война, и этот день – 22 июня 1941 года – не сохранился в моей памяти. Помню другой день, когда мой отец с котомкой в руках подошел к подводе, где сидели какие-то мужчины, тоже с котомками, сел в нее, подвода тронулась, и следом за ней пошли взрослые. Они провожали призывников до самого района. А мы со старшей сестрой остались дома. Она сказала: «Папа ушел на войну...» Так это страшное слово появилось в моей жизни...

А следом и сама она пришла на нашу землю. Я была в детском садике и заигралась одна у забора, когда услышала страшный гул. Подняла голову и увидела, как на меня несется огромный самолет с черными крестами. Он летел так низко... И я испугалась, что сейчас меня убьют, стала кричать. Прибежал кто-то из взрослых и подхватил меня. С таких самолетов часто строчили пулеметы. Убивали скотину. Убивали детей. До сих пор боюсь низко летящих самолетов – сердце заходится.

Мама выкопала в огороде г-образный окоп, туда снесли запас воды и сухарей. Там пережидали налеты. Сверху окопчик был

закрыт крышкой от стола. Дедушка все шептал: «Меня первая пуля не минет...» И вот однажды в эту крышку постучали. Дедушка открыл. Там стоял окровавленный солдат и просил перевязать его раны. Дедушка пошел за полотенцами...

Вскоре появились немцы. Двух младших маминых братьев забрали в гестапо и казнили – они были большевики (коммунисты). К нам на хутор немцы ходить боялись – в лесу были партизаны. Мамина племянница, комсомолка, якобы помогала партизанам. Ее выследили. Собрали семь семей (помню, что были грудные дети), загнали в дядину хату, облили бензином и подожгли... На месте этой страшной казни стоит памятник.

Полицаи и «вольные казаки» на мотоциклах разъезжали по улицам, ловили гусей, кур, другую живность. Помню, что нельзя было резать скотину для себя. Сосед зарезал свинью. За ним приехали. Увезли вместе с тушей. Потом мы узнали – соседа казнили в гестапо. Мама тоже зарезала кабанчика. Мясо припрятали как-то, но полицейские нагрянули почти сразу: двое «наших», один чужой, в черных мундирах с золотыми пуговицами, с оружием. «Наши» обыскивали дом. А чужой тряс маму, грозил убить ее и нас, если не признается. В конце концов, полицейский вышел в сенцы, где были куры и гуси. Птицы били крыльями, щипались, кричали. Полицейский отшвырнул их ногой и вышел из дома... Возможно, эти гуси не только Рим спасли, но и нашу семью...

После войны я окончила семилетку с похвальной грамотой. Поступила в Таганрогский техникум, после окончания которого по распределению приехала сюда, в закрытый город. 38 лет проработала в СКБ завода «Авангард». Сейчас на пенсии. Вырастила дочь и сына, помогаю воспитывать четверых внуков и внучку, а

Валя со старшей сестрой, 1946 год

Мемориальная плита на могиле отца

еще двух правнучек и двух правнуков. Я – очень счастливая и «богатая» бабушка.

В июле 1944 года мы получили похоронку на отца: «Ваш муж и отец геройски погиб на острове Сунион-Саари». Я долгие годы искала этот остров. И нашла. С внуком Петром мы побывали на братской могиле и поклонились праху отца, советских воинов. Никто не забыт и ничто не забыто!

О военном детстве в тылу

Ащепков Николай Васильевич

Н.В. Ащепков 1937 г.р. За труд во ВНИ-ИЭФ имеет благодарность Правительства СССР 1962 г., медаль «Ветеран труда» 1985 г., знак «Ветеран Атомной энергетики и промышленности» 2000 г.

Родился я в поселке «Заря», располагавшемся в глухой степи на юге Куйбышевской области. В посёлке было около 10 домов, дорог не было, а только – направления.

Мама моя, Ащепкова Марфа Тимофеевна, 1912 г.р., была домохозяйкой. В 1944 г. она заболела и умерла в больнице г.Куйбышева.

Отец мой, Ащепков Василий Фёдорович, 1913г.р., был механизатором, зимой ремонтировал технику в МТС с. Падовка, а с весны работал на тракторе ЧТЗ в поле – пахал землю вокруг посёлка до горизонта, сеял зерно и убирал урожай. Во время Великой Отечественной войны у отца была бронь, но его много раз призывали в Армию. Хорошо помню многочисленные слёзы мамы в эти проводы. Мы с сестрой Ниной, 1935 г.р., были на попечении бабушки Анны, а когда её не стало, то на попечении дедушки Фёдора (прожил 86 лет, был участником Первой мировой войны, инвалид I группы) или прадедушки Игната (прожил 101 год). Это было возможным, так как все мы жили в одном пятистенном доме. Наши деды занимались по хозяйству со скотиной, а мы были предоставлены сами себе...

В 1944 г. я пошел в 1 класс начальной школы. Что это была за школа? Помню первую учительницу, Безяеву Раису Ивановну. Она приходила к нам в пос. Заря за 3км из с. Идакра. А мы, все школьники с 1 по 4 класс, получали домашние задания, собрав-

шись в одном доме. Но так было только одну зиму, а потом все ходили в с. Идакра, т.к. там открыли начальную школу, в которой были классы и парты. Ходить по бездорожью осенью и зимой было трудно, и отец договорился о моем проживании у его знакомых в с. Идакра. Вот так я был предоставлен сам себе. А летом иногда с дедом Фёдором пасли наше поселковое стадо.

Хорошо помню, как летом 1944 года, уже смеркалось, я шел по огородной тропке в свою баньку, и вдруг на северо-востоке из-за поворота появилась гигантская вспышка. Через некоторое время земля под ногами дрогнула. Отца в этот день дома не было, он уехал в больницу к маме через г. Чапаевск. На другой день стало известно, что произошел взрыв на заводе в Чапаевске. Мы очень беспокоились за отца, что там случилось? Он вернулся на другой день и рассказал, что произошло. А там произошла катастрофа — взорвался цех непрерывного производства тротила. Заводы из Чапаевска не эвакуировались и снабжали фронт, в т.ч. боеприпасами в бумажной упаковке.

На заводе в 20 часов была пересменка и вдруг взорвалось 90 т. тротила. Кирпичи от стен цеха летели на большие расстояния. Было много жертв в городе Чапаевске. Отцу в тот раз повезло — он был далеко от места взрыва, воздушной ударной волной только сорвало с головы фуражку. Позже, уже здесь в Сарове, мне об этом случае рассказывал мой начальник группы Зотиков Анафий Петрович. Он тогда работал начальником цеха на соседнем заводе и случайно уцелел — спасла железобетонная стена, но ударной волной он был контужен. Причину взрыва так и не установили, а вот на допрос вызывали несколько раз.

Очень хорошо помню День Победы. В этот день я был дома в нашей Заре. Рано утром оделся и вышел на улицу. И вдруг по дороге мимо дома скачет на коне солдат в будёновке и кричит: «Победа, Победа, Победа!...» И так и кричал об этом радостном событии, пока не проскакал весь поселок, и поскакал дальше в с. Михайло-Овсянку. Прибыл нарочный из с. Идакра, где был наш сельсовет. Велено было всем явиться к обеду в с. Идакру. А там был накрыт стол на пол-улицы для всех и состоялся этот праздник со слезами на глазах...

А с председателем нашим, уважаемым Журановым Иван Ивановичем, осенью 1944 года произошло следующее... Висел у него дома на стене портрет И.В. Сталина, большой такой, под стеклом. И вот, в уборочную пору прибыл к нему уполномоченный (название-то какое!). Его из района прислали – наблюдать за ходом работ по уборке урожая. Вот же, были в районе такие мужики, а в поле и на току работать – их не было, только бабы да старики. Иногда и нас, малолеток, просили возить на лошади зерно от комбайна на ток.

Так вот, обедал этот посланец с председателем, да, видимо, с водкой. Вставая, задел председатель плечом портрет Сталина. Тот грохнулся со стены на пол, и стекло разлетелось, порезало портрет. Иван Иванович полез собирать осколки стекла голыми руками, да порезал пальцы, залил портрет своей кровью и ... матюгнулся. А этот командированный поехал, как потом выяснилось, не в поле, а сделать донос на председателя.

И вот утром я вижу, как въезжает на нашу улицу армейская фура с двумя военными, и один из них меня спрашивает: «Где живет ваш председатель?». Я показал им дом, и они поехали туда. Я позвал приятеля, Колю Смирнова, и мы пошли к дому председателя – посмотреть, что там случилось. А там арестовали нашего председателя, выводят его с узелком и усаживают в фуру. Жена его плачет и кричит что-то вслед... Собрался народ, и она рассказала, что произошло... Через полгода жена председателя получила телеграмму, что ее Иван Иванович умер от туберкулеза легких.

Осенью 1945 года вернулся сын председателя, Фёдор, капитан, грудь – в орденах и медалях. Собрался весь поселок. За столом спрашивает маму, что же это она не сообщила об аресте отца. Она ответила, что посылала через день ему «треугольнички», а они терялись, по-видимому, где-то. Федор рассказал, что воевал и служил у товарища Жукова Г.К., а уж тот помог бы вызволить отца... Вот органы и не позволяли сделать это, перехватывали письма Фединой мамы. Еще помнится, что такой же уполномоченный за три горсти ржи посадил на три года отца троих детей и моего приятеля Коли Смирнова. Вернулся из тюрьмы он, Смирнов Иван, после войны, больным и совсем другим человеком.

Вернулся осенью 1945 года с войны и наш дядя, Ащепков Иван Фёдорович. О нем долго не было ничего известно. Оказалось, что дядя долго воевал, в одном бою его засыпало в окопе землей, и он был контужен. Откопали его немцы и взяли в плен. Из плена был освобожден и опять воевал. До войны учился в Куйбышевском индустриальном институте, и ему оставалось сделать дипломную работу. В 1945 г. он вернулся в институт, сделал дипломную работу. Оставалось защититься. А тут вышел приказ маршала Л.П. Берии, о том, чтобы всех, кто был в плену, посадить в тюрьму как изменников Родины. Вот за плен отсидел дядя Ваня ещё 7 лет, теперь уже – в нашем лагере. С чистым паспортом его освободили в 1954 году. Опять сделал дипломную работу, стал инженером. Потом монтировал технику на Куйбышевской ГЭС, оборудование – на Куйбышевском металлургическом комбинате. Был награжден орденом «Знак почета».

Я окончил Чапаевский химико-технологический техникум в 1955 г. и МИФИ-4 в 1967 г., во ВНИИЭФ с 1955 г. – старший научный сотрудник отделения 19.

Поселка «Заря» давно нет на карте. Все разбежались после войны, кто куда... После того, как отец погиб по вине водителя под колесами бензозаправщика в 1948 году, и нам с сестрой пришлось покинуть этот поселок. Сейчас на карте автодорог Самарской области на месте пос. Заря стоит знак захоронения. Это место на кладбище, где похоронены наши родные, огородил дядя Ваня металлическим забором и установил там пирамиду с крестом, а я ему помогал закрутить гайки. Было это еще в 1961 году...

Мое трудное и милое сердцу военное детство

Бабадей Сергей Михайлович

С.М. Бабадей родился 2 августа 1932 года в деревне Низы Брянской области. В Сарове живет с 1956 года. Работал инженером в отделе ученого секретаря ВНИИЭФ (КБ-11), старший инженером, зам. начальника третьего сектора по НИОКР, директором завода 2, директором завода ВНИИЭФ. Награжден орденом Трудового Красного знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия В.И.Ленина». Лауреат Государственной премии СССР

22 июня 1941 года. Юго-запад Брянщины, где стыкуются Россия, Белоруссия и Украина. Маленькая деревушка в лесистых буераках – 75 изб, крытых соломой. Вдоль низин и оврагов она растянулась почти на 1,5 км. От избы другой избы не видно. Это колхоз имени Мичурина, в нём трудятся мои родители. Отец – бригадир полеводческой бригады, мама – звеньевая. Детей двое: я, девятилетний, и брат Виктор, ему 11.

Стоит чудесная летняя погода. В полдень появляется пыльный, подавленный, почерневший отец. Бурчит: «Война». Мама – в слёзы, а нам с братом это непонятно. Мы в учебнике географии для 5-го класса, подаренном нам двоюродной сестрой, видели диаграмму, где СССР – это гигант, а Германия – «вот такусенькая». Отец говорит, что всё не так просто, ещё нагорюетесь, ещё наплачетесь. Но он принёс из колхозного ларька банку черничного варенья, и это лакомство стирает в первый день войны из наших детских душ будущее великое горе.

На четвертый или пятый день отца вызывают в райцентр, в Стародуб, и, как военному постоянного учёта в должности помощника командира пулемётного взвода, участнику финской кампании, приказывают из колхозных мужиков призывного возраста создать и обучить отряд народного ополчения. С собой он привозит учебную винтовку, макеты разных гранат, противогаз, другие пособия и учебную литературу. По вечерам мужики часа по полтора постигают воинские премудрости. Конечно, и мы, сельская пацанва, рядом копируем взрослых.

Ранними утрами, поздними вечерами и даже ночами в деревне стучат топоры, скрипят повозки. Мужики готовятся к мобилизации, устранивают недоделки, копившиеся годами. Угоняют в эвакуацию колхозное дойное стадо и свиноферму. Нас с братом отец везде таскает за собой – в помощь для обучения и тысячи наказов.

«Райцентр захвачен немцами!» Где-то в конце августа вдруг пропала телефонная связь с райцентром. Встревоженные сельчане отрядили отца на разведку. Вскоре отец на взмыленной лошади прискакал обратно: **«Райцентр захвачен немцами!»**. Мужики шустро запрягли лучших лошадей, побросали в телеги немудрёные котомки и ускакали на восток.

Оставшиеся жители попрятались на болотах и в лесу. Наши войска спешно отошли, никаких сражений не было. Видели лишь скоротечный воздушный бой нашего «ястребка-ишачка» с двумя немецкими истребителями (один был сбит, второй удрал). Да примерно, в полутора километрах по железной дороге прогрохотал бронепоезд.

Посидели мы на болоте несколько дней, пока не кончились припасы, да и вернулись по домам. Так начался мрак двухлетней оккупации с её ужасами и трудностями.

Рельефом и лесными зарослями наша деревушка с символическим названием Низы была надёжно укрыта от большака. Связь с округой осуществлялась по малоприметным просёлкам, и поэтому оккупантов мы не видели больше месяца. Но примерно через неделю старики собрали общее собрание. Цель – раздел колхоза. Ведь пока собственность колхоза находится в едином коллектив-

ном пользовании, немцам будет удобно загрести всё разом. Постановили: разделить всё по едокам и не обидеть солдаток и вдов.

Под расписку в амбарной книге всё унесли по крестьянским дворам и надёжно припрятали. Выделили нам земельный надел, гектара четыре. Выбрали на том памятном собрании старосту, уважаемого всеми старика. Я до сих пор преклоняюсь перед мудростью тех простых крестьянских дедов. Они помогали приспособиться к новым условиям жизни. На женщин, стариков и пацанов свалились все трудности сельского хозяйствования и быта.

Оккупация. Постепенно немцы наладили своё управление, создали полицию. В деревне было трое полицейских – один взрослый мужик, почему-то не уехавший с ополченцами, и двое семнадцатилетних юношей, которым грозил угон в Германию.

Немцы постоянно навевались в нашу деревушку. У неё удобное расположение – вдали от дорог, рядом чистая спокойная речка. Воздух – не надышишься. Часто сюда отводили небольшие соединения подлечиться, отдохнуть, зализать раны после стычек с партизанами. Так что пресловутое «Матка, яйки! Матка, млеко!» до сих пор вызывает ненависть. Но хуже немцев были румыны и мадьяры. Эти грабили всё подряд, издевались, как хотели.

Зимой в сельских делах наступала некоторая передышка, оставался лишь уход за скотиной да обеспечение водой и топливом. Мы много читали. Мама заставляла нас с братом вечерами попеременно читать вслух отчетливо, с интонацией. Чтение позволило нам с братом не отстать в учёбе. Немцы, правда, прислали в деревню учительницу, но сельчане её вскоре разоблачили: она была назначена через детей шпионить за родителями.

Были в те военные зимы у меня и не совсем обычные обязанности. На чердаке бабушкиной избы я обнаружил большие запасы лыка. Сходил к одному старику, и он научил меня плести лапти. Вскоре моей обязанностью стало обеспечивать семью и близких этой удобной обувью. Вторая обязанность появилась как-то исподволь. После ухода отца осталось в огороде много табака-самосада. Мы его высушили, укрыли на чердаке под соломенной крышей. И вдруг однажды мама попросила меня приготовить из

этих стеблей махорку. Довольно быстро я догадался, куда уходил табак. Партизанам курево требовалось не меньше еды.

Партизаны в деревню наведывались нечасто: то по дороге на задание, то за продуктами, то отлежаться после болезни. Сарафанное радио мгновенно разносило эту весть по деревне, и ночью бабы, крадучись, навещали избу, где остановились партизаны. Вскоре весть о партизанах, как ни старались мы держать ее втайне, становилась известна и полицейским. Они тогда убирались на другой конец деревни и нос не высовывали.

Освобождение пришло труднее, чем оккупация. Бои громыхали и зарева пылали вокруг больше недели. Но вот побежала немчура в панике, а за ней – охвостье из предателей, бывших полицейских, старост и другой нечисти. Эти тотально грабили и уничтожали всё подряд.

Тогда впрягли мы своего Ваську в оглобли, закинули на повозку подушки, харчи топор и отправились на заветные места среди болот.

Скрывались несколько дней. В деревне вроде бы всё стихло. Мама послала нас с Виктором узнать, ушли ли оккупанты. Прокрался я к дому, затаился в малиннике. Прислушался, нашёл по запаху дыма походную солдатскую кухню. Долго я присматривался, пока не услышал крик повара: «Товарищ лейтенант! Ведите всех на обед!». Выскочил я тогда из малинника, меня кто-то тут же подхватил на руки, и я расплакался от радости. Только в этот момент я осознал весь ужас, который пришлось пережить.

Советская власть была быстро восстановлена. Пришли письма от родни. Оказалось, что погибшим у нас был только один дядя, брат отца. А вот у других было хуже. Чередой в деревню пошли похоронки. Но народ распрямился. По упомянутой выше амбарной книге свезли на колхозный двор ранее полученное имущество. Из райцентра прислали председателя, бывшего партизана-инвалида.

Председатель оказался не ах. Уже через пару месяцев наши бабы взбунтовались и потребовали, чтобы райком председателя отозвал, а нового колхозники выбирали бы сами. Добились своего. Организовали собрание, прибыл представитель райкома. Бабы

пошумели и, несмотря на отчаянное сопротивление, слёзы и уговоры, выбрали председателем нашу маму.

Хорошо запомнился **Первомай 1944 года**. Мама послала меня обследовать самое дальнее колхозное поле, готова ли земля к вспашке. На обратном пути я наткнулся на окоп, в котором в 41-м располагалось миномётное гнездо. Миномёта там не было, а вот четыре ящика с минами остались. Взял я одну, осмотрел, захотелось её разобрать. Подумал-подумал, вывернул взрыватель. Сообразил, как разобрать и его. Разобрал, понял, как действует стопор, предохраняющий мину от взрыва при транспортировке и выстреле. Выбросил стопорные шарики, собрал снова взрыватель, установил на место. Всё, мина готова к бою. И тут осторожность мне изменила, черт дернул попробовать ее взорвать. Взорвалась она настолько удачно, что лишь один осколок угодил мне в ногу.

И бабы, и старики, и дети работали, не жалея себя: «Всё для фронта! Всё для Победы!». Голодуха была жуткая. Старики подучили разорять грачиные гнёзда, когда грачата становятся слётками, и ловить их. Нам хоть какие калории, а грачи успевали за лето высидеть вторую кладку. Помню, ветфельдшер выбраковал больную лошадь, её забили, освежевали и конину распределили по семьям, где были дети и больные.

Весна 45-го выдалась тёплой. 9-го мая мы впятером босиком бежали в школу. По дороге шёл грузовичок, в кузове сидели солдаты. Мы решили прокатиться, вцепились в борт, солдаты помогли забраться. Узнав, что мы спешим в школу, они удивились: «Какая школа! Никаких занятий! ПОБЕДА!!!» Мы выпрыгнули из кузова и помчались обратно с этой радостной вестью.

В июне стали возвращаться демобилизованные мужики. И среди них — ни одного здорового. Вернулся и отец. Один осколок в позвоночнике, один — в правой ключице, перебил и врос в неё, не извлеченный. Локоть не поднимается до плеча, а ладонь не дотягивается до брови. Но отец считался ценным кадром, потому и дослужил в должности старшины до приказа о демобилизации старших возрастов.

Семья Бабадей. Слева направо: брат Виктор, отец Михаил Акимович, Сергей и мать Анна Терентьевна

Мама дала деревенским мужикам две недели отдохнуть. Потом созвала колхозное собрание: «Я отмучилась, выбирайте себе председателем кого-то из мужчин». Пошумели бабы-деды-мужики и выбрали... моего отца. Так что тезис «Дети, вы обязаны показывать пример другим. Иначе мы не сможем командовать чужими детьми» звучал для нас теперь из отцовских уст.

Она видела глаза войны

Байдакова Светлана Никитична

Я родилась перед самой войной, мне было семь месяцев, когда она началась. В октябре, после ухода отца на фронт, в город пришли немцы. Но я их видела только пленных, после войны. Мама осталась с тремя детьми. Братья были старше меня на 12 и 15 лет. В 1943 году, когда Харьков освободили, на фронт забрали моего старшего брата. Он дошел до Германии, а домой вернулся только в 1950 году, оставался в армии. А отец, как мы узнали только в 1946 г., пропал без вести. Так что я росла без него.

Я тогда была грудничком, а мама с сестрой ходили по деревням что-то менять, носили туда всякие тряпки. Где молока дадут, где – еды... А потом уже не стали давать ничего, и приходилось ходить куда-то далеко. В декабре мама и ее сестра с детьми решили идти в село, где родился мой отец. Родственников там не было, но маму знали. Меня везли в декабрьские морозы на санках целых 200 километров. Переночевать просились в деревнях, где-то давали поесть.

Страшно было. А когда мы пришли в деревню под Курском, там уже стояли немцы. Всякое там было – народ прятался, кого-то вешали... Но там было легче с продуктами. Жили у чужой бабушки. Когда немцы стали отступать, один из них забежал в дом и стащил одеяло. Мама стала ругаться: «Что же ты! Мы и так пришли без ничего!» А он: «Зимна матка, зимна!» В 1943 году на войну забрали моего брата, а мама работала счетоводом в колхозе.

В 1945 году мы вернулись в Харьков. Все разбито, жилья нет, комната, где мы жили, была занята. И до 1946 года мы

жили в том селе. А потом вернулись домой. Карточная система тогда была, тяжело, конечно. Я помню, что это было голодное время. А на карточки давали только хлеб. В детском саду, помню, еще кормили, а в воскресенье мы голодали. Кто-то картошку сажал, а детвора собиралась и выкапывала, где чего оставалось. Вот так и жили. В 1948 году, по-моему, отменили карточную систему, стало легче.

Мы родом из блокадного детства

Беднова Галина Наполеоновна

Галина Наполеоновна Беднова родилась 9 января 1926 года. Ленинградка. Блокадница. Участница обороны Ленинграда. Поэт. Ученица Ольги Берггольц. Жила в нашем городе с 1949 года. Была бессменным членом «Радуги», с 1966 по 1973 – ее председателем. Автор трех поэтических книг «Я не могу о них не писать», «По ступенькам памяти», «Третья исповедь». Повесть «Мне 16 лет, иду по Невскому» впервые опубликована в журнале «Нижегородская провинция» в 2000 году.

*Мне 16 лет, иду по Невскому.
(Вы его не видели таким.)
Провода хрустальными подвесками
В нее развесились над ним.
Ни трамвая, ни авто, ни конки.
Дальний залп умолкнет – тишина.
Непривычно, страшно мне, девчонке,
Что иду по Невскому одна...*

Из дневника

Сентябрь 1941 г. Первый день нового учебного года. Этот день был третьим днем на казарменном положении. Впереди, я думаю, беспокойная осень. А учиться так хочется!

8 сентября. Вызвали во второй половине ночи. Меня назначили командиром звена. Ответственность отвлекла от пронзительного ветра и зениток. Возле разрушенного дома, к которому нас вызывали, было много воды. Сапожки сразу промокли, но все девчата, не замечая воды, изо всех сил старались помочь пострадавшим.

В комнате, заваленной плитами, плакал мальчик. Мы отрыли его и убитых родителей. В довершение всего пролетел самолет и обстрелял нас. Пуля задела мою правую руку. Не успела я вскрикнуть, как ко мне подбежала Люся Ковалева. Она быстро и ловко забинтовала руку. Сейчас Люсе 17, окончила успешно школу, в награду от родителей получила золотое колечко. Люсю, легко ходящую по земле с обворожительной улыбкой, обожают все в дружине.

11 сентября. Отряд вышел к Неве. К парасету, не к пристани, прислонился катер. На нем раненые с передовой. Как можно быстрее переносим раненых в фургоны. В одном из отсеков катера лежат два пленных немца. Сандружинницы не хотят брать на носилки немцев. Пришлось командиру Нине Поповой прибегнуть к приказу. Я и Кларцета несем немца, он говорит: – Сталин гут. Мы на него не глядим.

13 сентября. За четверо суток спала 2 раза. Сегодня сентябрьское воскресное утро, в городе солнце и золотой листопад, а по госпиталю приказ: увольнительных никому не давать. На крыше установлен белый флаг с красным крестом.

Бойцы просят меня опустить письма в почтовый ящик, висящий на здании госпиталя. Выхожу. И почти тут же на госпиталь упали две фугасные бомбы. Здание покачнулось и стало разваливаться. Стена и наклонившийся сейф образовали возле меня треуголь-

ное пространство, в которое я мгновенно юркнула и падающие кирпичи меня не убили. Увидела бегущих, помчалась за ними. Ко мне присоединились двое раненых.

Когда через проем в стене мы выбрались во двор, здание вовсю горело. Госпиталь был оцеплен пожарными, бушевало колоссальное пламя.

Уже не было никакого пятого этажа, где располагалась наша палата. На перекрытиях 4 и 3-го метались люди. На другой день комиссар госпиталя сказал, что погибли 1200 человек. Там же сгорела наша любимица Люся Ковалева.

1 января 1942 г. Вчера в столовой обещали сюрприз. «Сюрпризом» оказалась каша из затхлой перловой крупы, которую достали со дна Ладожского озера. Среди ночи вызвали, чтобы отвезти в больницу, упавшего на улице артиста. Везла большие сани с артистом и маленькие с аккордеоном. Тяжело, но не выбросила, чтобы не обидеть артиста.

5 января 1942 г. К ужину дали по одной конфете, сваренной из земли Бадаевских складов, сгоревших осенью.

9 января 1942 г. Сегодня – мое шестнадцатилетие, и 202-ой день войны. Получили с Кларцетой увольнительные. Пришли к нам. Мама подарила мне духи «Чио-чио-сан» довоенного производства. Топится «буржуйка», подогревая воду. Пьем чай, едим хлеб, который принесли с собой, и сыр, который приберегла мама. Тост не произносится – до победы далеко.

13 января 1942 г. На окраине города немцы кричат в рупор: – Ленинград –город мертвецов, сдавайтесь! Сдаваться никто не собирается, но слушать такое невесело. В нашей родне умерли почти все мужчины. Даже мальчик 12 лет умер.

31 марта 1942 г. Мать, отец и я вышли из дома еще до рассвета. Улица была безлюдной и обледенелой. Я несла маленький чемоданчик, чуть больше нынешнего дипломата, там лежали 12 золотых маленьких ложечек – свадебный подарок родителей, 10 пачек папирос и несколько кусков колотого сахара. Когда прощалась с подругами перед отъездом из Ленинграда, те отдали мне дневную норму сахара... Никогда не вернусь в этот город! – словно клятву повторяла про себя.

...Товарный вагон забился людьми, как трамвай в часы «пик». Отправлялись стоя – путь был недалеким, всего километров сорок. Дорогу где-то бомбили, и ехать пришлось полсуток. Рядом с нами стоял пожилой мужчина и бранился. Наверно, он сошел с ума. К месту высадки подъехали в сумерки. Дул сильный ветер. Шел снег, мела поземка. Человек, бегущий вдоль поезда, кричал: – Не выходите из вагонов, вы погибнете! С начала войны я привыкла быть в действии – куда-то бежать, кого-то спасать, а тут – беспокоились обо мне.

Наш эшелон уходил на восток в 2 часа ночи. До Волхова ехали четверо суток почти без еды. Поговаривали, что в вагоне, где ехали ремесленницы, умерли все. В нашем вагоне умерла одна женщина. Ее четырехлетнего сына сняли с эшелона.

В Волхове нас покормили горячим картофельным супом. Желтые корочки неочищенного картофеля казались золотыми. Необыкновенно вкусный суп. После еды стало клонить ко сну. Тогда начался обстрел. Самолеты кружили над эшелоном и пули бились о крышу вагона, словно дождь. А я уснула.

В Ярославль прибыли под вечер. Выйдя из теплушки, заметила: тает снег. Весна! После леденящей душу зимы не верилось в возможность весны. Пробираясь сквозь толпу, я потеряла галошу.

Осталась в тонком фетровом валенке. – Что делать? Промочить ногу, идя по лужам? И переобуться не во что. Ждать, когда толпа разойдется? Может эшелон уехать. Вдруг ко мне подошел статный симпатичный летчик. – Что с тобой? – Галошу потеряла. Летчик осветил толпу фонариком и крикнул: – Разойдись! В центре круга из расступившихся людей я увидела галошу, взяла ее и побежала к эшелону.

Ленинградцы, знала я, держатся еще и потому, что их будни наполнены благородными поступками, ежедневно кто-то кого-то выручает из беды. Когда в какой-либо дом попадала неразорвавшаяся бомба, с ужасом ждали: вдруг разорвется. На Гончаровой улице из дома, в который попала такая бомба, надо было вывести жильцов. Меня, Кларцету, Нину Карпунину, Нинель Добровольскую, Зою Ситникову, Юлю Миклич командир построила и спросила: – Кто войдет в дом – поднимите руку. Руки подняли все...

...Вернувшись в теплушку, рассказала маме о красивом летчике. Рассказ об этом летчике перешел к летчику Алексею Севастьянову, к тому дню 5 ноября 1941 года, когда впервые над Ленинградом был сбит фашистский самолет. Когда лишь начинались сумерки, я и еще несколько сандружинниц шли по 2-ой Советской улице. Перед нами, пересекая улицу, летел падающий горящий самолет с отчетливо видимой фашистской свастикой... Фамилию летчика, сбившего стервятника, мы узнали на другой день из газеты.

Кто-то родом из детства...

Я – из войны,

Из блокадного бедствия,

из его глубины.

Влюблена была в небо, но небо меня

Обмануло нелепо.

Среди белого дня

С неба падали бомбы, разрушали дома.

Поднялась из обломков,

как – не знаю сама.

А друзья не успели.

Мне жалко друзей.

Хорошо они пели в первой роте моей.

Были родом из детства

все друзья у меня,

Не могу я согреться без них у огня.

Холодно, голодно и нечего надеть

Бекенёва Мария Ивановна

М.И. Бекенёва 1933 г.р. В Сарове с 1951 года. Работала референтом в гор. прокуратуре, секр. маш. в 6 отделении ВНИИЭФ, воспитателем в детском саду, зав. 4-го общежития. На пенсии с 1988 г.

Начало войны

Моего старшего брата забрали в армию еще до войны, в мае. Он работал учителем в школе и заочно учился в институте. А уже во время войны взяли в трудовую армию нашего отца. Затем мобилизовали сестру, которой на тот момент было четырнадцать лет. В те годы в городе Вятские Поляны работал машиностроительный завод, где выпускали пистолеты-пулеметы Шпагина (ППШ). Сестра работала там токарем. Смена была по 12 часов, а по воскресеньям – 18. Двенадцатилетнего брата вскоре отвезли в город работать в мастерской, в которой шили солдатские сапоги. Еще одна сестра работала в райисполкоме.

В деревне остались только мама, бабушка и я. Прожить там было трудно, поэтому вскоре мы тоже перебрались в Вятские Поляны, где было много родственников.

Город постепенно заполнялся людьми. Народ везли со всех сторон работать на завод. Строили бараки, расселяли людей по домам. В каждом доме спали в две смены: одни приходили с работы, другие уходили. Я пошла в школу. Училась там до обеда, а после занималась работой по дому. Все домашние дела легли

на детей и стариков. Воду для приготовления пищи выдавали в обмен на железные жетоны. Посреди улицы стояли домики, примерно 2х2 метра, внутри которых проходила водопроводная труба. В небольшое окошко подавали жетон, и колонщица налиwała в ведра воду. За водой для других нужд ходили на Вятку.

А еще печку топить нужны были дрова. Где только не собирали мы всякие дощечки и палочки! Я ходила зимой за речку, там мы ломали загородки для скота и любые постройки, которые попадались. Взрослых за это могли арестовать, а у детей, если поймают, только санки отбирали. В городе меня встречала мама, и мы шли по темным улицам тихо, чтоб никто не приметил. У дома надо было еще дрова перерубить и стаскать в избу.

На продукты ввели карточки. Работающим на заводе давали по 700 г хлеба, а их иждивенцам – по 250-300 г. Кроме хлеба выдавали сахар, крупы и немного мяса. В городе работающие на других предприятиях получали меньше заводских – по 500 г на карточку, а иждивенцы – по 250 г. Но чтобы получить хлеб, надо было еще выстоять очередь.

Прошел год

В городе появился госпиталь, который разместили в здании школы. Поэтому учиться мы переехали в деревянный дом.

Город жил по заводскому графику. По железной дороге через город шли один за другим военные составы, везли на запад солдат, пушки, танки. А к нам привозили раненых. Станция гудела: слезы, плач, музыка. Мы бегали между взрослыми оборванные, грязные, старались хоть чем-то помочь. Приезжали к нам и эвакуированные, дети их были чистенькие, хорошо одетые. Дети приезжих вообще отличались от местных, их жалели, помогали. А нас – хорошо, если не толкнут, а еще и прикрикнут: «Уж эта безотцовщина!». Я обижалась, когда слышала подобное в свой адрес.

А мама тем временем копила полученные по карточкам продукты, складывала их в мешочек, чтобы выменять у приезжих на одежду. Сами мы ели гнилой картофель, который я собирала на полях. Сколько его не мой, все скрипит на зубах. Электричества не было, но нам все равно выдавали черную бумагу, чтобы вечерами закрывали окна.

Семья была большая, стирки много. А вот мыла не было. Поэтому стирали щелоком, разведенной в воде золой. Летом еще ничего, тепло было, и руки не стыли. А зимой нагрузим с мамой на санки гору белья и идем на Вятку. Мама полощет и бросает белье в снег, а я вальком его колочу, перебрасывая на снег до тех пор, пока снег чистым не будет. Потом мама полоскала белье еще раз и, не выжимая, бросала на санки. Когда белье замерзло, везли его домой.

В школе учиться было трудно: не было ни учебников, ни бумаги, ни ручек и карандашей. Писали на всем, что находили, в основном на газетах и журналах, которые сохранились с довоенных времен. Учебники выдавали по одному на 3-4 учеников. Зимой в школе было холодно, даже чернила замерзали.

Появился у нас и урок военного дела. С третьего класса мы занимались прыжками, бегом, ползали по-пластунски. Зимой бегали на лыжах, но не по лыжне, а по целине да по замерзшей Вятке. В школе был свой хор, он часто выступал перед ранеными в госпитале. Помню, что некоторых раненых перед концертом приносили на носилках и ставили поближе к нам. Так рады были солдаты нашим выступлениям, что некоторые даже плакали.

Николай

Однажды в вагоне среди раненых я увидела брата. Он не мог ходить даже на костылях. Привезли его домой на телеге, он был весь изрешечен: пуля в легких, позвоночник перебит, нога не сгибается. Положили его на кровать, и он даже встать не мог. Мне прибавилось работы ухаживать за ним. Его часто мучили припадки. Помню, что за месяцы войны нам на Колю приходили четыре похоронки. Но мама ни одной не верила. Была у Коли заветная

сосна, которую возле своего дома на хуторе посадил дед, когда брат только родился. Со временем в том доме никого не осталось, а сосна так и стояла посреди поля – невысокая, но пушистая и зеленая. Никто ее не рубил – знали, чья. И во время войны, как приходила на брата очередная похоронка, мама ходила посмотреть на сосну. И каждый раз, возвращаясь, говорила: «Николай жив. Просто кто-то ветку сломал». Когда принесли четвертую похоронку, у сосны сломали макушку. Мама решила, что он ранен, но жив. Так и оказалось.

Летом я ходила в лес за ягодами. Кормила ими Николая, поила соком. Его часто клали в госпиталь для лечения. Я всегда старалась быть с ним: залезала в окно, пряталась под кроватью, чтоб не погнали. Заживлению ран хорошо помогала черника в любом виде. Хорошо, что госпиталь был через дорогу от дома. Если Николай был дома и у него начинался припадок, я бежала за врачом, и он вскоре приходил. Врач был другом Николая – вместе учились. У него не было ноги, и он ходил на костылях. А во время операции стоял на одной ноге. Даже когда приходил состав с ранеными, и у него было много работы, я, никогда не видела его недовольным. Они с Николаем всегда улыбались и шутили. Мой брат в самом начале войны командовал полком, ему тогда было 19 лет...

Жить становилось все труднее. Мама устроилась на работу – убирала у колонок лед. И еще подрабатывала курьером и уборщицей в пенсионном отделе. Почти вся работа по дому легла на меня. Зимы были холодные, а одежда у нас бедная, мы очень мерзли. В пятый класс детей пошло учиться мало, потому что многим нечего было надеть.

5 класс

Мы уже считали себя взрослыми. Выступали с концертом в школе, госпитале, заводском и городском клубах. Пели, читали стихи, ставили спектакли. Но особой популярностью у зрителей пользовались акробатические этюды. Учителя уделяли нам много времени, оставались с нами после уроков, а иногда мы ходили к ним домой. В старших классах на уроках военного дела нас начали учить стрелять. Мы относились к этому очень серьезно, понимали – война-то еще не окончена. Иногда находили время сходить

в кино. Выстаивали за билетами длинные очереди, а на некоторые фильмы ходили не один раз. Запоминали песни из кинофильмов, а потом их пели. Помню, что билет на дневной сеанс стоил 10 копеек.

Был у нас в Вятских Полянах железнодорожный мост через Вятку, который имел важное стратегическое значение. Несмотря на то, что город был в глубоком тылу, немцы засылали сюда своих диверсантов, чтобы уничтожить мост. Поэтому он очень охранялся. А мы любили, сидя на берегу, считать, сколько составов проедет на восток, сколько – на запад, сколько вагонов тянет один паровоз. На запад шли поезда с вооружением, на платформах стояли танки и пушки. На восток везли раненых и железный лом.

По дороге на запад

Шло время. Кончилась война, я заканчивала 7-й класс. Помню, что на выпускной вечер мне нечего было надеть. И лишь накануне выпускного маме удалось выменять на хлеб отрез ситца и сшить мне платье. Дошить его до конца она не успела, и в нескольких местах платье просто скололи булавками. Но я была и этому безумно рада.

После войны жить стало труднее. Отменили карточки. За хлебом стояли днем и ночью, номер очереди писали на руке. В основном в очередях стояли дети. Летом еще хорошо, можно было поспать на улице у магазина, а зимой приходилось искать место, где бы укрыться от мороза. Однажды я не смогла купить хлеб, а брату в этот день надо было идти в военкомат. Он мечтал стать моряком. Получилось так, что он пришел с работы и, не поев, пошел на комиссию. Ему не хватило всего килограмма веса, чтобы пройти медкомиссию. Помню, что он очень переживал, что не попал на флот. В итоге его отправили на борьбу с бандеровцами.

Сестра вышла замуж. Мы опять остались втроем: бабушка, мама и я. Мама по-прежнему работала курьером и уборщицей. А я пошла учиться в вечернюю школу. Днем бегала по городу, разносила разные бумаги, а вечером училась. В школе было по шесть уроков, потом я шла в пенсионный отдел мыть полы, топила там печку и иногда так и засыпала возле нее. Домашние дела тоже приходилось выполнять.

Надеть по-прежнему было нечего, я донашивала одежду брата. Отвечать к доске не выходила, стыдно было, так как одежда совсем была худая и мальчишеская. Тянула руку и отвечала с места. Вначале мне ставили двойки, но потом учителя догадались, в чем дело, и стали оставлять меня отвечать после уроков. Так что восьмой класс я закончила хорошо.

Вскоре домой вернулась сестра со своей семьей, и у нас стало совсем тесно (одна комната и кухня на всех). Старший брат Николай в то время уже жил в Смоленске, и мама предложила мне поехать к нему. Так и закончилась моя жизнь в Вятских Полянах. Собрали меня в дорогу: положили в чемоданчик 250 г конфет, сайку и платок. На вокзале, когда подошел поезд, пассажиры брали вагоны «на абордаж». Все лезли, как могли: в окна, на крышу. Тамбур был забит, проходы переполнены. Людей – как сельди в бочках, дышать было нечем. Меня кое-как затолкали в вагон, и я долго ехала стоя. Поезд шел медленно, останавливаясь на каждом разъезде, пропуская скорые. Его так и называли – «Пятисотый веселый».

Сколько суток ехали до Москвы, не помню. Наконец, прибыли. Вышла на вокзале, народу – полно. Мне надо было переехать на Белорусский вокзал, где формировались составы до Смоленска. Помню, увидела букву «М» и пошла с толпой туда. Смотрю, как люди идут – и я за ними повторяю. Встала на эскалатор, а то, что внизу надо было перепрыгивать, не знала. Подошва моих тряпочных туфель попала под зубцы, и я упала. Да еще и подошва оторвалась. Нашла веревочку, перевязала туфлю и пошла дальше. На вокзале закомпостировала билет, и денег больше не осталось.

Вот сижу я на вокзале и слышу: приглашают на экскурсию на Красную площадь. Собрала последние копейки, поехала, посмотрела из окна Москву, погуляла по Красной площади. Вернувшись, забилась в уголочек и сижу голодная. Рядом женщина обратила на меня внимание, заговорила. Оказывается, тоже ехала до Смоленска. Она предложила ехать дальше вместе, чтобы я помогала ей с вещами (их у нее было много). За это она меня всю дорогу кормила. Попутчицу мою звали Клара.

Дорога до Смоленска оказалась не лучше, чем до Москвы. Поезд часто останавливался. Все было разбито, земля лежала вздыбленная, обгоревшая, с воронками, вместо домов стояли обугленные печки. Много попадалось свежих могил: земляные холмики, а сверху – головной убор или винтовка без штыка и затвора. На иных могилах были дощечки с именами погибших. Помню, что люди с поезда выходили и искали что-нибудь поесть, не задумываясь, что до них здесь уже прошли тысячи таких же голодных. Навстречу нам из Германии шел поезд с демобилизованными. Солдаты ехали веселые, с песнями, кричали нам что-то. А мы им вслед смотрели грязные, оборванные и голодные. Умыться тоже негде было. Если находили на остановке ручеек, сбегали к нему, толкались, радовались воде.

В Смоленск прибыли ночью. Темно, нигде не было ни одного огонька, город совершенно разбит. Клара предложила пойти переночевать к ней. Шли долго, часто прятались в кювет, потому что ночью по городу ходить было опасно. Мы боялись любых шагов, шума, стука. Наутро я пошла искать брата. Три дня я его искала, адреса-то не было. Денег тоже. Хорошо, что рядом была Клара, она предложила мне обойти школы. В одной из них я нашла девочку, которая жила с Николаем в одном доме. Так мы, наконец, и встретились.

После окончания девятого класса я поехала в Вятские Поляны на побывку, и обратно в Смоленск больше не вернулась. В 1951 году я приехала в Саров.

Мы рано повзрослели

Веселовский Анатолий Васильевич

А.В. Веселовский родился 14.03.1933 года в г. Гороховце, Владимирской области, где и учился в школах с 1940 по 1950 г.г., в том же году поступил в институт, по окончании Московского Авиационного института им. С. Орджоникидзе с 1956 г. в течение 53 лет трудился в РФЯЦ-ВНИИЭФ по испытаниям ядерного оружия, ветеран труда, Почётный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ, ветеран Атомной промышленности, лауреат Государственной премии СССР, дважды кавалер ордена Трудового Красного Знамени и ряда медалей, начальник научно-испытательного отдела КБ-2, сейчас – Председатель правления Саровской Городской общественной организации «ДЕТИ ВОЙНЫ».

Начало войны

22 июня после завтрака мы с ребятами отправились на рыбалку на Клязьму. Часам к двум дня у меня на кукане было уже десятка полтора плотвиц и ершей. Довольные мы пошли домой на обед. При подходе к нашему дому увидели небольшую толпу взрослых: мужчины курили дымные сигарки самосада, женщины плакали в полной растерянности. На вопрос, что случилось, получили ответ: «Война с немцами». Ее даже мы, малые дети, почувствовали сразу: массовая мобилизация мужчин и молодых женщин, продовольственные карточки с нищенским пайком – 300 грамм на иждивенца, затемнение окон в темное время суток, крест-накрест залепленные стекла в рамах (защита от бомбежки).

Немцы стремительно продвигались, радио каждый день сообщало: «После упорных боев наши войска оставили город...»

Всеобщее уныние и слезы. Уже в октябре гитлеровцы подошли к Москве. Наши школы были отданы под госпитали, мы учились в три смены в помещениях, где придется, тетрадей не было, писали на полях газет.

Для отпора немецких войск от Москвы по приказу Сталина в Гороховецкие лагеря были двинуты огромные людские резервы. Жить там было уже негде, да и продовольственное снабжение не успевало. Нам в каждую квартиру на ночлег размещали отделение солдат (11 человек). Ребята были молодые (в основном сибиряки), страшно голодные... До этого сообщили, что Гороховецкий судостроительный завод (а он выпускал уже бронекатера, понтоны для дорожных саперских мостов и т.п.) должен быть эвакуирован за Урал. Отец имел бронь от призыва в армию, работал 16-18 часов в сутки. Мама, понимая, что с собой в эвакуацию много не увезешь и видя голодные глаза молодых бойцов, старалась их покормить: двухведерный чугунок картошки, квашеная капуста, соленые огурцы и помидоры. Ребята искренне благодарили. А далее – первый «сталинский удар» под Москвой в конце ноября – начале декабря 1941 года, эвакуацию отменили, и начался голод.

Голод

Мама с сестрой Ритой в зимнюю стужу на санках мотались по деревням, пытаясь выменять одежду на продукты питания. Но сельчане, избалованные изобилием одежды, на сделки шли неохотно. В феврале 1942 года случилась страшная беда – мой младший братик серьезно заболел... Врачей и лекарств не было (все было отдано госпиталям). В доме под нами жил санитарный врач. Мы его позвали, он, осмотрев больного, задыхающегося Валерика, сказал, что у него кризис прошел. К сожалению, врач был некомпетентен, у братишки был т.н. «корево́й круп», сильный отек дыхательных путей привел к асфиксии и летальному исходу. Нашему горю не было предела.

Из-за голода у меня на ногах образовались незаживающие язвы. Полторы четверти я из-за этого не учился, занимался дома. Помню, как на Пасху уговаривали маму из запасов картошки на посадку (два ведра) сварить по картофелине, указывая что «вот эта, шелудивая, все равно она ростков не даст!»

Еще одна беда – в очереди за хлебом у меня стащили продовольственные карточки на всю семью за неделю до окончания месяца. Это была трагедия... Я безутешно рыдал, а мама успокаивала. Чтобы как-то поддержать меня, папа предложил приходить к нему в столовую на обед.

Я прибегал заранее, занимал очередь на раздаче в столовой и с подносом ждал утомленного, похудевшего до неузнаваемости отца. Мы получали на двоих одну порцию: полтарелки так называемого супа (вода с ложкой пшенки или перловки, без всякого мяса и масла), на второе – ложку овсянки и на третье – стакан жидкого чая с сахарином.

Весной перекапывали колхозные поля, находили остатки сгнившей картошки, из которой пекли оладьи («шлеп-нашлепы», или «лейтенанты»), из крапивы и щавеля варили щи. От цинги спасались диким луком, росшим в лугах. Грачей, ворон и галок ловили, как рыбу – насаживали на крючки червей и разбрасывали их на помойках, а сами скрывались под кустами. Птицы клевали этих червей и попадались к нам на удочки. Тут же бросали их в костер прямо в перьях и ели птичье мясо без всякой соли. Брали остатки хлеба (а он был такой, что надавишь – из него капала вода), разминали мякиш с порошком борной кислоты – и на Клязьму. Бросали в воду эту отраву, и через 2-3 минуты вверх брюхом уже плавала рыбная мелюзга. Собирали ракушек, в горячей воде они открывались, ножом выдирали и варили. Так и жили до нового урожая в 1942 году. Потом стало полегче: папе как ответственному работнику дали литературную карточку, мама устроилась работать завбазой в Райпотребсоюзе. Голод кончился, можно было жить и учиться.

Помощь фронту

С 1942 года я начал дома выпускать «Боевой листок», где восхвалял наши победы над немцами, рисовал карикатуры на немцев в стиле Б. Ефимова и Кукрыниксов из журнала «Крокодил». По инициативе наших учителей мы стали давать концерты в городских госпиталях: пели песни, читали стихи, показывали небольшие сатирические сценки с высмеиванием фашистских захватчиков. Раненые встречали нас очень ласково: улыбались, аплодировали, некоторые плакали и угощали, чем могли. Мы ходили

по квартирам, собирали для бойцов варежки, носки, шарфы и затем отправляли на фронт. Собирали металлолом и отправляли его в Горький. Все мы рано повзрослели, однако мальчишки есть мальчишки, хотелось и покуролесить, и похулиганить. В то время найти какие-то боеприпасы было очень просто, а любопытство и вседозволенность иногда приводили к печальным последствиям. Со мной за одной партой сидел мой приятель Лялька (Валерий) Костин. Летом 1943 года он где-то нашел запал от гранаты. Ничего лучшего не придумал, как в доме на кухне решил его разобрать с помощью отвертки и молотка... В результате на правой руке остались половина большого пальца и мизинец, свыше пятидесяти осколков хирург удалил из тела, серьезно пострадал один глаз. Как-то мы нашли неразорвавшийся снаряд от тридцатимиллиметровой авиационной пушки. Решение пришло сразу: развели костер, положили снаряд в угли и стали ждать. Прошло минут двадцать, а взрыва нет. Я как заводила этого дела решил проверить: только встал, а тут как бабахнет! Благо, на меня долетели только угли.

В комсомол

В классе я был первым учеником, активным пионером: председателем совета отряда, а затем – пионерской дружины школы. В 1946 году подал заявление в комсомол. На бюро райкома вышел казус: на все вопросы я отвечал «как от стенки горох». Однако когда спросили, кто может быть комсомольцем, я бодро отпартовал, а мне сказали: «Но тебе же еще нет 14 лет!» Я ушел обескураженный, и, видимо, у меня был такой вид, что первый секретарь РК ВЛКСМ догнала меня в коридоре и сказала: «Да примем мы тебя, примем, не расстраивайся!» Меня всегда увлекала техника. Помню, мама регулярно шила, перешивала, перелицовывала старую одежду, делая для детей ее заново. У нас была швейная машинка «Зингер» (с ножным и ручным приводом). Я научился на ней шить и втихаря делал из старой клеенки кобуры и ножны для игрушечных револьверов и сабель. Как-то мама пожаловалась соседке, что швейная машинка стала капризничать, ее надо бы почистить и смазать, да все некогда. Я это понял и на другой день занялся профилактикой...

Комсорг Веселовский ведет собрание

Мама пришла на обед, когда я всю машинку разобрал по винтикам, вытирая ее ветошью. Мама подавила гнев, просто спросила: «А соберешь?» Я ответил утвердительно. Все смазал, собрал, опробовал – как новая. Мама похвалила (было мне в ту пору семь лет). С тех пор ТО швейной машинки я проводил регулярно. Кстати, эти познания позже пригодились: для моего первоклассника – сына Максимки – в период хаоса и перестройки в стране в наших магазинах не оказалось зимнего пальтишка. Тогда я из старого плаща супруги и меховых брюк (из спецодежды для работ на Севере) скроил и сшил прекрасную шубейку, которую сынишка полюбил и носил аж до 4-го класса. Достал у кого-то популярный довоенный журнал «Радиофронт» (впоследствии – журнал «Радио»). Там прочел, как сделать детекторный приемник. Чем и занялся. Даже кристалл для детектора (из предложенных в журнале

компонентов) выплавлял в половнике на керосинке. Нашел старую проволоку, протянул на крыше 50-и метровую антенну и стал настраивать. Сколько было ликования, когда сквозь шум и треск в наушниках появились голоса дикторов первого канала радио СССР. Соседи выбросили на помойку старый настенный коврик, сделанный из тонких деревянных полосок, скрепляемых между собой переплетенными нитками (коврик скатывался в трубочку). Я эти полоски освободил от ниток и стал делать из них объемные модели наших самолетов: бомбардировщика типа ТБ и истребителя типа И-16. Получилось! Для катания зимой мы заливали на склоне ледяные горки, делали трамплины, а для соревнований делали «чунки» на полозьях, сделанных из струганных досок, на которые натягивались железные прутья. Впереди по центру сиденья делался руль, состоящий из цилиндрической стойки, внизу – колодка с установленным железным прутком (или коньком типа «Снегурка»), сверху – поперечная планка для управления руками. Соревновались, кто дальше прыгнет на трамплине и дальше всех проедет.

Не детская охота

Став постарше, увлекся лыжами. С ребятами ходили далеко в лес и катались с горок до упада. Раз со своим одноклассником Славкой Ковалевым (он был постарше меня, крепким и сильным мальчиком) пошли на охоту (ему было 10, мне – 9 лет). Отец у него был охотником, ушел на фронт, а ружье (двустволка) и патронташ оказались в распоряжении сынишки. Долго бродили по лесу, разглядывая заячьи и лисьи следы. Вдруг Славка тихо показывает мне дерево с дуплом, из которого выглядывает белая голова с ушами... «Заяц!» И тут же стреляет. Голова исчезла. Подбежали мы, благо дупло было на уровне 1,5 метров. Он меня подсадил, я засунул руку в дупло и вытащил... белую полярную сову. Жалко было невинно погибшую птицу.

Долгожданная победа

В 1944 году впервые увидели пленных немцев. Они были одеты в рваные шинели, на ноги накручены какие-то тряпки. Все они были худые, многие – с заросшими волосами и бородами. Про-

извели жалкое впечатление. А наши милосердные русские женщины, пережившие страшные тяготы войны, потерявшие мужей и сыновей, протягивали им какую-то еду. Немцы благодарили, у некоторых на глазах были неподдельные слезы.

И вот наконец долгожданная Победа! Меня в пять утра разбудили, все выбежали на улицу, кричали «Ура!» Смеялись и плакали, обнимались и радовались, как малые дети, даже те, кто получил похоронки о гибели своих близких. Поистине как в прекрасной песне Давида Тухманова: «Это праздник со слезами на глазах». Лучше не скажешь.

Свидетель страшной войны из концлагеря

Густова Галина Васильевна

Густова Г.В. 1936 г.р., С 1954 по 1991 год проработала в РФЯЦ-ВНИИЭФ на 1 заводе. Ветеран труда СССР и Атомной энергетики и промышленности.

В 1941-1944 гг. в оккупации.

Какое странное понятие – время. Далёкая и давно минувшая война, 70-летие Победы в которой в этом году отмечает весь цивилизованный мир, вдруг покажется страшной и близкой. Её холодное смертельное дыхание вдруг ощутишь совсем близко, и мурашки пробегают по телу. Так можно описать чувство, охватывающее при встрече с очевидцами грозных военных лет. Ветеранов с каждым годом становится всё меньше, а потому особенно ценен каждый их рассказ, каждое свидетельство и воспоминание.

В конце апреля 2015 года «Голос Сарова» познакомился с доброй и милой женщиной, бабушкой и прабабушкой многочисленных внуков и правнуков, проработавшей на градообразующем предприятии почти 40 лет, Галиной Васильевной Густовой. Когда началась война, Галине Васильевне было пять лет. Жила она с мамой, братиком и отчимом в Ленинградской области, в городе Павловске. Когда началась война, отчим ушёл на фронт, а перед этим переселил семью к своим родителям на станцию Сабельная (Ленинградская область). Голод и болезни уводили родственников Галины Васильевны в мир иной. Умерла мама, младший

брат. Маленькая девочка Галя осталась совсем одна, скиталась в поисках пропитания и тепла.

Какое странное понятие – время. Далёкая и давно минувшая война, 70-летие Победы в которой в этом году отмечает весь цивилизованный мир, вдруг покажется страшной и близкой. Её холодное смертельное дыхание вдруг ощутишь совсем близко, и мурашки пробегают по телу. Так можно описать чувство, охватывающее при встрече с очевидцами грозных военных лет. Ветеранов с каждым годом становится всё меньше, а потому особенно ценен каждый их рассказ, каждое свидетельство и воспоминание.

– Я плохо помню, как меня забирали. Помню, что в феврале поместили в вагон, где перевозили скотину – там было много сена, а в Гатчине поселили в корпус рядом с немецким лазаретом, где лежали больные тифом.

Город Гатчина (в то время он назывался Красногвардейск) был захвачен немецкими войсками 13 сентября 1941 года. В этом же месяце в городе были расквартированы специальные зондеротряды и айзанцгруппа «А». Приказом генерал-фельдмаршала фон Лееба Гатчина была переименована в Линдемаштадт. На территории района открыли несколько крупных концлагерей.

Подробности пребывания в концлагере детская память Галины Васильевны не сохранила. Она помнит, что детей заставляли ходить в лес, собирать ягоды, выполнять другую посильную работу. Помнит, что было много немецких солдат и офицеров, и ощущение постоянного страха перед ними.

По воспоминаниям очевидцев, фашисты, осознав, что за зверства не понесут никакой ответственности, были чрезвычайно жестокими. Вот строки из письма одного из узников концлагеря, который находился на территории деревни Выра, Гатчинского района. Они красноречиво говорят об условиях содержания пленных в этом лагере:

«...нам не давали воды ни для мытья, ни для стирки. Все завшивели, но после тифа немцы устраивали прожарку бе-

ля, и вши не так досаждали, как клопы. Эта нечисть изматывала некоторых до слёз. Подъём был в шесть утра, отбой – в девять. Утром и вечером приносили кипяток и кусок хлеба, клейкого, как мыло. Обед – кружка баланды из запаренных отрубей. Было праздником, если кто-то поймает крысу под полом в туалете. Перед школой был небольшой пожарный пруд. Там вначале водились лягушки, потом их выловили и

съели в первые два дня. Траву, росшую во дворе, так же вырвали и съели в первые два дня и потому площадь была пустой. Зеленело только за проволокой, но и туда мы совали руки, хотя и стреляли. При мне двоих убили за траву и одного за то, что он отошёл на два метра дальше на работе в лесу...

...Однажды в лесу на меня напустили волкодава. Я бежал, а пёс рвал меня. Они собаку пожалели, и меня не застрелили, а только избили за то, что я выскочил из строя, чтобы схватить сухарь на обочине».

В лагерях практиковались массовые расстрелы: пленных ставили у рва (часто люди сами рыли себе могилу, под присмотром ухмыляющихся немецких солдат), заставляли раздеваться, после чего их убивали из автоматов. Злостным пыткам и расстрелам подвергались в первую очередь те, кто пытался бежать из лагеря, и активисты партизанских отрядов и подпольных коммунистических организаций.

Сначала немцы даже не пытались скрывать свои злодеяния. Но позднее были созданы специальные могильные команды из военнопленных, которые тут же закапывали в землю трупы детей, мужчин и женщин. Потом проходило

определённое время, и вчерашние могильщики сами подвергались расстрелу.

Данные, которые предоставляет комиссия по исследованию зверств фашистских захватчиков по Ленинградской области, называют ужаснейшую цифру – уничтожению подверглись более 40000 человек.

Нашей героине повезло – она выжила в этих страшных условиях. Освобождение пришло в январе 1944 года. Утром 26 января советские войска вошли в город.

– Я помню этот день, – рассказывает Галина Васильевна, – навсегда запомнила доброе лицо русского солдата, который выносил меня на руках. И сейчас, как будто, слышу его слова: «У меня такая же девочка дома». В памяти осталась гимнастёрка, погоны и ремешок через плечо.

После концлагеря девочка целый год провела в разных больницах Ленинграда. А когда пошла на поправку, была направлена в детский дом. Мы поинтересовались, она, как узнала о Победе.

– Пришла наша воспитательница, Марья Михайловна, очень рано и объявила: «Девочки, Победа!»

Столько лет прошло, а воспоминания о военном детстве даются Галине Васильевне с большим трудом. После училища, по распределению, она приехала в Саратов, стала работать токарем на Первом заводе. Здесь она вышла замуж, здесь появились двое её сыновей. Но это уже совсем другая история.

«Голос Сарова» благодарит Галину Васильевну за встречу. Мы желаем ей доброго здоровья, равно как и всем ветеранам, работникам тыла, всем очевидцам грозных военных лет».

Мамочка, спрячь меня, а то убьют!..

Егоров Вячеслав Иванович

Егоров В.И. Родился 02.10.1939 г. в г. Камышин Сталинградской обл. После службы в армии поступил в 1963 г. в Московский инженерно-физический институт. В Сарове с 1968 г. По окончании МИФИ защита диплома и работа в секторе №3 ВНИИЭФ. С 1973 по 1985 г. начальник группы ППО ВНИИЭФ (план испытаний), в 1985-1989 г. начальник ПДО завода №2, в 1989-2009 г. ведущий инженер ППО ИЯРФ. Награждения: Ветеран труда 1989 г., ветеран Атомной энергетики и промышленности 2005 г., памятный знак «Дети войны».

Я пытаюсь по раннему детству вспомнить своё самое первое впечатление, первое событие, с которого началась моя память. Вспоминаются немногие, но расставить их во времени сложно. Но все они в военном детстве – война началась, когда мне ещё не было двух лет, папа на фронте и в моём начинающемся мире только мама, бабушка Наталья Дмитриевна и брат Николка. Старый купеческий город Камышин на высоком берегу Волги, 180 километров от Сталинграда. Когда папу призвали на фронт, маме было 27 лет. Она осталась с двумя детьми (брат 5 лет и я) и бабушкой Натальей.

Памятные эпизоды военного времени

Зимой к утру, ещё ночью, в доме и под одеялом становилось неуютно и холодно, но мама встаёт затопить русскую печь. На кухне появляется слабый свет от керосиновой лампы, потом я слышу, как мама зажигает спичку и со словами: «Господи, благослови...» подносит её к заготовленной с вечера растопке в русской

печи. Я слышу, как начинает звучать, разгораясь, огонь и на белёной стене играют тени и отраженья. Всё, теперь холод скоро уйдёт, мама и тепло рядом, можно спать дальше. Вот это «Господи, благослови..» теперь всю жизнь со мною, когда зажженная спичка подносится к дровам.

Немцы прилетели в Камышин бомбить нефтебазу и продовольственные склады (видимо, весна 1942 г.). Я не помню сирен воздушной тревоги, но меня с братом, сонными, мама и бабушка с испуга вывели из дома ночью

прямо на середину улицы. В прошлый налёт на соседней улице было прямое попадание бомбы в жилой дом, и мама, видимо, боялась того же. Ранние утренние сумерки, ещё темно, но я вижу, как высоко в тёмном небе уходят в сторону Волги крестики немецких самолётов, освещённые ещё не поднявшимся солнцем. Мы стоим, тесно обнявшись – уж если убьют, так всех разом. Мама скажет потом, как я вжимался в юбку и просил: «Мамочка, спрячь меня, а то меня убьют». Пожалуй, это первая страница моей памяти – освещенные крестики улетающих самолётов в ночном небе.

Лежу на тёплой печи и сверху смотрю, как на полу у стола остывают в котелке и потрескивают вынутые из печи жареные тыквенные семечки. Заманчиво, но тронуть нельзя.

Котелок семечек на рынке мама меняет на две четвертушки хлеба. Помню, как одна достается нам с братом. Делимся по-братски, потом проводим на столе между оставшимися крошками демаркационную линию: твоё – моё.

Напамять
 Дарю вам
 мушу от
 меня и сновей
 пусть эта
 крошечка
 напомнит нас
 твою любовь
 Коля Славик
 10 января 1946

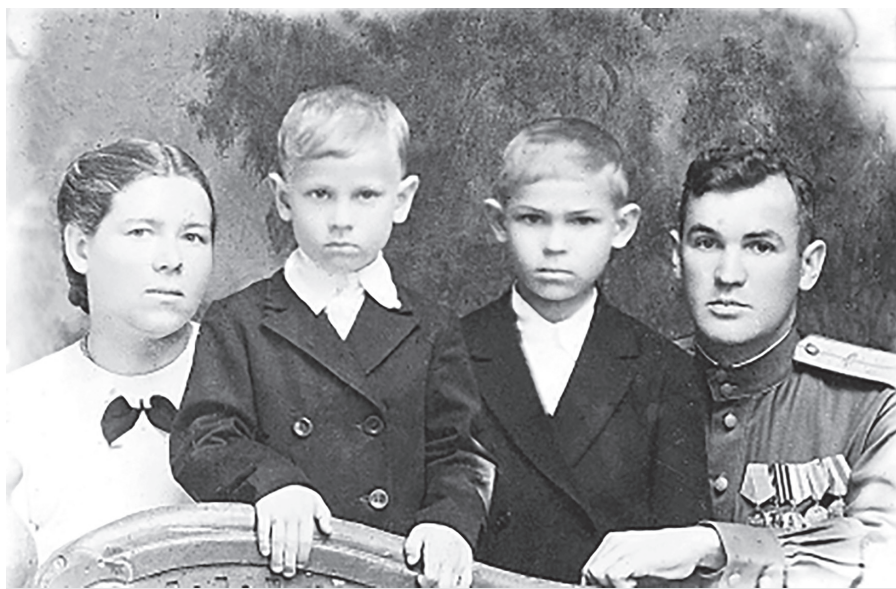
Папе от нас на фронт

Из сладостей помнятся сушеные дынные корки и лепёшки из паслёна, собранного на бахче и высушенного в зиму. И редкое лакомство – ломти тыквы, запечённые в печи.

Ночные очереди за хлебом по карточкам у купеческого лабаза. Женщины от чего-то периодически считались до утреннего открытия магазина. И как только мы, дети, засыпали, сбившись в теплую кучу у подъезда дома, как в темноте (улицы тогда не освещались), начинался шум (считаться!..) и снова – выстраивание у стены лабаза очереди для счета. В темноте матери звали своих детей, толпа шумела, вытягивалась в длинную очередь, и кто-то считающий хлопал нас с братом по плечу, называя номер. Снова можно в кучу к ребятам подремать.

Брат болеет корью. Она душил его, он плачет, хрипит и мечется. Измученная мама

со слезами говорит: «..Господи, уж лучше бы умер, чем так мучиться..». Бабушка упрекает её: «Люба, не бери грех на душу». Теперь, прожив жизнь, понимаешь, до какой степени должна измучиться и настрадаться мать, чтобы от безнадёжности и горя сказать такое.

Семья Егоровых 1947 г.

Утром иду в детский сад, несу с собой завёрнутую в платок четвертинку лепешки. У неё поверхность в сухой муке, как наждачная бумага, а из разрезов выступают кусочки картошки. Муки не хватало, в тесто подмешивали для объёма картошку и пекли почти без масла. Я должен был её принести в садик себе к обеду. Но, понемногу пробуя, так и съедаю по дороге.

В доме из мебели – кровати, зеркало, стол с табуретками, кадка с кустом чайной розы (мой первый цветок!) и черный кружок репродуктора с висящими проводами. Вечером при керосиновой лампе на кухне незабываемый голос Левитана из тёмного зала: «От Советского информбюро...Сегодня наши войска...». Лица мамы и бабули, свет керосиновой лампы и в черном проёме двери в зал на тончайшей нити опускается белый паучок. «Люба, – говорит бабушка Наталья – ведь белый, жди хорошего письма...»

С бабушкой Натальей идём улицей в Никольскую церковь. Она ведёт меня туда первый раз, я ещё не знаю, что такое церковь и зачем туда идти, капризничаю и прошусь отпустить меня домой. Но мы в неё входим, и я попадаю в красочное пространство, здесь спокойные люди, пение псалмов, горящие тонкие

свечки, иконостас за широкой аркой перед алтарем, служивые в красивых одеждах. Мы стоим у стены, рядом с большой иконой Богородицы над подсвечником и она через стекло киота смотрит на меня с укором и грустью. Так и осталась со мной. Богородица Иверская.

Её маленькую икону я всегда беру с собой в поездки, особенно в заграничные. В Иерусалиме я освятил её на камне помазания в храме Гроба Господня.

Наш дом стоял на окраине города, через 5 домов степь и дальше наша улица Зелёная становилась дорогой на Сталинград. Широкая улица часто размывалась дождями и я в руслах просохших ручьёв находил почерневшие медные монеты царской чеканки с вензелями Павла, Петра и Екатерины, город ведь сложился купеческим и старые монеты не были редкостью. За последним домом на окраине слева от дороги начинался длинный и глубокий противотанковый ров с валом, уходящий к Волге. Справа от дороги – два бетонных кольца

ДОТов с пулемётными нишами. Сталинград был рядом, город готовился к защите, но немцы здесь не появились.

Папа Егоров Иван Никитович (1914-1991) вернулся после войны только в сентябре 1946 года из Манчжурии, когда мне было уже 7 лет. Сын репрессированных и высланных в Сибирь родителей (мать – моя бабушка Наталья – дважды бежала из лагеря, второй раз успешно, отец – дед Никита – похоронен под Томском) с 16 лет работал грузчиком на железнодорожной станции. Потом шофёрские курсы, автомеханик. Войну прошел вначале танкистом в составе 6-й танковой армии, а после ранения – Юго-Западный фронт, 2-й Украинский фронт, Забайкальский фронт. Награды – За взятие Будапешта, За взятие Вены, За освобождение Праги, За победу над Германией, За боевые заслуги, Отечественной войны 2-й степени, За победу над Японией. Моё детское сознание в годы войны формировалось в отсутствие отца, и когда он вернулся, я всё смотрел и смотрел в него, впитывая с запозданием родного человека. Вечерами я ждал у калитки его возвращения с работы. Он появлялся из-за угла в строгой военной форме и, наискосок пересекая улицу, шел к дому. Так он и идёт ко мне всю мою жизнь.

Памятные эпизоды

Мама за непослушание и упрямство ставит меня в угол. Прощения, однако, не прошу, а устав, прислоняюсь к стене, опускаюсь на коленки и засыпаю. Сквозь полудрёму слышу, как пришел с работы отец. Мама говорит: «Вань, ты посмотри, какой упрямый, так прощения и не попросил...» Папа молча подошёл, осторожно поднял меня на руки, прижал к себе и перенёс на кровать у печи. Первое и памятное на всю жизнь родное тепло отцовских рук.

Вместе с папой в мою жизнь пришли книги. Несмотря на бедность послевоенной жизни, он часто с полочки приносил новую книгу. И в доме постепенно формировалась своя библиотека – единственное богатство. Пушкин и Горький, Жюль Верн, Дюма, Гюго, Золя и Фейхтвангер, Сервантес... На фоне повседневности – школа, дом, улица – книги открывали мне новый мир, широкий, интересный, удивительный и многообразный, сложный, зовущий к себе, пробуждающий фантазии, надежды, жажду видеть, понимать и знать, впитывать своё. Мои первые книги со мной –

«Борьба за огонь» Рони-старшего, «Таинственный остров» Жюль Верна, «Робинзон Крузо» Дефо, «Следопыт» Фенимора Купера.

После возвращения с войны папа работал в структуре горкома ВКПб, секретарём Райкома КПСС, последние годы перед уходом на пенсию возглавлял городской пассажирский автопарк. Похоронен в Камышине.

Мама Егорова Любовь Степановна (1914-2003) выросла сиротой в семье брата, работала в 1930-1934 г. на строительстве Сталинградского тракторного завода, воспитала 4 детей, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.» и юбилейной медалью «50 лет победы в Великой Отечественной войне». Последние годы жизни жила в Сарове у дочери, моей сестры, здесь и похоронена.

Я не погиб под бомбёжкой

Елесин Владимир Александрович

В.А. Елесин (род. 24.12.1935 г.), кандидат физ.-мат. наук, награждён орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда». Ветеран Атомной энергетики и промышленности, почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ

«Пережитое дорого каждому, и особенно – тому, кто вспоминает и размышляет о нём на склоне лет в отрадной уверенности, что этого-то у него уж никто не отнимет».

Гёте

Я не был убит фашистской бомбой, а ведь мне после объявления воздушной тревоги надо было успеть обесточить квартиру, закрыть дверь, добежать до бомбоубежища. Мать – на работе, отец – на передовой... Кто пережил хоть одну бомбёжку, не забудет этого до конца жизни. Сейчас уже и не вспомнить – сколько их было, этих воздушных тревог. Немцы бомбили Кандалакшу упорно и ритмично...

Мне было всего шесть лет, когда фашистские войска перешли государственную границу у Кандалакши 1 июля 1941 года. Наши дивизии, защищавшие подступы к городу, выстояли, обеспечили бесперебойную работу железной дороги, связь Мурманска с центральными областями страны.

Железнодорожную линию на участке Ручьи – Алакуртти только за первые четыре месяца войны фашисты бомбили свыше ста раз. И хотя осенью 1941 года врага остановили на рубеже рек и озёр, Кандалакша всё ещё находилась в угрожаемом положении.

Сидя в бомбоубежище под гул налётов я думал об отце, который

был где-то недалеко – там, на передовой. Уже потом, став взрослым я нашёл воспоминания одного из однополчан о своём отце: «Станция Кандалакша, Белое море, Ручьи, Княжая, Ковда, Полярный круг, Лоухи, Пинозеро, железнодорожные станции на веке Ручьи в сторону Алакурти и другие на участке военно-эксплуатационного отделения №29 Лоухи-Имандра, которые входили в обслуживание товарища Елесина А.М. и подчиненным ему сотрудиникам, имели особо-важное государственное и стратегическое значение и не случайно поэтому они были укреплены гарнизонами 80-го полка НКВД, штаб которого находился на станции Кандалакша, и отдельными подразделениями частей действующей Советской Армии. Гарнизоны 80 полка войск НКВД, отдельные подразделения частей действующей

Советской Армии Кандалакшского и Лоухского направлений и сотрудиники НКВД во главе товарища Елесина А.М. проводили боевые действия против немецко-фашистских войск и диверсионных групп вражеской армии, пытавшихся заминировать и подорвать путь, этим прервать движение поездов. Полковник Елесин А.М., как мне лично известно, несмотря на опасность с воздуха, совместно с подразделениями 80 полка войск НКВД и железнодорожниками 29-го военно-эксплуатационного отделения, немедленно выезжал на места происшествя, организовывал и лично активно участвовал в работах по ликвидации последствий налета вражеской авиации, по очистке участка от неразорвавшихся бомб, по вос-

становлению железнодорожных путей и мостов, по быстрейшему открытию движения поездов и продвижению войск и грузов как для действующей армии Кандалакшского и Лоухского направлений, а также и для других фронтов Советской Армии.

Товарищ Елесин А.М. совместно с подразделениями 80 полка войск НКВД и Советской Армии на участке Кандалакша-Лоухи и в районе станции Питкуль неоднократно участвовал в борьбе с разведчиками-диверсантами-парашютистами вражеской армии».

Отец делал своё военное дело, а я, мальчишка, выживал под бомбёжками, мечтал о будущем, играл... Даже игры в прифронтовом городе были порой опасны.

Я не погиб, когда мои знакомые ребята после войны нашли снаряд и то ли бросили его в костёр, то ли пытались что-то открутить. Снаряд взорвался, все трое погибли. Я с ними не был лишь потому, что накануне с мамой уехал в деревню к бабушке.

У многих моих сверстников погибли родители, некоторые оказались на оккупированной территории. У моей жены отец погиб в 1943 году, мать умерла в 1944 году, они с братом стали сиротами, воспитывались в детском доме. Жена умерла в январе 2012 года. Таня Савичева, эвакуированная в Нижегородскую область, не дождалась Дня Победы (в прошлом году исполнилось 70 лет как она умерла). А жене исполнилось бы 80 лет...

Как-то, вероятно, в 1943 году ко мне прибежали мальчишки, с которыми я чаще всего проводил досуг, и закричали: «Бежим скорее к столовой, её разбомбили, и там можно найти денежки!». Прибежали, руины ещё дымились. Стали ковыряться, кое-какие копейки находились. Вскоре я нашел медную денежку – полушку 1731 года. Столовая-то была деревянная, возможно, на этом месте был когда-то трактир или ещё что-либо, где можно было потерять монетку. Пацаны мне сказали: «Выбрось, на неё ничего не купишь». Но я не выбросил, наоборот она всегда была со мною, затем я изучил историю монеты, и она послужила началом моей коллекции, а затем и страсти к коллекционированию.

В тот момент я, конечно, не знал и не мог знать, что много лет спустя окажусь на закрытом «Объекте», который потом станет го-

родом Саровом; и здесь, в Сарове я много лет буду председателем городского отделения Всесоюзного общества филателистов, награжден несколькими наградами этого общества.

А там, в Кандалакше испытал все «прелести» бомбёжек, видел самоотверженный труд взрослых, там формировался мой характер, там я ещё до войны стал на лыжи. Учился считать и писать – писали на чём придётся – тетрадей не было...

Дети войны. Особенно часто о них вспоминают перед очередными выборами. Вот и в Нижегородской области уже несколько раз ставился вопрос в Законодательном собрании, что надо бы помнить о детях войны. Но каждый раз вопрос откладывается на потом.

В десяти областях России существуют льготы для детей войны. Создаётся впечатление, что в тех областях, где меньше миллионов и миллиардеров в Законодательных собраниях, где депутаты ближе к населению, – там и законы принимаются, в том числе и в пользу населения. Многие дети войны, вероятно, так и не дождутся внимания от властей, главная идеология которых – деньги. Купил подешевле – продал подороже. Раньше это называлось *спекуляция*, теперь – *бизнес*.

Несмотря ни на что я считаю, что в жизни мне повезло. Я отношусь к поколению, которое познало, что такое голод и холод, что такое остаться без жилья, что такое бесконечные бомбежки, которое видело самоотверженный, ни на что в другое время не похожий, труд взрослых. И всё это не сломало, не убило поколение мальчишек и девчонок войны, а, пожалуй закалило, показало правильное направление, научило ценить мир и жизнь... А жизнь было насыщена многими событиями: Великая Отечественная война, послевоенное строительство, на глазах жизнь улучшалась, отмена карточек, смерть Сталина, горе народа; космические достижения, полёт Гагарина Ю.А.; создание мощного ядерного щита.

Я, пусть только из окна и не очень близко, но видел Парад Победы в Москве. Был дождливый день 24 июня 1945 года, я увидел Рокоссовского и Жукова на конях; почему-то особенно ясно запомнились суворовцы, мальчишки, мокрые, какие-то согнутые, сгорбленные.

В школе, несмотря на трудные послевоенные годы и частую смену учителей, получил приличное образование в школе №59 города Полоцка и закончил её с серебряной медалью в 1953 году. Особенно повезло с учителем математики, он много знал и многому нас научил. Не случайно, думаю, я поступал в Ленинградский Университет, на математико-механический факультет, который закончил в 1958 году и стал работать во ВНИИЭФ. Судьбе, видимо, было необходимо, чтобы я стал учиться именно в Университете, чтобы стал математиком, работал на передовых позициях в Атомной отрасли, был соучастником создания совершенного оружия, работал на самых современных электронно-вычислительных машинах.

А недавно я получил весточку из детства, из войны: внуки моего дяди сообщили мне об открытке, которую я посылал ему на фронт из Кандалакши в 1944 году к Новому году. Я был очень растроган! Ни дядя, ни его жена, ни дети, ни внуки не выбросили открытку – сохранили!

С автоматом под подушкой

Жабицкий Станислав Константинович

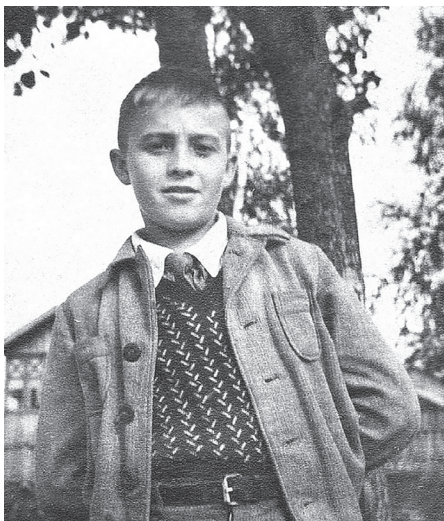
Жабицкий С.К. 13.04.1938 г., кандидат технических наук, ветеран труда СССР и атомной энергетики и промышленности РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

22 июня 1941 года мне было три года. Мы жили тогда в поселке Лыткарино Люберецкого района Московской области. На следующий день, 23 июня, проснувшись утром, мы с братом отца уже не увидели. Он, лейтенант Красной Армии, убыл на фронт со своими сослуживцами. В 1943 году после контузии и перенесенного тифа его перевели служить в ряды НКВД начальником 3-й части военкомата. Так, с этого времени мы всей семьей переезжали за отцом из города в город за продвигающимся фронтом на Запад, пока не оказались летом 1944 года в только что освобожденном нашими войсками от фашистов Львове.

Западная Украина. 1 сентября 1945 года я пошел в первый класс. Там-то я и узнал, кто такие бандеровцы. Сейчас их пытаются представить героями, но это были настоящие бандиты и предатели Родины. Но сначала небольшой экскурс в историю.

Освобождение Красной Армией Закарпатской Украины было завершено в конце октября 1944 года. Однако полное освобождение Правобережной Украины не привело к окончанию боевых действий на этой многострадальной и обильно политой кровью земле. Оставался еще один противник, уже хорошо знакомый советской власти по предвоенному времени, – украинские националисты. До войны националистические структуры были представлены подпольными организациями и небольшими боевыми

***Пятиклассник Стас
Жабицкий
(1951 г. ст. Бережино)***

группами, которые относительно успешно удавалось ликвидировать, а восстановление подпольных структур националистам приходилось выполнять при жестком оперативном противодействии со стороны советских органов госбезопасности. За первые годы оккупации украинские националисты, в частности ОУН, получили режим максимального благоприятствования со стороны немецких властей.

После поражения немецких войск в ходе кампании 1942-1943 гг. руководство ОУН при-

няло решение создать собственные «вооруженные силы» — начался проект организации так называемой «Украинской повстанческой армии» (УПА). За год своего формирования подразделения УПА успели подготовить значительные материальные запасы, организовать систему складов оружия и продовольствия, наладить систему связи, сформировать невоенные снабженческие структуры, ориентированные на местное население, — фактически, организовать мощную базу для последующей партизанской войны на подконтрольной территории. По приказу руководства ОУН данная база была наполнена личным составом полицейских батальонов, которые уходили в леса, также в структуры УПА влились остатки разгромленной дивизии СС «Галичина» и отдельные подразделения охранных полков СС и полицейских частей СД.

Кроме того, проводились широкие вербовочные и мобилизационные (в том числе и принудительные, под угрозой смерти близких) мероприятия с целью привлечь под знамена борьбы «за свободную и самостийную Украину» местное население и военнопленных.

Львов 1944-1945 гг. Хочу поделиться своими детскими воспоминаниями, которые врезались в мою память на всю жизнь, о периоде нашего пребывания во Львове. Каждый день из примерно полутора лет, прожитых в этом городе, мы находились в постоянном страхе за свою жизнь и жизни близких нам знакомых людей. В основном это были русские военнослужащие и их семьи, многих из которых мы хорошо знали, постоянно общались и дружили, как это тогда было принято и считалось обычным явлением в армейских семьях.

Так вот, недобитые банды бандеровцев, когда мужское население города находилось на службе, вламывались в квартиры и в буквальном смысле вырезали всех членов семей, не считаясь, кто перед ними: старики, женщины, дети. С наступлением ночи люди запирались в своих квартирах, и жизнь в городе замирала. Отец рассказывал, что когда он с сослуживцами задерживался в военкомате допоздна, то всегда по домам расходились группами по несколько человек с пистолетами в руках.

*Семья Жабицких: Стас, Галя, Людмила Болеславовна
и Юра (1950 г., Обнинск)*

Хорошо запомнился рассказ родителей, как в квартиру начальника военкомата ночью пыталась проникнуть группа бандеровцев. Его жена предупредила их через дверь, чтобы они уходили, в противном случае она будет стрелять (в каждой семье военнослужащих, в том числе и военкоматовцев, постоянно на всякий случай были автоматы ПППШ, такой автомат был и у мамы). Когда они стали ломать дверь, женщина выпустила в них полный диск (71 патрон). Как выяснилось, она наповал уложила двоих у дверей своей квартиры, а одного с простреленными обеими ногами утром нашел дворник у дверей подъезда, дальше он ползти уже не смог. Мужу утром пришлось долго уговаривать жену, чтобы она открыла ему дверь, т.к. всю ночь та простояла в шоке, прижав к груди автомат, а маленькие дети лежали, спрятавшись под кроватью в своей комнате.

За автомат мне не раз доставалось от отца и за игры, проводимые дома с братом, сестрой и кем либо из соседских детей, остававшимися у нас, пока взрослых не было дома, когда они «изображали» бандеровцев, а я с автоматом ловил их. После этих игр через несколько дней кто-нибудь из «бандеровцев» сдавал меня со всеми потрохами родителям, и по мне снова ходил отцовский широкий ремень.

Однажды ночью сотрудниками госбезопасности, НКВД и армии была проведена крупная спецоперация, в результате которой на сходке в подземных ходах под городом, соединяющими не один костел, было взято несколько тысяч бандеровцев, которых на следующий день вели через весь город в сопровождении конных конвойных с овчарками. Мы с балкона дома долго наблюдали за этой процессией.

День Победы. Хорошо запомнился и День Победы 9 мая 1945 года, когда весь город салютовал из всего, из чего только можно. Вечером, когда родители ушли праздновать этот день к соседям по подъезду двумя этажами выше, я увидел через небольшое угловое окно на кухне, что с междуэтажного балкона на лестничной площадке пьяненький офицер в летной форме салютует из пистолета. Тогда я достал отцовский ПППШ и, протянув его в окошко на балкон офицеру, попросил немного пострелять. Тот не мудрствуя лукаво высадил весь

диск и вернул автомат. Чтобы отец не обнаружил, что диск пустой, я зарядил его запасными патронами, которые хранились в доме в специальном мешке в довольно большом количестве. Однако скрыть мое «преступление» не удалось, т.к. через несколько дней соседская девочка проболталась, и мне здорово досталось от отца широким офицерским ремнем – не за патроны, а за то, что если бы автомат мне не вернули, отцу грозил бы трибунал за пропажу оружия по законам военного времени.

После войны. В конце 1945 года отца перевели снова в Лыткарино, откуда он ушел на фронт в 1941г. Мы, естественно, были очень рады этому событию, т.к. уехали из ада. Зима опять выдалась суровой, и мне пришлось пропустить школу по причине отсутствия теплой одежды. Все, что у нас с братом было, – это пальтишки, сшитые мамой из старой отцовской шинели. Поэтому в 1946 году мне снова пришлось идти в первый класс... Так закончилось мое военное детство, правда, впереди были послевоенные годы, когда мне с братом приходилось менять порой по четыре школы за учебный год.

Причиной тому были переводы отца из одной воинской части в другую без его на то согласия – есть приказ, и приказы в армии не обсуждают, а выполняют.

Саров. Только 23 февраля 1952 года мы попали в наш город (тогда – Шатки-1), где я в 1956 году окончил среднюю школу № 2, которая располагалась в нынешнем Доме учителя, поступил работать на завод «Коммунист», где освоил специальность расточника. Затем был переведен в отдел автоматики, где приобрел еще одну специальность – электромонтажника. В 1959 году меня перевели в сектор 3 (сейчас – Институт экспериментальной газодинамики и физики взрыва), где я проработал 50 лет до ухода на пенсию в 2009 году. Начинал лаборантом по газодинамическим испытаниям, затем, после окончания вечернего отделения МИФИ № 4 – старшим техником, инженером, старшим инженером, старшим научным сотрудником, заместителем начальника отдела начальником группы, начальником лаборатории и за год до ухода на пенсию – ведущим научным сотрудником.

Принимал участие в разработке, создании и испытании ряда ядерных зарядов и ядерных боеприпасов. Участник проведения 40 натурных испытаний (35 атмосферных и пяти подземных в 1962-1989 гг.) на Семипалатинском и Новоземельском ядерных полигонах.

Сироты войны:

«Нас просто не поняли...»

А. Зубанкова, В. Малышенко

Приближается 65 годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Об этом все помнят и воздают славу и почести всем погибшим, защищавшим нашу Родину, ветеранам-победителям, труженикам тыла. И только о детях, переживших те страшные годы и потерявших отцов, а то и обоих родителей, почти нигде не упоминается.

А напрасно. Ведь им еще страшнее, чем взрослым, было жить в этом пекле войны. Многие дети жили на оккупированной территории. Их бомбили, прятали в окопы, «щели», подвалы и погреба при обстрелах. На их глазах загоняли людей с маленькими детьми в хаты, обливали бензином и поджигали. Мы, дети войны, до сих пор помним, как «там» очень часто низко летали немецкие самолеты и строчили с пулемётов, убивая скотину, а иногда и пастухов. Это не могло не повлиять на детскую психику, и до сих пор низколетящие самолеты что-то переворачивают внутри. Немцы и полицаи врываются в хаты, отнимают последние продукты. Отдавали всё под дулом пистолета, наведенного на мать и детей. Дети голодали, иногда умирали от голода. Часто приходили похоронки: «Ваш муж и отец героически погиб...» Горе, слёзы и непосильный труд матери и наш, детей, иногда 5-7-летних. Многие не ходили в школу, там стояли немцы. Другим просто не во что было одеться. Мы, как правило, переростками заканчивали 7 классов и шли работать за мизерную плату...

Вернувшиеся с фронта отцы могли дать своим детям высшее образование и помогать им всеми благами, которыми пользовались от государства. А мы, дети погибших отцов, не имели и не имеем никакой помощи от государства. И теперь, когда ветеранов войны остаётся всё меньше и меньше, скоро о войне смогут рассказать только дети военной поры. Пока нас еще много, но и наши ряды тоже редуют, не дождавшись не только помощи, но даже упоминания о том, что нам пришлось пережить в те тяжелые военные и послевоенные годы.

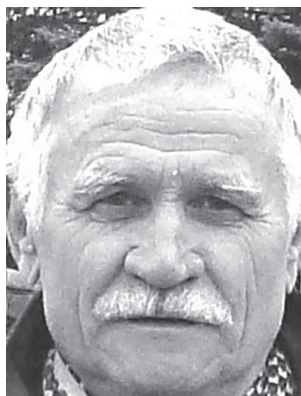
Пенсия у нас, как правило, небольшая. Те гроши, которые были накоплены до 1991 года, пропали. Нельзя серьезно относиться к тем компенсациям, которые время от времени нам выдают, их даже на лекарства не хватает. А мы – практически все – пожилые и больные люди. Хотелось бы, чтобы вспоминали и нас. Пока мы живы. Вспоминали хотя бы в День Победы как детей-сирот, отцы которых отдали свою жизнь за Родину и за своих детей. Уважаемая газета «Саров», это письмо мы отправили в городскую газету, и оно было напечатано в «Городском курьере» №15 в статье «Горечь Победы». Но напечатано с такими комментариями, что нам стало только еще горше, еще холоднее и обиднее.

Как будто на нас вылили ушат холодной воды. Журналисты ничего не поняли! Мы ведь ничего не выклянчивали, не просили, чтобы нас причисляли к категории льготников войны, и вообще никаких денег не просили (хотя думаем, что «государственным людям» и стоило бы об этом подумать). Мы просто хотели напомнить, что была и такая «категория» – дети и сироты войны, о которых могли бы с сочувствием вспомнить хотя бы в День Победы. Может быть, рассказать о ком-то из таких сирот войны.

А в ответ: вам ничего не положено, у вас и так хорошие пенсии. А как же – просто лопаемся с жиру! Обидно...

Один зимний эпизод 1941 года

Иванов Владимир Иванович

Иванов В.И. дата рождения – 31 января 1937 года. В Саров направлен в 1956 году после окончания Ленинградского технического училища №1. Во ВНИИЭФ прошёл путь от рабочего-станочника до начальника исследовательского сектора в отделении 36. По итогам 1985 года получил свидетельство ОПИНТИ о присвоении звания лучший изобретатель предприятия. Награждён орденом Дружбы. Почётный ветеран ВНИИЭФ.

Приводимая ниже фотография времен войны напомнила мне об одном эпизоде, который я длительное время без нужды не афишировал.

Фотография опубликована в книге «Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда». Подпись под фотографией: «Малыш еще не понял, что ему вдруг дали кусочек хлеба. Волховский лес. 1942 г.».

Читаем личную памятку для солдат и офицеров вермахта («Сражения без побед», М., 2008, стр.191). «Помни, для величия и победы Германии, для твоей личной славы – ты должен убить ровно сто русских.... У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай».

Видно, что не все солдаты выполняли этот призыв. По внешнему виду малыш примерно мой ровесник. В январе 1942 года

Кусок Хлеба от немца

мы находились по соседству с ним на оккупированном немцами левом берегу Волхова.

Теперь о самом эпизоде. Я родился в рабочем поселке Коминтерн Чудовского района Новгородской области, на берегу реки Волхов. Река полноводная. На некоторых участках ее ширина достигает 600 метров при глубине фарватера 16-20 метров.

В начале 19 века река Волхов на этом участке была престижным местом поселения. В селе Грузино граф Аракчеев – сановник эпохи Александра I – основал свое поместье. На фронтоне его родового особняка была надпись, адресованная императору: «Без лести предан». (Пушкин откликнулся на этот текст эпиграммой: «Бес, лести предан»).

На противоположном от Коминтерна левом берегу Волхова располагалось имение Гавриила Романовича Державина. (Пушкин: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»). Располагалось всё это примерно в двух километрах южнее от места пересечения Волхова с Октябрьской железной дорогой.

Уже с первой декады июля 1941 года крупная узловая станция Чудово и ее окрестности, включая Коминтерн и Грузино, подвергались интенсивным бомбардировкам с целью разрушить прямую железнодорожную связь Ленинграда с Москвой. В моей памяти от этого времени осталась панорама горящей

деревни. Горела вся улица сразу. От жара окна вылетали с оглушительным грохотом и звоном.

(После войны перечисленные места проживания восстанавливать не стали).

Стремительное наступления немцев по реке Волхов в августе 1941 года привело к тому, что наша семья оказалась в оккупации. В прифронтовой зоне немцы выгнали население из жилых домов и приказали перемещаться в глубину оккупированной территории. Режим бомжей сразу дал о себе знать. У меня появились чесотка на руках и лишай на голове.

Оккупанты

В некоторых случаях, отношения с оккупантами были и такими:

25 декабря 1941 года немцы отмечали Рождество. В углу чистой половины крестьянской избы они нарядили миниатюрную елку. Нас, детей, пустили ее посмотреть и угостили диковинными леденцами в форме шайбочек. До сих пор не могу их забыть. Значительно позднее я поделился воспоминанием об этом эпизоде со своим старшим двоюродным братом Николаем. Ответ был эмоциональным: «Были немцы хорошие? А что в них хорошего? Почистишь им сапоги – могут угостить, а могут и пинка дать под зад. Fort, das verfluchte russische Schwein!»

Семья брата оказалась в немецком тылу в подобных с нами условиях. Спрашиваю: «Почему вы не эвакуировались?» – «А куда было деваться? Дом, корова. Их с собой не возьмешь!» И всё же из дома немцы выгнали, а корову пришлось зарезать. После мытарств и голода отправились по зимнему бездорожью к родственникам. В дороге один за другим умерли от истощения и усталости родные братик и сестричка Николая 10 и 12 лет. Рыть могилу зимой, в снегу, было нечем...

Как мы вырвались из оккупации?

В январе 1942 года ставка Верховного Главнокомандования после успехов в битве под Москвой предприняла попытку прорыва блокады Ленинграда с юго-восточного направления – от реки Волхов в сторону Любани. Как и под Москвой, в боях принимали участие воины-сибиряки. На карте боевых действий советских

Следы войны

войск под Ленинградом в первой половине 1942 года вершина стрелки, изображающей направление наступления, упирается в село Вдицко, где мы тогда находились.

Попытка прорыва блокады

28 января бой за освобождение Вдицко вел 244-й кавалерийский полк 13-го кавалерийского корпуса. Шел он практически весь световой день. Наша семья пряталась около села в лесу. Ближе к ночи мы перебрались к своим через освобожденный в обороне немцев коридор в печально известном поселке Мясной Бор. Над нами в полной темноте с обеих сторон слева и справа прочерчивались яркие следы трассирующих пуль. Теперь там создан современный монумент в память бойцам-освободителям тех мест.

После освобождения меня вместе с другими детьми привезли в открытом кузове грузовой полуторки в бывшую помещичью усадьбу на берегу озера Островно – в Климковский детский дом Мошенского района Новгородской области. Расстояние от этого

места до линии Волховского фронта было примерно 150 км. Здесь соблюдалась светомаскировка, т.к. по ночам над нами постоянно гудели вражеские самолеты. Воспитатели окружили нас вниманием и заботой. Еще долгое время спустя я продолжал считать естественным доброе отношение женщин к детям. Воспитание было строгим. Учили хорошему – опрятности и вежливости. При встрече с каждым взрослым человеком мы должны были первыми поздороваться и снять головной убор. Ко всем взрослым обращались только на вы. Не помню, чтобы мы голодали. Здесь я впервые узнал вкус разбавленного сгущенного молока. Наверное, из поставок ленд-лиза. От отца изредка приходили с фронта письма треугольники с призывом «Смерть немецким оккупантам!» Читать я еще не умел, письма хранил под подушкой и приходил в отчаяние, когда они рассыпались в прах. Здесь пошел в первый класс. Первые каракули по чистописанию выводил на разлинованных учителями газетных листах. Научился складывать буквы в слова.

В 1944 году в порядке шефства детский дом посетил, как сейчас говорят, полевой командир. Победа была близка, и его спросили – сколько немцев осталось? Он огорчил нас известием, что немцев еще много, очень много миллионов. (Мы предполагали, что их число не должно было превышать несколько десятков-сотен человек). Здесь в 1944 году я пошел в первый класс, научился читать и пристрастился на всю жизнь к этому занятию.

Лучше бы не было войны

Иоилов Герман Фёдорович

Иоилов Г.Ф. Иоилов родился 06.01.1937г. в г. Москве. В г.Арзамас-16 с 15.05.1961г. Во РФЯЦ-ВНИИЭФ работал ведущим научным сотрудником, разработчиком и испытателем ядерных зарядов. Более 11 лет отработал в войсковых частях на Семипалатинском и Новоземельском полигонах. Кандидат физ.-мат. наук, награждён медалью «Ветеран труда», почётными знаками «Ветеран Атомной энергетики и промышленности» и «За вклад в развитие атомной отрасли».

Патриотическое воспитание безусловно включает знание истории своего народа. Для этого несомненно важны воспоминания «Детей войны» (71 года и старше) – в т.ч. пока ещё живых свидетелей народной жизни в Великую Отечественную на оккупированных территориях и в советском тылу.

Москва 1941 г.

22 июня 1941 г. Мне 4,5 года. С бабушкой Олей, мамой Мариной, тётями Наташей и Лизой я на квартире у бабушки на Таганке в Большом дровяном переулке. Вдруг женщины говорят – война с немцем. Я хватаю деревянную пашку и с криком «Ура» бегу во двор рубить головки репейника. Нарубился, прихожу домой, а женщины плачут. Спрашиваю – почему плачете? Ответ – в первую мировую очень много погибло русских и «Лучше бы не было войны!». Сейчас знаю, что эта фраза тогда у многих была «на слуху».

Воздушная тревога. Около дома на Щукинской д.24 вырыли траншею для прохода в бомбоубежище. Ревёт сирена и по радио – чёрной тарелке объявляют «Воздушная тревога!». Взрослые, дядя Лёня, тётя Наташа и мама хватают меня на руки и бегут в траншею. По радио – «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

*Мама Иосилева
(Малькова) Марина
Сергеевна 1913 г.р.
в годы войны*

*Мальчик Гера
в полку 1943 г.*

*Майор Фёдор
Фёдорович
Иосилев 1908 г.р.
в 1945 г.*

Бомба не попала. «Перечёркнуты окна в домах» в косо наклеенную бумажную полоску, чтобы стёкла не вышибало. Мы с мамой в бомбоубежище в подвале соседнего жилого дома. Вдруг – грохот, запах дыма, взрослые кричат и в панике бегут на улицу. Мама прижимается со мной к стенке подвала, когда все выбежали – мы вышли на улицу. Гляжу – а около подъезда большая дымящаяся воронка.

Зажигалки. Юнкеры бомбили не только фугасами, но зажигалками, чтобы вызвать пожары. Я играю во дворе в песочнице. Вдруг смотрю – взрослые бегут в подвал, а папа с крыши дома кидает дымящиеся железки. Одна упала рядом со мной, сыплю на неё песочек. Смотрю – из подвала выскакивает с криком страшно сердитый дядька, хватается меня и бросает в подвал прямо на головы толпы людей. В одной из песен Владимир Высоцкий пел, как и он песочком у дома на Таганке зажигалки тушил.

Добровольцы. Бабушка ведёт меня проводить на фронт двух родных дядей рабочих добровольцев. Бабушка спросила – почему у них на плечах палки, а не винтовки. Ответ командира – винтовки на фронте дадут. Дяди домой не вернулись.

Ленинградский проспект. Мама работала авиаконструктором в КБ В.Г. Ермолаева. Женщинам разрешили брать детишек на ра-

Семья Иошлевых 1945г.

боту и мы играли днём в зале с большими деревянными моделями самолётов. По окончании смены идём через Ленинградский проспект к входу в метро Аэропорт.

Вдруг слышу пулемёт «та-та-та-та» и вижу мессер с крестами на обрубленных концах крыльев. Мама бросает меня на асфальт и сама сверху ложится на меня. Мне больно, кричу и снова слышу второй мессер «та-та-та». Встаём, бежим в метро, а убитые и раненые не бегут, остались лежать на асфальте проспекта.

Трамвай. Для погрузки в эвакуацию до Белорусского вокзала мы с мамой и чемоданом добирались на трамвае вместе с другими беженцами. Вдруг вижу – сердитый дядька встал с наганом на вагоновожатого. Трамвай идёт без остановок, беженцы в панике выпрыгивают с вещами на ходу из вагона. Доехали в пустом вагоне до Белорусского вокзала вместе с этим дядькой.

Белорусский вокзал. Погрузились с мамой в теплушку, как потом в поездке студентом на целину узнал – двухосная на 8 лошадей или 40 человек. Папа провожает, стоит около теплушки, вдруг

– сирена, воздушная тревога, страшно, все кричат, папа куда-то убегает, я реву. Мама панике не поддавалась, со мной никуда не побежала, остались в теплушке одни. А соседняя теплушка сгорела. Много лет я был в обиде на папу – почему он нас бросил. На такой вопрос он ответил, что по прибытии на вокзал приказом получил боевой пост на случай тревоги, и побежал на этот пост. Неявка – расстрел.

Краснофлотец на снегу. Эшелон с эвакуированными стоит на переезде, Мама сказала – пропускаем воинские эшелоны на запад. Вышли погулять, снег, холодно, вернулись, теплушку греет печка буржуйка. Вдруг стук в дверь – откройте. Открываем щёлку двери – на снегу в чёрной флотской форме в бескозырке, с трёхлинейкой с примкнутым штыком краснофлотец протягивает мою варежку – «Возьмите, мальчик уронил!» Очень может быть, что дальневосточников так и бросили в бой в чёрной форме по белому снегу.

В эвакуации

Побег в мороз. В зиму 1941 г. эвакуированных заводчан разместили в деревне в Башкирии. Вдруг мама быстро собралась и мы с одним возницей на санях, в мороз и пургу куда-то поехали. Я стал замерзать, пытался согреться, бежать, держась за санки и упал без сил. Очнулся от тепла на груди у возницы, под его тулупом. Как мама потом рассказала, башкиры предупредили её – уезжайте скорее, когда немец возьмёт Москву, нам приказано всех большевиков зарезать.

Отказ от наркоза. К весне 1942 г. мы переехали из Омска в Пензу. Эвакуированных разместили в спортзале школы фанерными перегородками на семью. А за высоким кирпичным забором – городская больница, ставшая военным госпиталем. Из-за забора постоянно кричали оперированные раненые, не хватало наркоза. 12 апреля в госпитале родился братишка Володя. Роды у мамы были тяжёлые, требовался наркоз, эвакуированным не полагался. Один раненный командир отдал маме свою порцию наркоза.

Закурил с голодухи. Лето 1942 г. постоянно хочется есть. За кусочек хлеба раненные красноармейцы на крыльце госпиталя посылают меня собирать для них на улице окурки. Потом один

из них сказал – закури сам, тогда дам корку хлеба. Я затанулся и жутко закашлялся, все рассмеялись. Приехал отец с фронта, мама пожаловалась на моё курение и папа меня выпорол «как сидорову козу». Но окончательно я бросил курить после 75 лет.

Пилил дрова. Зима 1942-1943 гг. запомнилась распиловкой и переносом дров для печки спортзала школы. Мама колола и пилила двуручной пилой дрова, а вторую ручку просила меня придерживать, чтобы пила не кривилась.

Возвращение. Весной 1943 г. мы эшелонам теплушек возвращались в Москву. Запомнились большие баня и столовая, где помыли и покормили супом весь эшелон. На одной из станций мама посадила меня с годовалым Володей на ватник около теплушки, а сама с чайником побежала за кипятком.

Подошли два больших мальчишки, один поднял нас с братом и посадил на холодную землю, а второй утащил ватник.

Снова в Москве

Голодно. Первый обед весной 1943 г. у бабушки на «Таганке» в Большом дровяном переулке для меня и двоюродных Нины, Сергея и Алика – пустая уха из сушёной воблы и кусочек хлеба размером со спичечный коробок.

Всех рассмешил – хлеб не только съел, но и с голоду вылизал то место, где он лежал на столе. Взрослые вскапывали городские газоны и сажали картошку для экономии отдельными глазками. В цирке выступал клоун Карандаш. Он сел на арене на мешок с чем-то. На вопрос – почему сидишь? – ответил: «Вся Москва на картошке сидит, и я сижу». Говорили, что его за это посадили. А у бабушки дома горе – умер раненый на фронте её сын, танкист дядя Володя. Без отца остались малыши Сергей и Нина

Красноармеец спас. Летом 1943г. отец забрал меня в полк отъедаться. На всю жизнь запомнил первый солдатский котелок с вкусными макаронами и селёдкой. Спал я вместе с папой, командиром штаба дивизии в землянке на второй полке. С началом Курской битвы Гитлер ночью бросил 1000 самолётов на Москву, разбомбил и наш штаб. Землянку со мной засыпало, больно, помню, как меня кто-то вытаскивал за ноги.

Второй раз очнулся в Москве от крика мамы – «Пусть лучше дома подыхает с голоду, чем убьют на фронте». Командир дивизии и его зам были ранены, папа принял командование на себя и не пропустил юнкерсы. Также поступили и все наши зенитчики. Немец отвернул от Москвы и бомбил Горький. А папу наградили орденом Отечественной войны 1 степени. А боевой орден Красной звезды папа получил в 1941г. за оборону Москвы.

Радио. 5 августа 1943г. я смотрел первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. В зиму 1943-1944г. бабушка Оля учила меня грамоте и писать 86-м пером из стеклянной чернильницы-непроливашки. В трёхэтажке на Щукинской 24 центрального отопления не стало, я носил дрова в комнату для кирпичной печки. Ежедневно слышал радио о победах Красной армии, «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...», «вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины» и гимн СССР.

Лето 1944 г. С соседом Вилькой, ободрав уши, пролезли между прутьев забора на стадион Динамо, где был футбольный матч «ЦДКА-Динамо». С тех пор я – армейский болельщик. В парке им. Горького облазили трофейную немецкую технику, запомнился пробитый со всех сторон танк «Тигр». 17 июля маму отпустили с работы, она привезла меня на площадь Белорусского вокзала, где смотрели марш 57 тысяч пленных немцев.

Красноармейской охраны с трёхлинейками было очень мало. Я кричал «Бей немцев». Вдруг один фашист так страшно взглянул на меня, что меня затрясло.

Первый раз в первый класс. 1 сентября 1944г. в 147-й мужской школе на Щукинской ул. нас подкормили сарделькой с картофельным пюре и кусочком хлеба.

К сожалению, больше такого не было. Дома бывал суп из грача, если мне его удавалось подстрелить из самострела или поймать на рыболовный крючок. Ежедневно стоял в магазине за хлебом по карточкам для себя и брата. А у работающих под охраной пленных немцев обменивали ворованные овощи с огородов на плитки жмыха.

Победа над Германией.

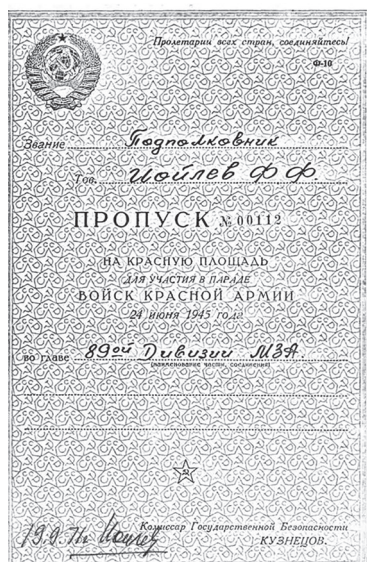
Награда. «Наше дело правое Мы победили». Папа и мама были награждены медалями «За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941-1945 годов».

Безногие. Весной и летом 1945г. в Москве наблюдал много безногих молодых красноармейцев инвалидов на деревянных тележках с колесами из шарикоподшипников. Без ног – от противопехотных немецких мин.

9 мая. «Со слезами на глазах». Мама не пошла на работу, сказала – Победа, плакала, а я пошёл в школу. Но она была закрыта. Вечером папа повёз нас на Красную площадь, где все радовались, обнимались и плакали. Стало тесно, папа посадил меня и брата повыше на приступку Исторического музея.

Парад победы. Подполковник Иойлев Ф.Ф. участвовал в параде Победы 24.06.1945 г. во главе 89-й дивизии МЗА. На парад я ехал в знамённом виллисе, а при подъезде к Красной площади по приказу отца меня положили на дно машины «чтобы его рыжая голова не была видна».

Вечером папа был в Кремле на приёме в честь участников парада

Пропуск на Красную площадь для участия в параде войск Красной армии 24 июня 1945г.

Пригласительный билет на приём в честь участников Парада Победы

Победы. Он рассказывал про И.В. Сталина – «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, русского народа».

Святая память

Кашинцова Лорита Николаевна

Кашинцова Лорита Николаевна
26.11.1931г.р. Заслуженный учитель
России.

«Тринадцатилетней девчонкой встретила я День Победы в городе Горьком», Сегодня нас называют «дети войны»... Тогда я, конечно, и не думала, что рядом со мной в те военные годы творится героическая история защиты города Горького, что рядом люди, о которых напишут книги...

В городе Горьком базировалась 142-я истребительная авиационная дивизия ПВО (142 ИАД ПВО), сформированная в ноябре 1941 года. Это был противовоздушный щит обороны, он защищал город Горький, его промышленные объекты. Штаб дивизии располагался на территории Кремля. Командирами дивизии были легендарные люди: сначала Герой Советского Союза полковник Сидор Васильевич Слюсарев, а затем полковник Виктор Петрович Иванов. Моего отца, тогда майора Николая Федоровича Шевченко, назначили главным инженером дивизии.

Примечательный факт: в Горьком все руководство дивизии жило в доме №39 по улице Генкиной, жили более чем скромно. Генерал с семьей в пять человек – в небольшой двухкомнатной квартире на первом этаже, мой отец с семьей – в комнате в коммуналке. Тогда эти героические люди жили и сражались под девизом: *«Прежде думай о Родине, а потом о себе».*

Всю свою жизнь отец знал одно дело – служить Родине. Начинал с низов – мотористом, техником. Руководство ценило его

инициативу, ум, энергию. Он работал на аэродромах Омска, Красноярска, Новосибирска, Читы, Иркутска. Потом закончил в Москве Военно-воздушную инженерную академию им. Н. Жуковского. Главным инженером дивизии отец стал в 31 год. Под его техническим контролем находились боевые самолеты на аэродромах Стригино, Правдинска, Коврова, Дзержинска... Каждый самолет отец знал назубок, он был специалистом высочайшего класса. Массированные налеты на город были страшными. Только с 4 по 28 июня 1943 года их было целых семь. Сбрасывались тонны фугаса и зажигательных бомб. Все гремело, ревело, выло, грохотало. Ад! Особенно страшно было по ночам. Город из-за маскировок сначала в полной темноте, а потом небо в ярких световых лучах, вспышках. Пламя пожаров...

Все это я видела, слышала, прочувствовала. А вот о боевых делах истребительной авиационной дивизии, событиях, фактах в цифрах узнала, конечно, уже гораздо позже, взрослым человеком. Читала архивные номера газеты «Ленинская смена», воспоминания ветеранов, статьи историков. Теперь об этом написано много. Дочь генерала С. В. Слюсарева в 2013 году издала книгу о своем отце – «Мой отец – генерал», прислала ее мне (мы переписываемся).

Я часто бываю в Нижнем Новгороде и бережно храню в сердце память о моем отце, о героических людях и тех местах, которые связаны с их именами. Отец вышел в отставку подполковником, умер, не дожив и до шестидесяти – остановилось сердце. День Победы для меня и людей моего поколения – великий праздник гордости за наш народ и великий День Памяти всех уже ушедших от нас защитников Родины. Проходят годы, десятилетия, но время над святой памятью не властно».

*Шевченко
Николай Федорович*

Опаленное детство

Кельин Василий Дмитриевич

В.Д. Кельин 16.05.1940 г. С октября 1959 г. по октябрь 1963 г. служил в Советском Военно-морском подводном флоте. На объект Златоуст-36 проработал 5 лет инженером – технологом. С февраля 1975 года по май 2005 года работал на ЭМЗ «Авангард», последняя должность – ведущий инженер-технолог. Имеет многочисленные ведомственные награды.

Кто такие дети войны? Это граждане России, рождавшиеся с 1928 по 1945 год. Они не участвовали в боевых действиях, но и на их детские плечи легли тяготы военного времени: они трудились на заводах и в полях, восстанавливали разрушенное хозяйство. Они были лишены детства и юности, многие остались сиротами, воспитывались в детских домах.

Война. Оккупация. Сентябрь 1942 – январь 1943 года. Идет жесточайшее сражение в Сталинграде. Мы с бабушкой живем на границе Ставропольского края и Калмыкии, в 400 километрах от Сталинграда. Обстановка очень тяжелая. Немцы все силы бросили на Сталинград. Те их части, которые не были задействованы в битве, находились на голодном пайке. Поэтому каждое утро немецкая солдатня совершала ежедневные обходы, забирала в домах продукты – яйца, хлеб, молоко...

Когда немцы начинали обход, соседи предупреждали друг друга: постукивали по изгороди или горшкам, висевшим на плетнях. Услышав такой сигнал, бабушка первым делом прятала детей – меня и соседскую девочку. В нашем дворе был шикарный куст облепихи, а под ним глубокая яма (там много

лет брали глину для хозяйских нужд), и вот в эту яму и прятала нас бабушка, накрывая хворостом. Потом распахивала калитку, двери, выдвигала все ящики и, когда входили немцы, говорила: «Вот, видите, ничего нет. Что найдете, то забирайте». Немцы ругались, бранили бабушку и, рассерженные, уходили.

Однажды, когда они хозяйничали во дворе, девочка, сидевшая со мной под кустом, чихнула. Немцы остановились. Один из них снял с плеча огнемёт и направил на куст. Тот вспыхнул, в мгновение превратившись в костер. Довольные немцы заржали и ушли со двора. А бабушка, накинув на себя какую-то тряпку, бросилась в костер – спасать нас... Спустя годы я услышал на школьном уроке некрасовский стих о русской женщине, способной и коня на скаку остановить, и в горящую избу войти, и сразу же вспомнил бабушку и то, как она вытаскивала нас из пламени.

Вести с фронта. Еще два эпизода из детства. Оба связаны с вестями с фронта. Фронтовики писали письма в виде треугольников. Треугольнички ждали, им радовались, их читали всей станицей. Весть о них разлеталась моментально. Люди шли и спрашивали, что пишет фронтовик, а самое главное – не встречал ли он их отца, брата, мужа, сына...

Летом 1943 года получила такое письмо и бабушка. В нем сообщалось, что ее сын Николай погиб. Бабушка заголосила, а вместе с ней и соседка. Этот плач запомнился мне на всю жизнь. Прошло много лет, а я и сегодня не могу спокойно слышать, когда кто-то плачет, неважно, ребенок или взрослый человек.

Весна 1945 года. Война еще идет, а в станицу вернулся инвалид-фронтовик. Весть моментально облетела всех. Бабушке сказали, что он где-то встречал другого ее сына – Михаила. Мы побежали. Фронтовик рассказал, что на одном из вокзалов встретил Михаила, который ехал на запад, добивать фашистов в Берлине, а матери передавал поклон. Бабушка от радости всплакнула.

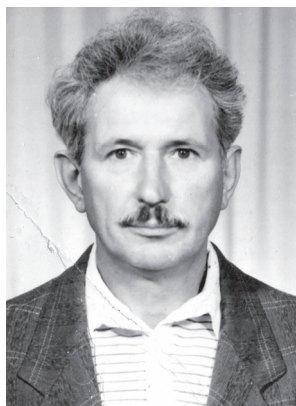
По дороге домой я, тогда еще совсем ребенок, попросил бабушку показать мне поклон, который передал ей сын. Бабуш-

ка, занятая своими мыслями, промолчала, ничего не сказав. Я расплакался, таким и пришел домой.

Соседка, увидев меня, зареванного, спросила, что случилось. Я рассказал. Она улыбнулась, сказав, что сейчас все исправит, и низко мне поклонилась...

Страшной войны не бывает

Кодола Борис Ефремович

Б.Е. Кодола родился 07.12.1937 г. в городе Узловая Московской (теперь Тульской) области. Во ВНИИЭФ работал после окончания Тульского механического института с 1960 по 2016 год, с 1969 года руководителем группы исследователей и старшим научным сотрудником в отделении 13-ИЛФИ.

Моя семья проживала в небольшом городке Узловая рядом с одноимённой железнодорожной станцией Родители – отец Кодола Ефрем Фёдорович и мать Евстигнеева Евдокия Петровна. Оба работали в железнодорожной школе, он учителем истории в старших классах, она библиотекарем, здоровье не позволяло ей быть учителем. В первые же дни войны отца мобилизовали в армию. Ничего о нём я не знал и в последствии, кроме места работы и звания, знание последних было необходимо при поступлении в институт и на работу.

Когда началась война, мне было 3,5 года, брату Лёве – на год меньше. Первое воспоминание о том, как при приближении немецких войск всё гражданское население, главным образом женщины, после работы выходило копать окопы и противотанковые рвы, этими окопами и рвами весь наш посёлок был перепахан, Из-за постоянных угроз бомбёжки, женщины, если не с кем было оставлять дома малых детей, брали их с собой – погибать, так вместе. И вот мы с братом «копаем» свои окопы на бруствере. Однажды один мужчина, выбрасывая лопатой грунт со дна окопа, по неосторожности едва не снёс брату голову. Очень глубоко была рассечена щека почти от глаза до рта. Кровь, крик, слёзы. Мать с братом увезли, дальше провал в памяти.

В октябре станцию и город начали систематически бомбить, над городом нависла угроза немецкой оккупации. Нам было предложено уехать из города. Мама выделили подводу для переезда в Воловский район к родственникам, это примерно в 80-ти километрах на юг от города. Начальная часть этого пути мне отчётливо запомнилась. Сидим мы втроём на узлах и едем мимо узловского лесопитомника в сторону железнодорожного переезда. Переезд, как и станцию, часто бомбили. Рельсы кое-как восстанавливали, крепили, настил между ними делать не успевали, одни ямы. И вот наша телега, прыгая через каждый рельс, едет по переезду, мама идёт рядом.

В этот момент завывли сирены воздушной тревоги, мама подстегнула лошадь, и ... оглобля соскочила на землю, видимо, в спешке лошадь запрягли небрежно.

Мама запрягать не умеет, кричит, плачет. Сирены воют, слышался рёв самолётов, паника, могли и скинуть телегу с дороги, ведь мы стояли посреди переезда сами и мешали другим. К счастью, подбежал какой-то офицер, быстро поправил упряжь, и мы поехали дальше. Как добрались до села Истленьево, совершенно не помню.

В селе мы жили в семье старшего маминого брата дяди Евдокима, сам он был на фронте. Наш дом, немногий в деревне, был каменный с подвалом. Помню всего два эпизода. Я катался на санках с крыши погреба, мама была рядом. Подошёл немец, выдернул у меня верёвку и потащил санки к себе, а они за что-то зацепились, он вздёрнул автомат. Мать успела столкнуть меня в сугроб, очередь прошла мимо, может, немец и стрелял-то в воздух. Подхватив санки, немец, как ни в чём не бывало, забыв про нас, пошёл своей дорогой.

*Борис (слева), Лев и мама
в первые дни войны*

Оккупация немцами Узловой и прилегающих районов Тульской области длилась всего три недели. Отступающие немецкие части особого ущерба селу не нанесли, прихватили лишь остатки живности, но вот идущие за ними специальные команды всё село сожгли. Мы в это время прятались в подвале, сидели там буквально друг на друге – в него набились со всех соседних домов. Сидели долго, пока не прекратилась стрельба и в подвал не заглянул наш красноармеец. Село догорало, остался большой деревянный амбар, в нём горели автомобильные шины, мы бегали смотреть, близко нас не подпускали и пожар не тушили – ждали сапёров, могло быть заминировано. Часть солдат остановилась в нашем доме. На редких оставшихся вокруг дома тополях и липах сидели много голубей и ворон. Одновременно и дружно застучали автоматы, на снег посыпались десятки птиц. Нас детей тоже покормили горячей похлёбкой – такой вкуснятины, казалось, мы никогда не пробовали.

Спустя некоторое время, мы вернулись в Узловую. В квартире был полный бардак, хорошо, что сохранились окна и плита в кухне, дверь была выбита. Жить в городе было невозможно из-за постоянных бомбёжек, и мы временно перебрались в небольшую деревушку километрах в 10-12-ти от города. Мама раз в одну-две недели ходила в город, получить продукты по карточкам, главным образом хлеб. Одна через пустынные поля и луга с мешком хлеба! Как говорится, бог уберёт, ведь и за полбуханки убивали. В очередной раз она взяла меня с собой, показать врачу – у меня болели уши. Уму не постижимо, как только я дошёл туда и обратно, мне не было и 5-ти лет. Когда возвращались назад, нас с небес разглядел фашист. Мессер снизился до бреющего полёта над прямой грунтовкой через поле и открыл огонь. Буквально за несколько секунд до этого мать спихнула меня с дороги в поле и сама упала по другую сторону от дороги. Рядом с нами на дороге поднялись многочисленные песчаные фонтанчики – как сейчас их помню. Мессер повторил попытку, но мама опять успела залечь со мной подальше от дороги. Снова очередь выбила на дороге пылевые фонтанчики. На левой ноге у меня появилась глубокая кровоточащая рана, то ли осколок, то ли рикошет пулей или камнем.

В конце 42-го или начале 43-го мы окончательно вернулись в город. В квартире всегда было холодно, в кухне было топить бесполезно, и в первой комнате нам сложили печку. Она обогревала всю стену смежной комнаты от пола и до потолка, но всё равно мы втроём спали на одной кровати, вечно воевали с братом, кому спать рядом с мамой, а кому у стенки. Мать снова работала в школе, периодически она, как и все служащие поочерёдно, уходила на какие-то дежурства.

Железную дорогу со станцией продолжали бомбить, доставалось при этом и посёлку. С расстояния в 3-4 километра как на ладони были видно происходящее: осветительные «люстры» на парашютах, зарево возникающих взрывов и пожаров на земле, разрывы зенитных снарядов, мечущиеся во все стороны лучи-столбы прожекторов. И вот он, счастливый миг, в луче прожектора появлялся крестик, мы уже знали, что это бомбардировщик, немедленно к нему со всех сторон метнулись десятка других лучей. Всё, голубчик! Не уйдёшь!

И какая радость была, когда самолёт взрывался при попадании снаряда и яркой свечкой со шлейфом дыма пикировал к земле. Мы и не понимали, что он падает на те же пути, на станцию, на наши дома, может нам и возвращаться утром будет некуда. Главное, ещё один фашист получил по заслугам.

Весной 43-го поделили на участки школьное футбольное поле. Нам достался участок, весь изрезанный зигзагообразными окопами, Сажали помидоры и картошку. Последнюю сажали очистками с одним-двумя глазками, но всходила. Помидоры собирали ещё твёрдокаменными тёмнозелёными, а с похолоданием в сентябре и все до самых маленьких с напёрсток. В ненастные осенние вечера, если не было дежурства, мать уходила за посёлок на железнодорожные пути и откосы собирать упавший с проходящих вагонов и платформ уголь. Зачастую в мешке оказывалось больше руды и камней.

Ясно помню, как вблизи от центрального городского переезда днём был разбомблён воинский эшелон с боеприпасами, непрерывно гремели взрывы. Оцепление не позволяло подойти и на километр к эшелону, и нельзя было увидеть, что происходило, но на

следующий день были оцеплены только пути и переезд с остатками состава, и мы стали свидетелями страшных разрушений.

Сразу после возвращения в город, мама устроила нас в детский сад – это был одноэтажный шлакоблочный барак с двумя входами и небольшим двориком. Рядом с садиком было своеобразное бомбоубежище – наполовину вкопанная в землю железнодорожная цистерна с двумя герметичными дверями и несколькими трубами для вентиляции. По сигналу воздушной тревоги мы одевались, брали каждый свой противогаз, иногда надевали их, и шли в бомбоубежище.

Страх и боль были в мамином сердце. Постоянно преследовало чувство голода, желание что-нибудь поесть. Конечно, в садике нас постоянно обделяли в еде, из-за этого были частые скандалы родителей с поварами и воспитателями. Я, к тому же, по какой-то причине совсем не ел манную кашу, не помню, чтобы мне это хоть раз чем-то компенсировали. Дома ели траву, щи из лебеды и крапивы, обычное блюдо – почки, кора и листья липы, клевер, подорожник и т.п. Я часами сидел и выдёргивал из пырея верхние побеги и откусывал их нежные сочные белые кончики. Ни ягод, ни грибов не было в окрестностях, щавель исчезал только проклюнувшись. Единственной ягодой и лакомством для нас был боярышник, колючими зарослями которого были обсажены некоторые улицы посёлка, и, когда он поспевал, мы все ходили в ссадинах и царапинах. Всегда, приходя из садика домой, мы кланчили у мамы маленький кусочек хлеба. И, когда она уделяла нам немного от своей пайки, как сейчас помню, уходил на улицу и десятки раз этим кусочком глиноподобного хлеба зачёрпывал снег, стараясь продлить наслаждение.

Весной до пахоты и во время её часто бродили по прошлогодним картофельным участкам, выискивая перезимовавшую и не совсем сгнившую картошку. Из этой картошки мать добывала крохи крахмала, а из более-менее сохранившейся жарила на ... керосине «тируны» – перетёртая на тёрке картошка с добавлением небольшого количества муки (их ещё называли «дируны» – горло драли). Это было объеденье, и мы опять торопились на поля за картошкой.

В детском саду все дети находились до тех пор, пока за ними не приходили родители. И это каждый день затягивалось до позднего вечера. Праздников, как таковых, не было. Праздник – это угощение, и какое-то подобие праздника было, когда к нам, в семьи военнослужащих, приходили пионеры-тимуровцы, приносили игрушки, тряпичные мячи, зайцы, книжки с картинками, угощали горсточкой леденцов. Настоящими праздниками были послевоенные выборы. Нас, детей, не только угощали, но и, набив полный кузов грузовой машины, не спеша, часами катали по городу.

Война близилась к концу, вокруг города восстанавливались шахты и рудники. Всё чаще мимо нас проводили колонны пленных немцев, шахты и рудники как раз восстанавливали они. Иногда мы ребятишки пуляли в них камнями и из рогаток. Наши конвоиры посмеивались, пресекая движением автомата любые попытки немцев броситься в нашу сторону. Беда была, когда их водили на нашу запруженную речушку Любовку помыться. Из воды немцы таскали горы ракушек и лягушек, жарили их на кострах и поедали без соли полусваренными. Мы, вечно голодные, никогда бы до этого не додумались и смотрели на них, как на дикарей. Долго после этого мы не купались в речке и не ловили своих ершей.

Утром 9-го мая 45-го года мать как обычно вела нас в садик, но не довела. Вокруг было ликование, все веселились, обнимались, что-то кричали. Кончилась война, вряд ли мы понимали, что это значит. Война кончилась, но через станцию на восток один за другим шли воинские эшелоны.

С шести лет, как и всё наше окружение, мы с братом (он-то с пяти) покуривали. Собирали в парке под скамейками и в мусорных урнах «бычки», вытрясали из них табак и по мере надобности сворачивали огромные «козьи ножки» (мы их называли «домны»), после чего раскуривали их и пускали по кругу. О том, что мы курим, мать не догадывалась, курили все вокруг, и мы крутились среди курящих. Она нам постоянно вдалбливала – «Не курить, не врать, не воровать», мечтала вырастить нас инженерами и всю свою жизнь, совершенно забыв о себе, посвятила этому.

В первый класс я пошёл в 45-ом году, когда кончилась война с Японией. Жить стало немного легче, но приближался страшный

голод 46-47 годов, какого мы не знали и в войну. А было ли вообще у нас детство человеческое, или в этом слове заключён лишь биологический смысл? Наверное, наши лишения в военные годы ни в какое сравнение не идут с доставшимися на долю детей блокадного Ленинграда, но и мы вкусили дальше не куда ужасов и плодов войны.

Я бесконечно благодарен маме за то, что появился на свет и что невероятными усилиями она вырастила и воспитала нас. Ежегодно приезжаю на родину и подолгу сижу на её могилке. «Спасибо, милая, прости, если что было не так.»

Военное детство

Корчагин Евгений Федорович

Корчагин Е.Ф. 1932г.р., сотрудник испытательного отделения 14 РФЯЦ-ВНИИЭФ в 1955-1995 гг. Участник 34 натурных испытаний ядерного оружия в атмосфере и 97 подземных, 1957-1989 годы, Семипалатинский и Новоземельский полигоны. Имеет благодарность Правительства СС-СР 1962г. Ветеран АЭиП. Награждён медалью «Ветеран труда».

Трудовой фронт. Лето 1942 года. Июнь. Мне неполных 8 лет. Моё детство проходило на окраине небольшого фабричного городка в Ивановской области. В собственном деревянном домике мы с мамой жили вдвоём. Отец по инвалидности был освобождён от действительной службы в Красной Армии, но был мобилизован на так называемый «трудовой фронт» во Владимирскую или Рязанскую область на строительство оборонительных сооружений.

В военное время была введена обязательная трудовая повинность, и моя мама (до войны работала в колхозе), была привлечена на работу разнорабочей по «подвозке топлива» – на вагонетках вручную на местной фабрике. Брат мой 1924 года рождения был бойцом Красной Армии и воевал в уличных боях в Сталинграде (там был ранен и лечился в госпитале). Мама работала с 12 часов дня до 24-х часов ночи. Она успевала мне что-нибудь приготовить утром (сварить картошки – это была основная пища того времени). Таким образом, весь световой день я был предоставлен самому себе. Электричества не было. Тёмные вечера проходили под освещение так называемой «коптилки» – это пузырьёк с керосином, в который опускался «фитилёк», поджигался спичкой и «коптил» слабым пламенем. И, конечно, больше всего мама боялась моего «обслуживания» этого устройства.

В 15 километрах, в деревне, жили мамины престарелые родители – моя бабушка и дед. Бабушка была домохозяйка, а дед работал на строительстве каменной (именно из камней-голышей) шоссейной дороги, проходящей недалеко от деревни. У них было своё домашнее хозяйство – корова и какой-то мелкий домашний скот. Кроме того, в этой же деревне жила семья из пяти человек моего дяди – брата мамы.

Вот моя мама, посоветовавшись с этими родственниками, решила на лето (до поступления в 1-й класс) отправить меня в деревню под присмотр (скорее, под «прикорм») этим родственникам, там же находились мои двоюродные братишки и сестрёнки.

Дошкольное лето. И вот я с начала лета 1942 года стал деревенским жителем. Со сверстниками мы беззаботно проводили тёплые летние дни – купались в пруду, ходили в лес. Больше всего я любил бывать на колхозном конном дворе. Но поскольку всех колхозных лошадей забрали на «службу в Красную Армию», в конном дворе «жили» два быка – это была вся основная «тягловая сила» колхоза. Этих быков каждое утро конюх, престарелый дед, запрягал в двухколёсную тележку, и колхозницы (а в колхозе работали одни женщины) выезжали на работу. Везили из леса дрова,

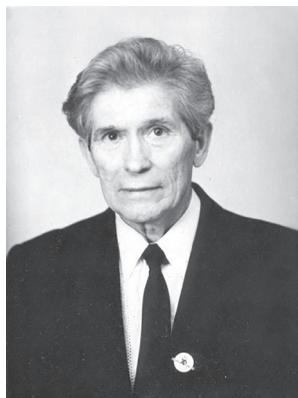
сено, снопы с полей и другие сельскохозяйственные заготовки. Я был бесконечно счастлив, если меня брали в эту бычью повозку покататься. На конном дворе стояла ещё одна лошадь, которая по старости еле ходила. И вот, самое главное в этом моём времяпрепровождении – выводить всю эту «тягловую силу» на водопой, на деревенский пруд. Мы, деревенские ребята, принимали в этом прямое участие. Однажды мне разрешили прокатиться верхом на этой еле передвигающейся лошади. Мне помогли сесть на выступающий сантиметров на 20 хребёт лошади, чтобы довести её до водопоя. И тут я опозорился перед сопровождающими. Когда лошадь входила с пологого берега пруда в воду, она как бы спрыгнула передними ногами с берега, и я, не удержавшись за её гриву, съехал по хребту в воду, как с горки. Больше езду верхом на лошади мне не доверяли.

Первый раз в первый класс. Так прошло моё памятное дошкольное лето 1942 года. Где-то в середине августа в деревню приехали представительницы образования с целью переписи детей, попадающих под всеобщее начальное школьное образование. В этот список попал и я. Таким образом, 1 сентября 1942 года пошёл я «в люди» – в 1-й класс сельской школы, которая находилась в трех километрах от моей деревни – в соседнем селе. Проучился я там недолго, наверное недели две-три, научился держать в руке карандаш и выводить какие-то чёрточки. Но что особенно запомнилось мне – это очень вкусные школьные обеды.

В конце сентября за мной приехала мама, перевела меня в городскую школу. К моему счастью, я ещё до школы по буквам (не по слогам, а по буквам) самостоятельно научился читать. У меня был старый-престарый, наверное, ещё дореволюционный букварь, и я его таким способом успел весь прочитать. В новой городской школе директорша лично проверила меня на умение читать. И я по-своему (по буквам) продемонстрировал ей своё умение. На что она сказала маме, что читать я не умею, но, тем не менее, отвела меня на занятие в класс. Так стал я городским школьником, где и проучился 7 лет. А в 1950 году поступил в городе Кинешма в химико-технологический техникум.

Из военного детства – в испытатели ядерных зарядов

Кузнецов Валерий Александрович

В.А. Кузнецов 08.09.1929 г.р. награжден орденом Знак Почета, медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», «50 лет атомной энергетики СССР».

Родился 8 сентября 1929 г. в городе Балашове Саратовской области в семье рабочего. Отец – Кузнецов Александр Васильевич – слесарь-механик, участник гражданской войны. Мама, Елена Ивановна, работала счетоводом-бухгалтером на металлзаводе. В 1933 году наша семья переехала в город Саратов. В 1937 г. пошел в 1-й класс средней школы.

В июне 1941 года началась Отечественная война с немецкими захватчиками. Хотя совхоз Долинский был далеко от фронта, война круто изменила нашу жизнь. Отец с утра до позднего вечера работал. Его освободили от мобилизации из-за пореза голосовых связок, полученного от простуды ещё во время гражданской войны.

В школе вместо кружков по физике, математике стали изучать: как тушить зажигательные бомбы, устройство и стрельбу из мелкокалиберной винтовки. За отличную стрельбу получил значок на цепочке «Юный Ворошиловский стрелок». Летом со всеми ребятами старше 11 лет стали работать по 6-7 часов на поливных плантациях совхоза: пололи, рыхлили, собирали урожай овощей и ягод. Совхоз отправлял их в госпитали. Семья получала про-

дукты по карточкам. В школе организовывали походы на лыжах и военные игры.

В октябре 1943 года, мы переехали в город Караганда. Я стал ходить в 7-й класс в 2-х км от дома. В это время я увлекся физикой, географией и по книге – изготовлением электродвигателей. В октябре 1944 года моего отца пригласили на работу в аппарат ЦК Молдавии для организации работ по восстановлению машинотракторного парка Молдавии. Мы выехали в вагоне-теплушке. При проезде мимо города Бендеры поезд обстреляли бандиты. Военнослужащие в вагонах ответили огнём.

В г.Кишинёв было прохладно, хотя ярко светило солнце и на деревьях зеленела листва. На перроне разрушенного вокзала увидели разбитые танки, орудия и др. трофейную технику. Нам стало жутко. Пешком прошли около 2 км через весь город по ул.Ленина. Мы увидели наполовину разрушенный город. Иногда слышались взрывы. Школа, в которой я стал учиться в 8 классе, была в плохом состоянии: стекла в окнах были выбиты, ступени на лестнице были повреждены. В классах было холодно. Некоторые ученики из местных приносили в класс пироксилин (порох из патронов от снарядов) и на перемене сжигали: он горел с шипением и искрами, не взрываясь. В классе становилось теплее, но от запаха болела голова. Строго запретили – лучше мерзнуть.

В школе учились одни мальчишки. В другой школе учились одни девчонки. Мне это не нравилось: было много хулиганства (не только с порохом). В Молдавии изучали языки: русский, молдавский, французский, а в Казахстане я изучал русский, казахский, немецкий, но полиглотом я не стал. В то время в школах обязали писать сочинения по литературе, по истории, по географии. Вечером мы работали в столярной мастерской – изготавливали оконные рамы для восстановления домов.

Когда открылись занятия по спортивной гимнастике, которые проводились в здании православной церкви, пошел и с удовольствием занимался около месяца. Заболел бронхитом: стекла в храме были выбиты – гуляли сквозняки. В школе учителя были особенные: молдаване и инвалиды. Но 8 класс я закончил на «хорошо». Во время учебы в 9 классе по математике стал «хромать».

По совету одного из учеников класса, стал ходить в секцию бокса (в городе вечерами было не безопасно ходить). После 6 месяцев тренировки участвовал в городских соревнованиях по боксу. Пришел домой с победой над более сильными противниками. Мне присвоили 3-й разряд.

Летом поступил на работу электриком на местный завод и стал учиться в 10 классе вечерней средней школы (там не нужно было писать сочинения по истории и географии, а по математике и русскому языку преподавали хорошие учителя). Вскоре увлекся радио и сделал двухламповый радиоприёмник, который принимал Лондон и др. станции. В мае 1945 года Отечественная война закончилась нашей победой. Через г.Кишинёв стали возвращаться полки нашей армии. На ул.Ленина собирались толпы народа с радостью и ликованием.

В окрестностях города ещё оставались брошенными много боеприпасов, которые иногда взрывались в руках любопытных ребят. Но у нас всё обошлось: хоть мы и стреляли из немецкой винтовки

Бриллиантовая свадьба

без приклада трассирующими пулями и пускали немецкие сигнальные ракеты без использования пусковых ракетниц.

В 1952г. начал работу в конструкторском отделе КБ-2. По указанию Музрукова Б.Г. в январе 1964 года я был переведен в КБ-1, в сектор 14, в отдел по разработке схем и аппаратуры автоматики и подземных испытаний специзделий. Лично участвовал в подготовке и испытаниях 25 ядерных зарядов в атмосфере и штольнях. В трудовой книжке отмечен: благодарностями Правительства и администрации ВНИИЭФ. Ветеран Атомной энергетики и промышленности.

СЫН ВОЕННОГО

Кузьмин Геннадий Глебович

Кузьмин Г.Г. 28.11.1930г.р. Награждён медалями «Ветеран труда» и «65 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.», знаками «Ветеран атомной энергетики и промышленности» и «Победитель социалистического соревнования».

Я родился 28 ноября 1930 г. недалеко от Суздаля в селе Кидекша Ивановской области (теперь Владимирской). Родители, Глеб Михайлович и Мария Фёдоровна (до замужества Воробьёва), были крестьянами. Отец, уже обременённый семьёй с тремя детьми, пошёл учиться на рабфак, потом в 1933 году поступил в военно-инженерную академию в Москве. До 1939 года жили, переезжая вместе с отцом из одного военного городка в другой. Затем отца направили на учёбу в Москву, а семья вернулась на родину под Суздаль.

В 1940 году отца направили служить в погранвойска Одесской области, и мы с ним. Здесь и встретили войну. Отец остался в войсках, а нас эвакуировали, сначала в Харьков, затем в Куйбышев, после в Чкаловскую (теперь – Оренбургскую) область. Говорили, что это всего на 1-2 месяца, с собой удалось взять лишь то, что унесли в руках. Ехали на восток около месяца, в пути неоднократно попадали под бомбёжку, были жертвы. Расселили нас у местных жителей в селе Сакмара. Мужчин здесь почти всех призвали в армию, рабочих рук в колхозе не хватало, и мы, младшие школьники, до занятий проходили «трудовую разминку» – работали на прополке колхозных полей. В 1942 году во время летних каникул нам, мальчишкам, даже доверяли колхозную «технику» – рабочих

лошадей. Было холодно и голодно, но зиму пережили, хлеб давали по карточкам – 300 грамм на человека.

Учился я неплохо, но в 5-м классе учиться не довелось, в начале 1943 года приятели, уже бросившие школу, уговорили меня пойти работать в геологической экспедиции Южного Урала, там давали и зарплату, и паёк. В экспедиции я проработал до сентября 1943 года. Осенью семья вернулась на родину, жить стало немного легче. Я снова пошёл в школу, она была в Суздале, в 5 километрах от деревни. С 1 мая до октября работал в колхозе – от весенней вспашки на быках и лошадях до уборки урожая и окончания обмолота.

Отец провоевал в сапёрных войсках всю Великую Отечественную и войну с Японией. В 1946 году его направили служить в Абхазию, семья в августе того же года поехала за ним. Были и ещё перемещения по местам службы отца. Всего за годы учёбы я сменил 12 школ.

После окончания школы служил в Советской Армии под Москвой, в войсках ПВО. Затем с 1953 по 1958 г. учился на конструкторском факультете Ленинградского кораблестроительного института, после его окончания был направлен в Арзамас-75. Работал конструктором 5 лет на заводе Авангард, затем 7 лет в секторе 5.

2001 года работал в секторе 13 (теперь И ЛФИ РФЯЦ– ВНИИ-ЭФ) заместителем начальника конструкторского отдела. Пять раз меня выдвигали на Доску Почёта сектора, семь раз руководство объявляло благодарность, в том числе и от Совета Министров СССР.

Прошли годы, сказались невзгоды и болезни времён войны, нет уже в живых ни отца с матерью, ни братьев с сестрой, ни жены, но есть сын и дочь, которые трудятся во ВНИИЭФ, продолжая наше дело, подрастают внуки и внучки.

Жизнь как она есть

Левкина Е.И.

Родилась в 1933 г. в селе Лесуново Сосновского района Горьковской области. Вспоминаю начало войны. Все мужики были на сенокосе: уходили с восходом солнца, возвращались к обеду. И в тот день все ребятишки встречали их за селом, сообщая им эту страшную новость. Война. Сборы были недолгими, было дано два часа, мужики побросали котомки на подводы и поехали в район на сборный пункт. Забрали всех мужчин, остались только старики, женщины и много детей.

В моей семье осталось четверо детей, старшему 9 лет, мне 8 лет, 6 и 4 года, мама была беременна и родила пятого в ноябре 1941г.

Все хозяйство легло на меня и брата. Научились косить, жать серпом.

Заменили взрослых в колхозе, вместе с женщинами косили травы и жали зерновые. Мальчишки постарше вывозили снопы на быках (лошадей забрали на фронт) на обмолот. Зима 41 года была страшным испытанием. Сельчане жили дружно, помогали друг другу, ели в основном картошку, ее хватало до января, а дальше – кто что даст, запаривали листья липы и добавляли картофельных очисток, пекли лепешки. Весной мы оживали, пошла травка, овощи – все, что не горькие, шли в пищу. Работали от зари и до зари. Зимой сушили картофель (типа чипсов) и отправляли на фронт. Пряли шерсть, вязали носки, перчатки, шили кисеты для махорки. Собирали посылки и отправляли на фронт нашим дорогим бойцам. Зимой заготавливали дрова, возили на санках. С дровами проблем не было, лес рядом. В школу ходили по очереди из-за отсутствия одежды и обуви.

Радио в селе не было, все известия приносил почтальон. Папа погиб в боях под Берлином. Вечная ему память.

День Победы встретили на работе в поле, прибежали дети с криками «Ура! Победа!». Друг друга обнимали, целовали, плакали от радости.

Селян с фронта пришло единицы, и те израненные и контуженные.

Мы, подростки, стали определяться, как жить дальше. Стали уезжать в город, кто на работу, кто на учебу. Я уехала в 46 году в Горький к родственникам, там поступила в училище, приобрела специальность и в 1951 году приехала в наш город.

Письмо с трудового фронта

Овчинникова (Павлушкина) Нина Александровна

Н.А. Овчинникова 1939 г.р., награждена знаком «Отличник Советской торговли» и медалью «Ветеран труда».

Мои детские и школьные годы прошли в городе Первомайске Горьковской области. В нашей семье у родителей было четверо детей (два брата и две сестры), я самая младшая, и с нами жила бабушка Маша (папина мама).

Мой папа, Павлушкин Александр Романович, 1907 г.р., был призван на фронт в 1942 г. Мне было около четырех лет, я смутно помню, как мы провожали папу на фронт. Через год весной пришло извещение, что папа погиб 17.01.1943 г., захоронен в д.Шубино Воронежской области.

Семья из шести человек старалась «выживать». Мама не работала, была инвалидом с детства (переболела золотухой, которая искорежила ей ногу). Позднее она рассказала, как, оставшись с четырьмя детьми и бабушкой, решила обрабатывать землю, на которой сажали картофель, сеяли просо, держали корову, кур. На тот момент у нее не было другого выхода, ну а мы, все дети, ей помогали. Приходилось маме и копать, и сажать, и сеять, и косить траву, а мы изо всех сил старались ей подсобить.

Помню, пошли мы с мамой на базар, где я увидела сандалии, и мне захотелось, чтобы мама их купила, но она отказала мне. Я хоть и маленькая была, но не обиделась, понимала, что ей очень тяжело с нами «выживать».

В 1958 г. я приехала в Арзамас-75 (ныне Саров), устроилась на работу в ОРС товароведом промышленных товаров. В 1961 г. вышла замуж. Вырастили мы с мужем двоих детей. В 2006 г. мой супруг умер, и я осталась одна. Дети имеют свои семьи, у меня есть внучка и внук, я им, чем могу, помогаю.

Жить, чтобы стать примером

Подгорный Федор Поликарпович

Ф.П. Подгорный 22.07.1931г.р. награжден медалями «За доблестный труд, в ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда», юбилейными медалями в честь Победы 40, 50, 60, 65, 70 лет.

Сколько тягот может выпасть на долю одного человека? Наверное, столько, сколько он сможет выдержать. Федор Поликарпович Подгорный из числа людей, которые упорно идут к своей цели, несмотря на жизненные испытания. Скоро ветерану отметил 85 лет и признается, что каждый прожитый год – это испытание на стойкость.

Казалось бы, пафосные слова, но за ними скрывается боль. Федор Поликарпович – ребенок войны, так называли тех, кому «посчастливилось» родиться перед началом Великой Отечественной. Сегодня он глава большой семьи. Он уже на заслуженном отдыхе и его жизнь сегодня – это родные и близкие люди рядом.

Родился Федор Поликарпович в одном из украинских сел в семье крестьянина-колхозника. Кроме Федора, а он был самым младшим, у родителей было еще пятеро детей. Отец – участник первой Мировой войны, Георгиевский кавалер, работал бухгалтером в колхозе. Мать занималась домашним хозяйством и подрабатывала – пекла хлеб и готовила обеды для колхозников и воспитанников детского сада-яслей.

За несколько лет до войны Федя пошел в первый класс местной семилетки, да вот до войны успел отучиться лишь три года. Но с отличием. Его сестры и братья уже работали, кто-то продолжал

обучение. Особо Федор Поликарпович вспоминает своего старшего брата Семена, который вел праздный образ жизни, не считая нужным участвовать в жизни семьи. Более того, не раз осмеливался просить на выпивку денег у мамы.

Один раз мама отказала ему, – вспоминает Ф.Подгорный. Тогда он встал на колени перед образом святого Серафима, который висел под сволоком (главный брус из дерева, который поддерживал потолок комнаты) посреди хаты, и произнес: «Отче Серафиме, надоумь мою маманю на доброе дело». Конечно, мама с улыбкой дала ему денег. Я даже не предполагал, что спустя годы судьба забросит меня жить и работать в то святое место, где жил, совершал свои молитвы батюшка Серафим Саровский, где он и скончался на святой земле и где теперь находится то предприятие, где мне посчастливилось работать.

Начало войны. О начале войны третьеклассник Федя узнал от односельчан, которые возвращались из районного центра. Радио в колхозе не было, поэтому новостями делились на рынке. А уже на следующую ночь жители села наблюдали, как немецкая авиация бомбит заводы Днепродзержинска. Началась мобилизация мужского населения. Из семьи Подгорных по возрасту подходил лишь двоюродный брат Феди Сергей, который воспитывался наряду с родными детьми. Родители парня были раскулачены и сосланы на Алтай за то, что владели ветряной мельницей.

Оккупация. Несколько недель продолжалось затишье, а потом проявились немцы, – рассказывает Федор Поликарпович. – Они грабили население, забирали коров, птицу. Но это было не самое страшное. Фашисты устраивали облавы на местную молодежь для отправки в Германию. В одну из них попал мой старший брат Моисей.

Правда, ему удалось бежать – он выпрыгнул из вагона и вскоре весь худой и грязный вернулся домой. Родители пытались нас защитить и меня с сестрой Настей прятали в погребе или в соседнем хуторе.

Позже начали отправлять в Германию и женщин с детьми. А тем, кто оставался здесь, приходилось непросто. Особенно доставалось старикам, многих расстреливали. Мама переживала за

нас, ведь можно было попасться врагу на глаза в любой момент.

Летом 1943-го года облавы велись почти ежедневно, по ночам были слышны раскаты артиллерийских снарядов. А ранней осенью, уходя из села, люди в военной форме подожгли дома, скирды соломы и сена. Как позже стало известно, это сделали «власовцы» – изменники Родины. В следующий раз при появлении колонны немцев мама сильно испугалась за детей и спрятала Настю и Моисея в землянке, в которой разводили кроликов – лаз в землянку был засыпан пеплом. К счастью, враги не заметили его.

Мобилизация. Петриковский район с его поселениями был освобожден от немецких оккупантов 25 сентября 1943 года – ровно через два года. Сразу началась мобилизация мужского населения на фронт. От Подгорных воевать отправились отец и Моисей. Совсем скоро, 19 ноября, старший сын погиб на фронте под Кировоградом. Глава семьи вернулся домой в самом конце войны. Его комиссовали по болезни – подхватил туберкулез. Домашними делами он заниматься не мог, позже не смог вставать и с постели.

Учись. После освобождения района от оккупантов в нашей местности многие увлеклись голубями, – рассказывает Ф.Подгорный. – Был заклётым голубятником и я. После того как «подымал» голубей, они парили в небе над хатой иногда и по четыре часа. Отец лежал в саду и любовался ими. Однажды он подозвал меня к себе и по-доброму так сказал: «Слушай, сынок, я в своем положении не могу запретить тебе курить, а ты ведь куришь? Кури и не прячься, а то не дай Бог, подожжешь хату». Я покурил с ребятами, когда пасли коров. Но больше всего меня тронули другие слова отца: «Сынок, ты теперь в нашей семье единственный мужчина (братья погибли на войне), поэтому остаешься за главного – я уже не жилец. Учись. И будь опорой в семье. Обязательно учись!» Я эти слова запомнил на всю жизнь. 21 июня 1945 года отца не стало. В семье Подгорных остались трое: мама, сестра Настя и Федор.

Голод. Первые годы после войны были очень тяжелыми, – вспоминает Федор Поликарпович. – Весь 1946 год мы вообще не видели хлеба! И только на Пасху принес буханку хлеба школьный товарищ и друг детства Виктор (отец его работал в

милиции и иногда по карточкам получал хлеб). Сельским работникам не выдавали талоны на питание в послевоенные годы, потому что все жили своим хозяйством. Спасали запасы фасоли. И картошки. Ее обычно на зиму хранили в больших рвах – засыпали, на нее настилали солому, а сверху присыпали землей. А когда началась война, про картошку забыли, она вся сгнила, но из остатков делали крахмал, а потом, промыв его, лепили лепешки. Так и выжили.

Студент. В 1947 году Федор после окончания семилетки поступил учиться в Петриковскую районную среднюю школу. Три года спустя получил аттестат о среднем образовании. И самое главное, получил паспорт для поступления в ВУЗ! В 1950-м году молодой человек стал студентом механического факультета Днепропетровского Инженерно-Строительного института. Студентам в то время платили маленькие стипендии, всего 360 рублей. Обедали в столовой, мама из деревни присылала яйца, которые быстро приедались. Но на кухне Федор менял их на жареную картошку. Все студенты друг друга выручали, «подкармливали». Много работало: таскали мешки, выгружали баржи с цементом, с сеном.

ВНИИЭФ. Институт Федор закончил успешно. Его, как одного из лучших выпускников, направили работать по специальности в неизвестный городок «Москва-Центр 300». Во ВНИИЭФ в составе группы молодых специалистов он прибыл в августе 1955 года. Трудовая биография Федора Поликарповича впечатляющая: работал инженером, главным механиком, позже перешел на завод ВНИИЭФ старшим инженером по эксплуатации оборудования ОГМ, затем стал руководителем службы охраны труда и техники безопасности. В 1978 году был избран председателем заводского комитета профсоюза. В этой должности проработал 18 лет. А еще позднее стал ведущим специалистом по охране труда профсоюзного комитета РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Федор Поликарпович имеет знаки «Победитель социалистического соревнования», «Почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», «Ветеран Великой Отечественной войны». Почти всю жизнь он отдал работе, общий стаж в ядерном центре составляет 52 года.

С женой Анной Романовной учился в одной группе института, но когда закончили обучение, она получила направление на работу в Калугу, а Федор Поликарпович тогда еще не знал места своей будущей работы. А уже когда освоился в нашем городе, поехал на Новый год в Калугу, где влюбленные поженились. Они и сегодня живут душа в душу, воспитывают внуков и правнуков.

В «безопасном» тылу

Почтарюк Надежда Викторовна

Н.В. Почтарюк 18.06.39 г.р. в г.Горький (теперь Нижний Новгород). С 1972 г. – член Союза журналистов СССР. Сейчас – в составе правления Саровской городской общественной организации «Дети войны».

Когда началась война, мне было два года, и жили мы с мамой и старшей сестрёнкой в г. Горьком. Отца я не знала. Он ещё в 1939-ом году участвовал в войне с белофиннами, потом сразу, не появляясь дома, попал на войну с Германией. Конечно, ничего о первых годах войны я не помню, но в 1945 мне уже было 6 лет, и кое-что в моей головке отложилось. Помню, к примеру, как бомбили макаронную фабрику на Мызе, как мы прятались в бомбоубежище речного училища. Жили-то мы неподалёку, напротив водного института. Ещё помню, как ходила с трёхлитровым бидоном на Ковалихинский мясокомбинат – там иногда давали мясные отходы, бульон. Доверяли мне отоваривать хлебные карточки. По дороге домой я частенько буханку хлеба со всех сторон обкусывала. Мама только вздохнёт, а я оправдываюсь: «Это мышки, мышки». А однажды я карточки потеряла. Мама меня поколотила поленом, а вечером они нашлись... в моих валенках.

Горькое было детство. Слов «голод» и «холод» я тогда и не знала. Просто кушать всегда хотелось, и не хотелось вылезать из валенок. Поскольку мама день и ночь пропадала на заводе, жила я фактически у дворничихи, у тёти Нюры. Её муж работал кочегаром в продуктовом магазине на Свердловке (теперешней Покровке), и он разрешал заглядывать к нему в котельную. Бывало, спустят вниз к нему тару на топку, а я её всю обследую. Вдруг,

конфетка в уголок завалилась или кусочек халвы или другой сладости прилепился? Большой радости и быть не могло! А ещё я помню день, когда в гости к нам приехал мамин брат дядя Костя. Он дал мне рубль! Это было такое счастье! Побежала в магазин, купила целых десять коврижек и кусочек сахара, разделила его на много частей, чтобы продлить удовольствие и... в общем, впервые за всю войну наелась. Много чего ещё вспоминается. Как пленных немцев впервые увидела в 46-м. Они строили Чкаловскую лестницу. Как уже после Победы любили играть с ребятами в войну на Волжском откосе. Волга, откос – для меня это до сих пор святое ...

В Арзамас-75 приехала в 1961 г. после окончания строительного техникума. Увлёклась журналистикой. Работала корреспондентом городского радио, затем редактор радио завода «Авангард», радио ВНИИЭФ. В 1974 г. закончили учёбу на факультете печати 3-й ВПШ при ЦК КПСС.

***Надя Малыгина (Почтарюк),
1944 г.***

Две войны

Рубашкин Владимир Николаевич

В.Н. Рубашкин 08.05.1936 г.р., награжден орденом «Знаком почета», медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», памятным знаком «Дети войны».

Таким же знаком награждена и жена Изабелла Николаевна.

Начало войны г. Кишинёв. 1941 г, мою семью война застала в г. Кишинёве в Молдавии. Отец, Рубашкин Николай Николаевич, работал начальником Кишенёвской дистанции пути и он принял решение отправить семью в деревню Дядьково Брянской области на родину моей матери Галины Алексеевны. Но война очень быстро догнала нас. Линия советской обороны проходила по окраине деревни, наши солдаты размещались в окопах и нам, ребятишкам, поручалось носить туда для солдат молоко, хлеб и другие продукты от жителей деревни. Там я познакомился с солдатом и он, когда были налеты немецкой авиации, разрешал мне иногда нажимать курок его винтовки по пролетающим немецким самолетам.

Немцы в тот период наступали быстро и заняли деревню и первое, что я увидел из окна дома, как немецкий танк с черно-белыми крестами на броне, задним ходом, подмяв забор, въехал во двор. Немцы в черных комбинезонах вошли к нам в комнату. И тут я неожиданно для родителей, взял полено у печки, поднял его и пошел на танкиста. Он сунул руку в карман комбинезона, достал горсть конфет и положил их на табуретку и немцы вышли на кухню, поели. Затем они уехали. Мать рассказывала, что наблюдая всю эту картину, чуть не умерла со страха, считая, что немец сейчас меня убьет.

Затем немецкие части, занявшие Дядьково, двинулись дальше вслед за нашими отступающими войсками, а в деревню вошли немецкие каратели. И тут ситуация для гражданского населения стала совсем иной. Все оставшееся население деревни, женщин и детей согнали в скотные дворы. Немцы знали, кто из оставшихся мужчин были активистами и утром следующего дня их загнали в колхозную баню, окружили и подожгли. Когда из бани пытались выбраться, немцы их закидали гранатами.

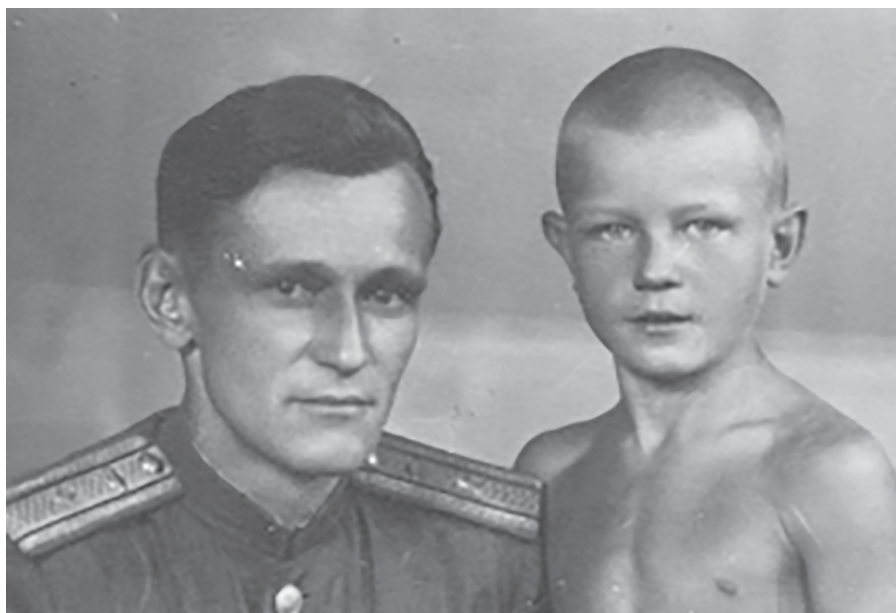

Изабелла Николаевна

Когда наши войска отступали, в лесах организовывалось партизанское сопротивление. Партизаны минировали дороги, по которым к фронту двигались немецкие войска. Немцы несли серьезный урон, так как дороги шли через лесной массив и двигаться по лесу было практически очень сложно. Ну и фашисты изобрели способ «разминирования», который позволял быстро двигаться к фронту с минимальными для них потерями – строилась во всю ширину дороги шеренги из женщин, их гнали впереди войск, мины взрывались, женские ряды смыкались и двигались дальше, оставляя на дороге убитых и раненых.

Моя мать долго хранила плюшевую жакетку с оторванным рукавом. Рядом с ней наступила на мину ее подружка и погибла, а у матери от жакетки оторвался рукав, но она осталась живой.

Через некоторое время по деревне пошел слух, что здоровых женщин будут отправлять в Германию и моя мать и ее сестра нашли способ стать больными, заразившись чесоткой. Немцы собрали больных женщин с детьми и отправили нас всех в какой-то лагерь. Нас перевезли на пароме через реку Неман. Сохранились в памяти бараки, нары и похлебка каждый день из брюквы, но остались в памяти блины под названием «деруны». Иногда женщин выводили на старое картофельное поле и они собирали мо-

Отец с сыном

роженую картошку и делали эти блины. До сих пор в памяти я сохранил их необыкновенный вкус и спустя много лет иногда прошу свою жену приготовить мне эту вкуснятину.

В 1945 году отец отыскал нас в этом лагере и привез в теплушке в г.Черновцы, где он работал начальником Черновицкой дистанции пути. Когда поезд остановился, я залез под этот вагон и спрятался. Отец достал меня из-под вагона и всю семью привез в его дом. Дом этот конфисковали у какого-то богатого помещика и отдали отцу. Дом был большой, красивый, но главное, он стоял в огромном саду, окруженном дубовым забором с колючей проволокой. Сад был огромный, в нем было много больших фруктовых деревьев, кустарников, начиная от огромных грушевых деревьев, множества яблочных деревьев, вишен, слив и т.д. После брюквы для нас это было райское место. Мать готовила в чанах объемом литров по 100 варенье, повидло и мы, конечно, отъедались.

Но Черновцы – это запад Украины, разгул бандитизма и бандеровщины. В городе каждую ночь стрельба. Дома у нас целый арсенал оружия и русского и немецкого. Отец каждый день вы-

езжал на линию на дрезинах с пулеметами и вооруженным до зубов. Получалось так, днем местные рабочие ремонтировали железную дорогу, а ночью разбирали и снимали рельсы, стрелочные переводы и т.д.

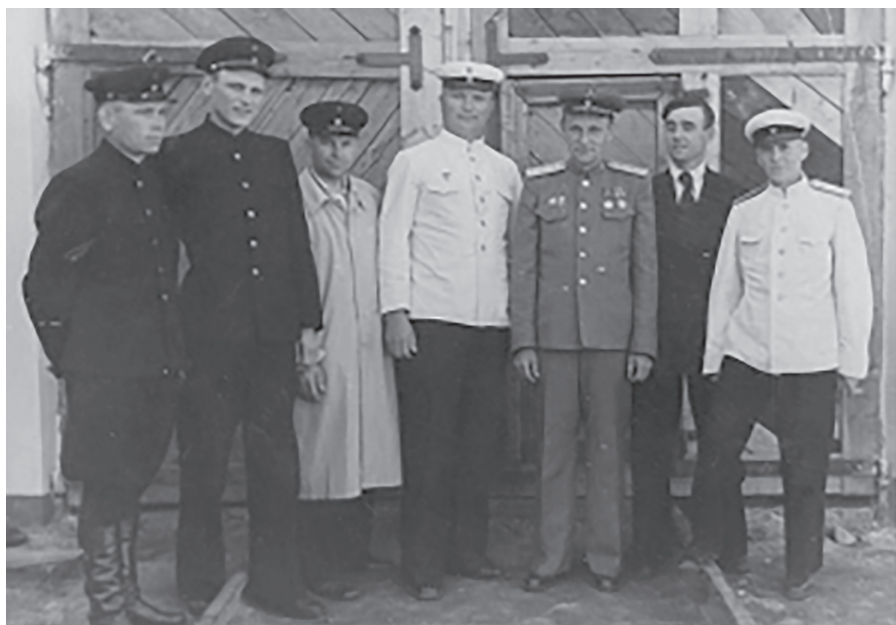
Бандеровское подполье готовилось к длительной военной борьбе. Население области либо было запугано, либо поддерживало бандитов. Ими была создана развитая агентурная сеть, оборудованы в лесу так называемые схроны с запасами боеприпасов и продовольствия. Обстановка в городе была опасная и напряженная. Вспоминаю, иногда мы семьей ходили в городской театр и возвращались вечером домой. Отец стрелял из пистолета в воздух, чтобы предотвратить нападение бандитов. Дома у нас были две немецкие овчарки для охраны, подаренные отцу нашими пограничниками. Одна из них сидела на цепи на крыльце дома. Метрах в десяти от дома был сарай, где мама держала корову. Мы спали на веранде дома и к нам однажды приехал в гости племянник матери. Ночевал он в комнате в доме. Так вот мать услышала, что кто-то пытается открыть входную дверь веранды и сказала отцу, что кто-то лезет к нам на веранду.

Отец крайний слева

Отец выхватил из-под подушки пистолет и выстрелил по силуэту у входной двери. Это был племянник, который хотел выйти во двор. Он закричал «Дядя Коля – это я!» В это время у сарая, где стояла корова раздался шум и отец начал стрелять в направлении этого сарая. Дальнейший разбор ситуации показал: с овчарки был бесшумно снят ошейник и ее ухитрились задушить без шума, а затем бандиты пошли в сарай за коровой. Но корова была бодливая и показала двум бандитам как надо орудовать рогами. На месте была обнаружена фуфайка, а нападающим пришлось спастись бегством. Племянник уцелел чудом – пуля прошла в 2-х сантиметрах от его головы.

Мой отец – Николай Николаевич – практически всю жизнь работал на железной дороге в должности начальника дистанции и в войну начальником военно-восстановительного подразделения. Награжден медалями за участие в Великой Отечественной войне, «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», знаком «Ударник Сталинского призыва», званием «Почетный железнодорожник СССР», удостоверением

Отец второй справа

Министра Обороны СССР, маршалом Советского Союза А. Гречко «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной Войне».

Работа железнодорожником во время войны была чрезвычайно опасной. Немецкая авиация старалась вывести из строя станции на железной дороге, мосты, железнодорожные пути, движущиеся эшелоны к фронту с техникой, боеприпасами и т.д. Часто в результате нападения на станции горели вагоны, цистерны с горючим, рвались боеприпасы и все это сверху расстреливалось из пушек и пулеметов с фашистских самолетов. А восстанавливать нужно было все немедленно. Конечно понятно, что работать бригадам по ликвидации последствий таких нападений очень опасно и тяжело и, поэтому, обеспечить работу в таких условиях трудно. Мне отец рассказывал случай, когда с рельсов сошел бронепоезд после налета немецкой авиации. Его необходимо было поставить на рельсы и увести в укрытие. Времени на эту работу было немного, немецкие самолеты могли повторить нападение. На место аварии приехал полковник из госбезопасности с солдатами. Посмотрев на часы, он сказал, если солдаты не ликвидируют аварию за 2 часа – расстрелять руководителя работ. Затем уехал. «Солдат с винтовкой стал ходить за мной мешая работать. Я ему сказал – видишь у меня есть часы и пистолет, поэтому за 5 минут до назначенного срока я тебя пристрелю сам. Поэтому иди вон на тот бугор, сядь и не мешай мне работать. Солдат выполнил мое указание, а мы успели поставить бронепоезд и угнать его в укрытие».

У нас, у детворы, развлечения тоже были своеобразные. В километре от дома была свалка всякого рода военной техники, где мы были частыми гостями. Набирали всякого рода заряды и глушили рыбу в реке, либо устраивали стрельбы, когда на расстоянии метров двадцать рыли два окопа, ложились в них и стреляли по ним, чтобы услышать как свистят пули над головой..

Попытки органов власти области справиться и ликвидировать бандитские и бандеровские образования в городе успехов практически не имели. Одной из основных причин было то, что бандитов заранее предупреждали об операции. А сил и средств было мало и бандеровцы легко уходили и прятались в свои схроны. И тогда, в 1957 г. были в область введены войсковые части, имею-

щие большой опыт боевых действий в Отечественной войне, и с бандитами и их подпольем было очень быстро покончено.

Владимир Николаевич во ВНИИЭФ работал с 1962 г в должностях – инженер-технолог, начальник экспериментального цеха КБ-1, заместитель начальника отделения 05. Активно занимался развитием производственной, экспериментальной базы отделений 05, 17, 34, строительством и вводом в эксплуатацию комплекса КБ-1. В отделении 14 работал с 01.04.1989 г в должности начальника испытательного отдела.

Участвовал в подготовке и проведении работ на внешних полигонах, экспертизах сложных физических опытов на Семипалатинском полигоне, работах на площадке Галит по захоронению радиоактивных веществ.

За доблестный труд в Великой отечественной

Сидорова Нина Ивановна

Н.И. Сидорова 16.11.1928 г.р. за трудовую деятельность во время Великой Отечественной войны награждена медалями: «За доблестный труд в ВОВ», «50 лет победы в ВОВ», «60 лет победы в ВОВ» и «65 лет победы в ВОВ». Родилась в селе Кремёнки Дивеевского района Горьковской области. Окончила Муромский педагогический институт. В Арзамас-75 приехала в 1955 году. С 1959 года работала в спецбиблиотеке сектора 3 ВНИИЭФ, а с 1970 года – инспектором 1-го отдела в отделении 13 ИЛФИ.

Мои родители Бугорковы Иван Фёдорович и Пелагея Петровна были крестьянами. Вокруг села было много хорошей земли, но дела в колхозе шли неважно, а в семье уже было четверо детей, и в 1936 или 1937 году мы вынуждены были переехать в Первомайский район, где отец стал работать лесорубом, мама была домохозяйкой. Кругом леса, болота, рядом речка, комаров и мошкары уйма.

В 1941 году мама со мной и младшим братом, мне 11, а брату 8 лет, переехали обратно в Кремёнки, в свой дом. И кончилось моё детство. Отца с нами непустили, он продолжал до конца войны работать в леспромхозе, старшая сестра в это время уже работала в Сарове. Тяжёлый труд по хозяйству и в колхозе. Сажали овощи, картошку, вручную лопатами копали 40 соток земли. Зимой возили на санках дрова из леса, благо он был рядом. Подрос младший брат, стал работать в колхозе после 4-го класса, в школу он так больше и не вернулся.

Перед войной я закончила 5-ый класс. Тогда я ещё совсем не понимала, что такое война, но часто вспоминаю, что происходи-

ло в то время. В посёлке болело малярией очень много людей, в том числе и мы с мамой. Началась мобилизация, много слёз, горя. Мужчины получали повестки, и в тот же день их увозили на железнодорожную станцию. Мой отец, сильный красивый мужчина, имел заболевание сердца, из-за которого его не взяли в армию. Работал он лесорубом и плотником, делал деревянные детали для ружей и автоматов. Выбирали крепкие здоровые берёзы, и, как он говорил, из них “тачали ложи”. Тяжёлый труд, голод, летом жара, комары, вода из болот, зимой трескучие морозы и сугробы в лесу по пояс, всё это отнимало у отца много сил и здоровья. Умер он в 1953 году на 48-м году жизни.

После окончания семилетки в 1943 г. я поступила в Дивеевское педагогическое училище. В 1945 году после окончания училища меня направили в город Выксу учителем начальных классов. Как комсомольскому вожаку мне приказом ввели дополнительную нагрузку – готовить к учёбе в ремесленных училищах и ФЗО Выксы группу подростков (мальчиков и девочек), которые были ненамного моложе меня, но не имели возможности учиться во время войны. Зарплаты за это не полагалось. Всё было очень дорого, карточная система, жизнь впроголодь, а ведь кроме питания нужно было и как-то одеваться. Помню, как была рада, когда по талону получила кашемировое платье с белым воротничком.

Очень хотелось учиться дальше, но средств для учёбы на дневном отделении института не хватало, и в 1947 году я поступила на заочное отделение Муромского педагогического института. После окончания института в 1950 году меня направили учителем русского языка и литературы 5-7 классов в Ново-деревенскую школу Выксунского района.

Низкий поклон детям войны

Старостин Николай Петрович

Старостин Н.П. 1932г. рождения в деревне Кунгурка под Свердловском. В семье престарелые дедушка с бабушкой, двое детей, мама работает в колхозе, отец лечит раненых в госпитале. 10-летний Николай пас стада, в 11 лет работал в колхозе на лошади. В 1944 г. Николай уезжает в Казахстан, где оканчивает десятилетку. Затем учеба в Уральском институте на электромеханическом факультете.

В нашем городе Николай Петрович с 1955 г., работал в отделе 6 НИИ 32 года. Начальником конструкторского отдела был до 2000 г. и вышел на заслуженный отдых.

Дети войны

*Они гибли от болезней, голода и при бомбёжках,
Живя порой в землянках и заброшенных сторожках.
Многие претерпели страшный поворот,
Потеряв родителей, превратились в обездоленных сирот.
Они лишены родительской любви и внимания,
Обречены на душевные страдания.
Недостаёт им материнской ласки,
Никто не прочитает на ночь сказки.
Папа на фронте боевом, мама на фронте трудовом.
Лежит малыш, молчание храня, душой взывая:
«Мама! Где ты? Пожалей меня!»
Тусклый взгляд, рахитичная фигура,
Кожа, кости, отсутствует мускулатура.
Постоянно донимает холод,
Желудок сводит острый голод.
Они не мечтают о конфетах и печенье,
Или о каком то вкусном угощенье,
Одни мечты – хлеба! Поесть досыта хлеба,*

И чтобы наступила долгожданная победа.
Их война лишила детства,
Они работать начали с малолетства.
В городе, на заводе, у станка,
В деревне, в поле, за кусок хлеба и стакан молока.
Необходимость трудиться вошла к ним в кровь,
Возникла со временем к труду потребность и любовь.
Выросли из них строители и машинисты,
Шахтёры. Токари и моряки,
Словом труженики и передовики.
Они самоотверженно трудились, укрепляли мощь страны,
Всё для того, чтоб только не было войны.
Теперь они достигли все преклонных лет,
Война оставила в душе у них неизгладимый след.
Трудное время , тяготы войны
Порой будоражат память и ночные сны.
Они живут всегда в труде, в работе,
И о семье своей в заботе.
Есть у них скромное желание —
Побольше бы от общества внимания!

За доблестный труд в Великой Отечественной

Уварова Александра Ивановна

А.И. Уварова 29.10.1928 г.р., В 1946 году её наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «Заслуженный ветеран города Сарова» 2005г. и «Заслуженный ветеран Нижегородской области» 2006г.

Александра Ивановна, в девичестве – Злобина, родилась в деревне Таптыково Рязанской области в многодетной семье. Отец, Иван Романович, был известным на всю деревню ветеринаром. Мать, Анна Васильевна, вела домашнее хозяйство и растила детей. В 1932 году мать, чтобы учить четырех детей, приехала в Москву, в посёлок Головино. Отец остался в деревне.

Эвакуация. Когда началась война, Александре Ивановне было двенадцать лет. В июне она должна была ехать в пионерский лагерь, но под Москвой уже шли ожесточенные бои. Большую группу детей отправили в эвакуацию пароходом по Волге. Плыли 8 дней. Кушали то, что родители положили в дорогу. В день давали кусочек хлеба и 2 кусочка сахара. Прибыли в степной город Вольск. Перед детьми открылись большие бахчевые просторы. Внимание голодных ребят привлекли большие арбузы. После них все маялись животами. До войны в городе проживали «немцы Поволжья», но их срочно выселили в район Казахстана, и дома стояли пустые. По улицам бродил брошенный скот.

Недетская работа. После разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 года в столице началось восстановление производства.

Нужны были рабочие руки. В Вольске был объявлен призыв для учебы в школах ФЗО (фабрично – заводского обучения) и ремесленных училищах Москвы. Александра Ивановна написала заявление и таким образом снова оказалась в Москве.

В райкоме комсомола она получила направление в училище, которое готовило рабочих для металлургического завода имени Войкова, выпускавшего снаряды и фугасные бомбы. Ходили на завод на практику, а потом и вставали к станкам. Александра Ивановна была маленькая ростом, и ей приходилось вставать к станку на ящик. Работать было очень тяжело. От недоедания и недосыпания люди падали в обморок, но работу не бросали и с завода не уходили. Потом Александру Ивановну перевели чертёжницей в конструкторский отдел, а затем в отдел главного технолога. Одновременно с работой Александра Ивановна училась в вечернем московском техникуме по специальности техник-механик, который закончила с красным дипломом.

Семья. Работая на заводе им. Войкова, Александра Ивановна ежегодно выезжала пионервожатой в заводской пионерский лагерь, расположенный в Московской области около станции Вербилки. Там она познакомилась со студентом МИФИ Николаем Уваровым, который вёл фото– и радио– кружок.

Это знакомство имело продолжение и после возвращения в Москву. После недолгих раздумий Александра Ивановна приняла предложение Коли выйти за него замуж. Он был очень интересным рассказчиком, эрудированным, хорошо ухаживал и покориł её сердце. 6 ноября 1954 года состоялась их свадьба. А на днях супруги отпраздновали «бриллиантовую свадьбу» – 60 лет.

В 1955 году 11 октября родилась дочь Елена. Надежд на получение жилья не было никаких, и молодая семья приняла решение уехать из Москвы на работу в другой город, где им пообещали жилье. Так, в 1956 году они прибыли в «Приволжскую контору», в город с почтовым адресом «Москва, Центр-300».

По прибытию на объект муж получил назначение в сектор 4, инженером-испытателем спец. изделий, где успешно проработал более 50 лет. Александра Ивановна была направлена в НКБС. Её трудовой стаж в институте составил 27 лет, а общий – 40. Она

работала в отделе стандартизации. Имела массу благодарностей, премий, выдвигалась на Доски Почета. Работая инженером-стандартизатором, Александра Ивановна в составе экспертных комиссий побывала во всех закрытых городах Минсредмаша. В 1983 году в связи с рождением внучки вышла на пенсию. В 1987 году её пригласили поработать в общественной организации ветеранов-пенсионеров. И вот уже более 25 лет она работает в городском совете ветеранов.

Письмо с трудового фронта. Говорите с детьми

Федотова Н.

В 1942 г. под Сталинградом погиб папа, пролив кровь за Отечество, маме было 28 лет (1914г.р.), нас, детей, трое – 4 года, 6 лет, 8 лет. Мама безграмотная женщина, но! Когда брат научился читать, мы с мамой, забравшись на холодную печку (наше село – безлесица), прижались друг к другу. Мама говорит Мише: «Ну, сахарненький, почитай нам песню про купца Калашникова!». И Минька читал при лампе. Потом мама говорила: «Ну, а теперь ужинать!». Холодная картошка стояла на столе, а капуста квашеная, принесенная с улицы, растаяла. И мы ужинали, а в избе даже вода в ведре замерзала. Было холодно. Печь топили соломой.

Домов в деревне было много; начальник почты, директор школы, фельдшер имели детей, но их дети образования не получили, в то время как мы, трое «сахарненьких», получили: брат – инженер, сестра – экономист, я – фельдшер. А почему так?

Потому что в семье повелось – мы с детьми (их у меня две дочки) всегда разговаривали. Находили время, даже плюнув на чистоту в квартире.

С самого рождения с детьми надо не только здороваться, но и общаться. Повелада мне коллега, Нина Еремкина: «Я на кухне, чищу картошку, а дочка взахлеб рассказывает мне о школьных делах, я порой не дослышиваю, а только отвечаю «да, да, да».

Супруг мой принимал в воспитании детей самое непосредственное участие: водил Ирочку в 35-й детсад, водил играть на пианино (своего тогда не было), ходил гулять на лыжах на родник за водой уже с внуками. Теперь у нас три правнука – и дед опять с ними.

Доброе слово – всегда лекарство, в первую очередь, для себя.

В 15 лет – магнитогорский металлург

Чирченко Николай Петрович

Н.П. Чирченко 02.01.1926 г.р, с лета 1941 г. работал на Магнитогорском металлургическом комбинате, труженик тыла в Великой Отечественной войне, почётный металлург СССР, награждён 22.03.1966 г. орденом Ленина, медалью «50 лет победы в ВОВ»

В Сарове с 2013 г. живет Николай Чирченко – ветеран войны, замечательный труженик и удивительный спортсмен. Николай родился на Украине в Днепропетровской области, в селе Большая Костромка. Это было время, когда миллионы жизней унесла гражданская война, коллективизация и страшный голод на Украине в 1933 г. Эти события стали одним из первых воспоминаний маленького Коли. Один за другим умерли от голода отец и брат, угасла, как лучина мать, молясь Богу, чтобы сохранил жизнь хотя бы одному ее сыну. От верной смерти Николая спас его дед. Он забрал осиротевшего мальчика к себе.

Вы знаете, что такое счастье? Это суп из суслика с горстью пшена. Но и эта радость длилась недолго, дед вскоре умер, и мальчика определили в детский дом, где он и пробыл до 41-го года. Перед самой войной его направили в ремесленное училище в Днепропетровск учиться на вальцовщика прокатного производства. Началась война. Немцы стремительно наступали, город постоянно бомбили.

Нашему училищу и мне повезло, – вспоминает Николай Петрович, – ни одна бомба даже рядом не упала. Но пришел час эвакуации. Всех учащихся погрузили в товарные вагоны. Собирались наспех, брали с собой, что под руку попадалось: одеяла, матрацы, кое-что из продуктов. Конечный пункт следования – Магнитогорск. Ехали туда 15 суток. В Магнитогорске определили меня в 13-е ремесленное училище, в группу вальцовщиков. Мы учились

и работали на Магнитогорском металлургическом комбинате. Прокатывали броню для танков Т-34.

Жилье нам предоставили в спортзале. Четыре группы там обитало. Тесно, шумно. Работа была горячая, тяжелая, а карточки для еды выдавали на грани голода. Я получал 1 кг хлеба на день. Но хлеб был очень плохой. Сожмешь кусок, а он как тесто слипается. От такой жизни много ребят на тот свет ушло. У нас на кладбище была своя траншея. Укладывали туда умерших рядком и засыпали землей. Так мы и жили всю войну.

В раннем детстве Николая Чирченко спас от голодной смерти дед. А во время и после войны его спасителем стал спорт. «Спортом я занимался с детства. В детдоме играл в футбол и волейбол. А в Магнитогорске занялся классической борьбой. Сейчас трудно в это поверить, но в 44-м году, когда шла война, в городе работала секция борьбы. Цирк работал! Из цирка к нам в секцию приходили борцы на тренировки.

Помню Петра Загоруйко, мастера спорта, борцов Содниченко и Андреева.

Среди них был и негр по фамилии Франгут. А в секцию я пришел в сентябре 1944 года вместе с моим другом Виктором Рябовым. Он работал старшим оператором, а я у него на той же клети сначала был вальцовщиком, а потом вторым оператором.

Тренером по борьбе у нас был Евгений Карпов. Сначала я ему не показался: такой я был дохлый, худой. Словом, никуда не годный. Но я стал тренироваться, наращивать мышцы. Принимал участие в соревнованиях. В 1946 году выиграл первенство города в полусреднем весе. Затем были областные, зональные соревнования. В 1950 году занял первое место на первенстве ЦС ДСО «Металлург». В 1952 году участвовал в первенстве РСФСР (Уральская зона). В 1955 году занял пятое место на первенстве РСФСР». Все победы Николая Чирченко отражены в классификационном билете спортсмена. Но наш рассказ не о его победах над другими людьми, а о победе над самим собой.

В 1960 году группу прокатчиков с Магнитки направили в Новотроицк на пуск листопрокатного цеха Орско-Халиловского металлургического комбината. Среди них был и Николай Чирченко.

В это время он уже был женат, растил сына и дочь. Работал на совесть. Николай Петрович был награжден Орденом Ленина, стал «Почетным металлургом».

В 80-х годах Николай Петрович показал Герману Иоилеву своё рабочее место оператора прокатного стана с ручным управлением. С блюминга на стан поступает раскалённая стальная заготовка 0,5х0,5м, которую надо раскатать в лист толщиной 10см. и длиной несколько метров. При второй прокатке надо сделать лист толщиной 1см. Работа по 8 часов посменная – утро, день, ночь.

Цех мы пустили, и я остался в Листопрокатном цехе №1, где и проработал 16 лет, – вспоминает он. Спортом в то время я уже не занимался, но форму старался поддерживать. Все 16 лет в любую погоду я ходил на работу и с работы пешком. В цехе была неплохо организована спортивная работа, и в сорок лет я стал играть в волейбол и баскетбол. С самого приезда в Новотроицк приобрел сад-огород. Я был еще молод, и все-таки весной работа в саду давалась мне тяжело. Физической нагрузки зимой было маловато, что и сказывалось. Иногда доставали и болезни».

И тут в 45 лет ему в руки попала книжка Артура Лидьярда «Бег ради жизни». Люди всегда бегали, еще с давних времен. Но Артур Лидьярд придумал бег трусцой, по сути, оздоровительный бег.

«Я прочитал книжку. Елки-палки, не туда я живу! – подумал он тогда и стал бегать. – Первый постоянный маршрут: с работы до дома. От листопрокатного цеха до строительного техникума, в районе которого я жил, три километра. Работаю в день, бегу вечером, с четырех – ночью, в ночь – утром. В начале я не мог пробежать три километра без передышки. Пробегу немного, иду шагом, потом снова бегу. Но постепенно втянулся, и пробежка стала доставлять удовольствие. Три километра стал пробегать, потом пять, шесть, семь. Результаты записывал в тетрадь».

Он участвовал во многих официальных пробегах: Волгоград – Новотроицк, посвященный 40-летию Победы, в XV традиционном легкоатлетическом пробеге памяти братьев Знаменских, совсем недавно принимал участие в Кроссе нации, проходившем в Новотроицке, став старейшим участником массового пробега. В

одиначку совершил два марафонских пробега по собственному маршруту. Оба пробега – зимой. За 35 лет бега Николай Петрович покорил расстояние, равное двум экваторам, совершил две кругосветки! В Саров Николай Петрович переехал из Новотроицка три года назад, и сразу влился в ряды спортивного ветеранского движения.

Его сегодняшний девиз прост и непритязателен, но это девиз счастливого человека: «90 лет мне не помеха, а бег мне в утеху. Бегаю, стараюсь, дистанций добиваюсь!». Кто занимался бегом, тот знает: этот процесс совсем не кажется однообразным. В какое бы время суток и время года ни бежал человек, он всегда бежит навстречу утренней заре своей жизни, прекрасной и неповторимой, которая дается человеку только раз.

Нас не много осталось...

Щенникова Зоя Николаевна

З.Н. Щенникова 23.09.1936 г.р. была награждена Знаком победителя социалистического соревнования 01.11.1972 г., неоднократно выдвигалась на Доску Почета цеха, ей объявлялись благодарности. Труд Зои Николаевны отмечен знаком «Ветеран труда» и благодарственными письмами ВНИИЭФ в честь 50-летия и 60-летия предприятия.

Похоронок боялись

Дети войны – особенный статус...

Дети войны – нас не много осталось...

В наших глазах отражение победы,

Холод и голод, болезни и беды.

Книжек не знали, газета – тетрадь....

В поле мы взрослым должны помогать.

Тонкими ручками тянем повозки...

Солнце лучами осушит нам слезки.

Почту нам Маша в дом приносила.

Стайка ребят вслед за нею носилась.

Ждали письма, похоронок боялись –

Трое без папы и брата остались.

Клин журавлиный летит в небесах –

Горе безмерное в детских глазах.

Очень сложно нам, детям войны вспоминать об этом. Как началась война, я не помню – мала была, всего 5 лет. Но помню, что все плакали, кричали, когда мы провожали старшего брата Василия. Спокойный, уравновешенный, он был любимцем в семье. Большие надежды возлагал на него отец.

Вася только что окончил 10 классов. Но выпускного вечера у них не было – утром один из всего выпуска Василий был отправ-

лен на обучение в Москву. Мой брат в школе хорошо учился, на «отлично» знал немецкий язык, имел значок «Ворошиловский стрелок», был активным участником общественной жизни школы, играл в школьном театре. Вначале он учился в Москве в военном училище в течение 6 месяцев, получил звание лейтенанта и был направлен в действующую армию.

Зимой 1942 года настала очередь уйти на фронт моему отцу Николаю Васильевичу. Помню, очень уж переживали работники золотого прииска, где он работал бригадиром. Был он классным специалистом – без приборов, которых в это время еще не было, он мог определить золотую жилу. Помню руки отца – жилистые, мускулистые, трудовые, а лица не помню – мала была. После его отправки на фронт шахты по добыче золота закрыли.

С началом войны жизнь стала трудной – в магазине отоваривали карточки на хлеб, так как жили в сельской местности, хлебный паек был меньше, чем в городе – спасало приусадебное хозяйство. Пока был дома отец, еще сводил концы с концами – нас в семье еще было трое детей и бабушка. Копали грядки, поливали огород, пололи сорняки, косили сено, а потом перевозили его на тележке – мне было 6 лет, младшему брату – 3 года, а старшей сестре – 16 лет. Зимой сено и дрова возили на санках, запрягаясь вдвоем с сестрой. Летом большим подспорьем были гри-

бы и ягоды – уходили в лес затемно, приносили корзины груздей и сыроежек, которые мама солила в бочках. А ягоды сушили на печи, а зимой заваривали вместо чая. После ухода в армию отца, жили только на карточку мамы Александры Ивановны. Разделит она свой кусок хлеба между нами детьми и свекровью, а сама не ест. А младший братик не понимает – торопясь, проглотит свой кусочек и поглядывает на всех.

Мама от своего кусочка отломит и ему отдаст. Самым вкусным были лепешки, приготовленные из мороженной картошки – этот вкус мне никогда не забыть.

Осенью 1941 года основные мощности и многие специалисты Кировского завода из Ленинграда были эвакуированы в Челябинск, где вместе с Челябинским тракторным заводом и ещё шестью частично или полностью передислоцированными в Челябинск предприятиями образовали знаменитый «Танкоград» – крупнейшее в годы войны предприятие по производству танков, САУ и другой бронетехники, а также боеприпасов. Вместе с заводом в Челябинск и его округу переехали и люди. В нашем доме остановились две учительницы – одну звали Нина Николаевна, а имя другой не помню. Их родственники работали на тракторном заводе. Это были удивительные женщины. Мне они казались пожилыми, а на самом-то деле им было не более 30 лет. Вместе с нами они ходили собирать мороженную картошку, помогали в огороде.

Но чаще всего я вспоминаю то, что Нина Николаевна была преподавателем русского языка и литературы – она часто читала стихи известных поэтов и свои собственные. Благодаря ей литература стала моим любимым школьным предметом. Учеба в военное время – особая страничка моей памяти. Педагогов не хватало, занятия велись в две смены, не хватало освещения и дров. За дровами ездили старшекласники, привозили на лошади. Но все равно на занятиях сидели одетые в шапки и тулупы. Не было тетрадей – писали на газетах и меловых досках, вместо чернил – разведенная в воде сажа.

Проблему с отсутствием учебников решали просто – один учебник на несколько человек. Чтобы выполнить домашнее задание,

вставали затемно и смотрели, у кого из одноклассников горит свет – к нему и бежали. Аристарх Филиппович Гуляев, преподаватель физики, появился в нашем классе в конце войны после демобилизации. Его уроки были интересными потому, что примеры он приводил из жизни. До сих пор помню его каверзный вопрос по теме «Электричество»:

«На проводе сидят два воробья. Почему их не убивает током?» Вместе с нами учились ребята из эвакуированного детского дома.

По субботам и воскресеньям этих детишек брали в семьи, чтобы подкормить, обогреть, поддержать. Помню, одна из эвакуированных девочек наотрез отказалась учить немецкий язык, и мы ее понимали: во время бомбежки на ее глазах погибла вся семья. Мы сдружились с ребятами из детского дома – помогали им сажать, поливать и выращивать овощи на участке около барака, где они жили. Там были дети разного возраста – наши семьи помогали им одеждой, овощами.

Ученики нашего класса (мне тогда было 9 лет) вместе с учителями вместо учебных занятий ездили за 30 километров помогать убирать в колхозе овощи и картошку – жили в новом свинарнике, спали на соломе.

Для меня это было необычным, именно это и запомнилось. А вот трудно ли мне было собирать урожай – не скажу. Не запомнила, наверное, потому, что с детства была приучена к тяжелому сельскому труду. Моя старшая сестра Анна не окончила 10-летку – в 1941 году ей исполнилось 16 лет. В институтах Челябинска многие студенты ушли в армию – некому стало учиться. А она была бойкой девчонкой – и ее приняли на первый курс Челябинского политехнического института. Юные хрупкие девчушки днем сидели в промерзших аудиториях, а по ночам грузили вагоны, которые отправлялись на фронт.

Она успевала не только прилежно учиться в Челябинске, но и нам в деревне помогать. Юным студенткам хотелось одеться по моде – возможностей не было, тогда Аня научилась шить. Обшивала себя, да и мне кое-что перепадало. Во время сдачи экзаменов требовались особые усилия, очень хотелось есть – Анна меняла свою хлебную карточку на соленую селедку. Целый килограмм.

Этого хватало на более длительный срок. Результат – потерянное во время войны здоровье.

Младший братишка Виктор помогал по дому по мере возможностей. Он с нетерпением ждал писем от отца с фронта, и даже завел себе голубей, чтобы они принесли ему весточку от отца. А если с ребятами играл в «войну», то обязательно старался победить. «Иначе и быть не могло,» – объяснял 6-летний Витя. – «Я за отца воевал!»

Известие об окончании войны в разных семьях встретили по-разному. Помню залитую солнцем деревенскую улицу, стайки мальчишек, возбужденно крича, бегут от дома к дому с известием «Войне конец!» Смеются, обнимаются, целуются соседи. Я бегаю домой вместе с братом. Мама тихонько сидит в уголке. Мы утыкаемся ей в грудь, она обнимет нас и плачет.

Брату Василию Подкорытову

Мела пурга, снега сошли – весна –

А мама каждый вечер у окна

Ждет весточки. И сердце все болит –

Нет Васеньки – под Тулой он убит.

Летят года, отмерив путь неблизкий.

И только имя и звезда на обелиске.

Наш отец и брат – никогда не вернутся с этой страшной войны – «похоронки» на них мы получили еще в середине войны. Брат, молодой лейтенант, командовавший ротой в боях под Тулой, возвращаясь из разведки в неприятельский тыл, подрывался на mine в мае 1943. Папа умер от ранений в госпитале под Пермью еще в декабре 1942. Мама осталась вдовой в возрасте 42 лет с тремя детьми на руках.

Брату Вите Подкорытову

Витюша в детстве голубей гонял.

За ними вслед на крыши залезал.

Он с ними письма слал: письмо вслед за письмом.

В них, словно клятву, повторял одно:

«Вернись скорее, мой отец родной! –

Я жду тебя, любимый мой, домой!»

Умчались птицы ввысь, растаял в небе след –

Мальчонке было только 8 лет.

Он проводил зимой на фронт отца –

Не вспомнит глаз. Не вспомнит он лица.

Погиб в бою отец – ну а на память – малость –

Лишь почта голубиная осталась

Горек был сиротский хлеб. Возвращающиеся с фронта отцы и братья поднимали развалившееся за время войны хозяйство. Мы бегали к соседям послушать рассказы фронтовиков. А наша бабушка, утерев скупую слезинку краешком платка, говорила: «Не бегайте на чужое счастье смотреть!» Маленький братишка по вечерам задумчиво сидел в уголке, украдкой вытирая сиротские слезы. И до сих пор при раскатах праздничного салюта у меня перехватывает горло и на глазах наворачиваются слезы.

Победа далась нашему народу тяжелой ценой.

Зоя Николаевна окончила 10-летку в с. Долгодеревенское Челябинской области и начала свою трудовую биографию в 1959 году в г. Златоуст – 36. Здесь она получила специальность техник-технолог в техникуме. После замужества приехала в Саров и поступила на работу на завод №1 контролером ОТК в цех №15 в марте 1964 г. В 2015 году ей вручен памятный знак «Дети войны» 1941-1945 гг.

Он видел немцев живьём

Янбаев Геннадий Михайлович

Г.М. Янбаев 1936 г.р., ведущий инженер-исследователь ВНИИЭФ по испытаниям макетов, составных частей и натурных ядерных боеприпасов. Участник действий подразделений особого риска. Награждён медалями «Ветеран труда», «Дети войны», «70 лет атомной отрасли России». Ветеран Атомной энергетики и промышленности. С 2010 г. – инженер СарФТИ НИЯУ МИФИ.

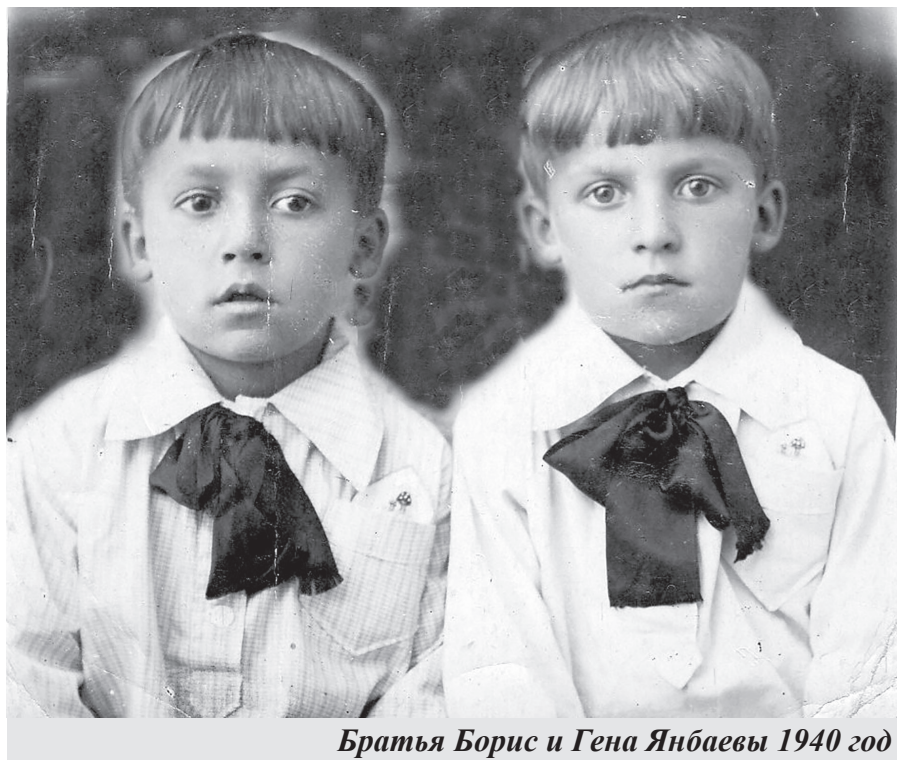
«...Он видел немцев живьём...» – так говорили обо мне коллеги на торжествах, посвящённых 70-летию Дня победы. Да, видел в двух ипостасях: оккупантов и пленных.

Наша семья из пяти человек жила в Ставрополе. Отец, инструктор физкультуры, мама, бухгалтер, бабушка, домохозяйка, я и младший брат.

Июнь 1941 года помню плохо. Для меня война началась, когда из чёрного репродуктора услышал «Вставай страна огромная ...», голос Левитана. Стал кое-что понимать в августе, после исчезновения отца из дома. На вопрос: где Миша, так его все звали, был ответ: ушёл на фронт. Полк формировался на окраине города. Семьям мобилизованных разрешалось навещать их по вечерам. Когда мы с мамой шли на свидания, на вопрос: куда братья идёте, важно отвечали, на фронт. Подготовка новобранцев была недолгой. Ушли ночью, без марш-парада, потом узнал под Сталинград. Прощальных слов не помню. Видел только маленькие палатки под большими деревьями, пилотку и его новую до пяток шинель, напоминавшую бурку. В 1981 году мне довелось услышать от ко-

мандира этого полка рассказ о боевом пути. В память врубилось, что из тех, кто начинал с ним до Берлина дошли только 20 человек, всего полк понёс потери 13500 человек. После ухода отцов нака- тились трудности, появилось предчувствие беды. Посылаемые по условиям цензуры без конвертов на фронт письма-треугольники писались на листах из тетрадей, в каждом просьба пропустить без купюр. Мама на одном листе обводила контур кисти руки брата, на втором моей, своеобразный контроль роста. Война подошла к нам через год, когда немцы устремились к нефти Грозного и Баку, Черноморскому побережью через перевалы Кавказа.

Видел пешие колонны отступающих войск, изредка военную тех- нику и пушки-сорокапятки. Иногда бойцы отдыхали, грелись под солнцем на нашем заборе. При появлении немецких самолётов они прыгали в сад, укрывались в щелях. Бабушка, опасаясь, что немцы всё отберут, решила из последнего куска мяса приготовить пирог. Мы с соседями укрывались в подвале, она колдовала на

Братья Борис и Гена Янбаевы 1940 год

кухне. Когда бойцы бежали в укрытия, она спешила в подвал. В конце концов, пирог был доставлен в убежище и съеден, такого деликатеса не пробовал спустя много лет после войны. На почве слухов о детях, спасшихся под кроватью от рухнувшего при бомбёжке потолка, появился страх на гул самолётов. Брат стал издеваться, при появлении гула громко орал: немецкие, «глужённые», дуй под кровать. Пресёк выходки рукоприкладством с внушением: старших надо уважать, прилюдно не позорить. По домам стали ходить патрули для отлова мародёров, бандитов и дезертиров, требовали от населения бдительности, отказывать им в еде и крове, предупреждали о возможных трагедиях. Дней за пять до прихода немцев нам выделили для эвакуации телегу и лошадь. Управлять таким транспортом мы не умели, пришлось оставаться.

Оккупация. Сутки после ухода наших было тихо. Потом немцы провели устрашающую бомбёжку, несколько заходов с пролётом самолётов на малой высоте. Затем на улицах раздался треск патрульных мотоциклов BMW с бело-голубыми значками. Жители бросились сдирать с окон бумагу с карикатурными портретами Гитлера, наклеенную на стёкла для сохранности при бомбёжках. Это были мишени для стрельбы.

В большом доме нашего сада обосновалась какая-то контора с офицером-переводчиком и часовым у входа. В гараже через улицу немцы развернули свой гараж, персонал поселили в нашем доме, у внутренней стены установили автомобиль с кухней. Нам отвели комнату в маленьком домике в глубине сада, во второй на бабушкином сундуке разместился немец. Молодой парень целыми днями пропадал в гараже, приходил только спать. О новом порядке жизни узнали от переводчика. Взрослым разрешалось отлучаться из двора до комендантского часа. Нам было велено на улицу не выходить, к конторе не приближаться, а при появлении легковых машин прятаться в кустах. Однажды видел, как переводчик дал своей собаке кусок белого хлеба, намазанный маслом и мёдом. Помутилось сознание, такой бутерброд мне дали через много лет после войны, спасая от бронхооденита.

Мама или бабушка ходили в город, чтобы добыть какой-либо еды. Уходя вместе, присмотр за братом поручали мне. Занимались стир-

кой, подённой работой, продавали вещи на толкучке, копали заброшенные огороды. Регулярного режима питания не было, рацион был скудным. Добыча куска жмыха считалась удачей, его рассасывание притупляло чувство голода. Этот деликатес и приём использовались населением и в голодные послевоенные годы. Однажды в саду я заметил двух пленных, копавших землю. Подошёл к ним, они что-то ели из котелка. Поговорив со мной, угостили меня. Не понял, что это было, но было вкусно. В середине дня работники гаража толпой приходили на обед. Изредка мы пристраивались в очередь, иногда нам перепадали остатки. Кушать хотелось постоянно, мы не ныли, было ясно: больше чем есть не будет. Неподалеку от дома был вывешен мешок с объявлением. Из него следовало: положенные в мешок продукты, будут передаваться нашим пленным, работавшим на лесопилке. Взрослые, опасаясь репрессий, к мешку не ходили, поручали детям. По готовности чугунок с варёной свёклой или картошкой, кукурузы на огородах уже давно не было, я во все лопатки летал туда и обратно. Приходилось тянуться на цыпочках, чтобы достать до мешка. В обязанности соседского немца входила доставка почты. Когда он на мотоцикле выезжал из двора, зарождалась надежда: после возвращения покатает. Катал по двору, когда было мало свидетелей.

Запомнилось приближение Нового 1943 года. Переводчик пришёл в комнату с ёлкой, зажёл свечи, стал говорить про рождество, появилась тарелка с хворостом из белой муки, на масле и с сахаром-песком. Первую вкуснятину отложил в сторону, вторую съел и так далее. Отложенные принёс домой. Потом мама растолковала ему: у нас всегда первый кусок младшему. Дома я, не продавшийся за хворост, забраковал ёлку: маленькая, нет игрушек, одни блёстки, на верхушке нет звезды.

После нашей победы под Сталинградом немцы оставляли город бегством. Издали наблюдали, как сапёры пытались взорвать городскую тюрьму. Жители организовывали ночные дежурства, опасаясь подрывов домов. Однажды вечером слышали взрывы и треск, подумали, начались уличные бои.

Два дня сидели дома, закрыв окна матрацами, спали на полу. Когда всё стихло, выяснилось, это горел гараж. Взрывались ба-

ки с горячим, треск издавал шифер на крыше, ломаясь от жара. Ещё через пару дней вышел на улицу и увидел мирно стоявшую армейскую бричку с лошадью. В ней сидел красноармеец, было тихо и тепло, светило солнце. В этот момент я понял, всё нас освободили.

О событиях, произошедших вне двора, узнал позже, став много старше. Особо ударили по сознанию ряд зверств фашистов. Испытания автомашин-душегубок, первыми жертвами которых стали цыгане и пациенты краевой психбольницы. Массовый расстрел евреев в яре у селекционной станции, названный потом еврейским кладбищем, там жители долго не собирали грибы, обходили стороной. Развлечения полицаев в Калмыкии: пулемётный огонь из движущихся мотоциклов по подвешенным детским люлькам и коляскам.

После оккупации. Постепенно люди стали возвращаться из эвакуации, подобралась компания, состоящая из нескольких пацанов шести-девяти лет и двух вожakov пятнадцати. Была придумана военная игра. В округе войсками было брошено много оружия, патронов, гранат и снарядов. Малышам поручили сбор боеприпасов, найденные скрытно сносить в потайной угол сада. Большими снарядами занимались вожаки. После распатронивания порох из гильз переносился в яму на пустыре. Затем она заваливалась камнями, автомобильными скатами и прочим хламом. Отсыпалась огнепроводная дорожка, все удалялись в укрытие. Дорожка поджигалась, раздавался взрыв, всё взлетало в воздух. Кричали ура, мы были бойцами. Благодаря осторожности вожakov и послушности младших, никто из нас не пострадал, хотя до вмешательства взрослых орудовали долго. Печальных и трагических исходов в городе было предостаточно. Если на этот счёт есть статистика, она должна быть ужасающей.

В 1943 году я должен был пойти в школу, не дала война. За короткий срок после освобождения оказалось невозможным организовать подготовку школ и набор учеников, не все вернулись из эвакуации. Но главной причиной была нехватка учителей, большинство из которых ещё воевали на фронтах или лечились в госпиталях. Мне предстояло учиться писать дома, читать я уже умел. Далее были: карточки, очереди, тотальный дефицит, чёр-

ный рынок краденых товаров, густая криминальная обстановка. Докучала одна неприятная обязанность, ходить с бабушкой на площадь и стоять на холодном ветру в длинной очереди за керосином, в лавке было грязно и сильно воняло. Отлынивать нельзя, отпускали по поголовью. Лампы, примусы и керогазы требовали заправки, около них можно было греться.

В начале 1944 года мы переехали в восстановленный пленными немцами дом с садом, в котором был дровяной склад. Около него впервые увидел пленных немцев, их приводили под конвоем для заготовки дров. В городе они восстанавливали разрушенные объекты, жили в бывших овощехранилищах. Наблюдал за ними вплоть до отправки на родину в 1948 году. Среди немцев было много умельцев, сложился обмен, поделки ребятам, немцам продукты. За буханку хлеба, 600-800 рублей на базаре, можно было получить красивое детское ведёрко из жести или деревянных птичек, клюющих зёрна при раскатке шарика. Таких дорогих сделок в нашем дворе не было. Лопаточку или совочек можно было получить за сваренную картошку, свеклу или кукурузу. Бывали случаи, когда жители давали им еду, за просто так.

Первый раз в первый класс. Летом 1944 года меня приняли в первый класс МСШ № 36, к этому событию купили портфель и «парусовые» туфли: верх – парусина, низ – резина. Они выдерживали несколько выходов тихим шагом по сухой погоде, два-три удара по мячу.

На собеседовании сказал директору: умею читать, писать не очень, похвастался обновой, задрал ногу на стол. Затруднения объяснялись отсутствием канцелярских принадлежностей и тетрадей, упражнялся огрызками карандашей на обёрточной бумаге. 1 сентября пришёл в школу, первой учительницей, век не забыть, была добрейшая Надежда Васильевна Грицинина.

В дальнем крыле здания находилась кухня, из которой вкусно, до щекотки в ноздрах, пахло съестным. Каждому потерявшему родителей ученику ежедневно за государственный счёт полагалась тарелка супа. В плане борьбы с педикулёзом учеников младших классов стригли под ноль, в классах назначали санитаров, обязанных проверять стрижку ногтей и мытьё рук. Мечтал быстрее

перейти в пятый класс, получить разрешение на маленький, с заячий хвост, чубчик, перевестись на второй этаж, чтобы кататься по перилам лестницы. Проблем с учёбой не было. Тетради были из серой бумаги без линеек и полей, их надо было чертить самим, писали карандашами. Кляксами, ручками и чернильницами обзавелись во втором, когда ввели предмет «Чистописание». Удачей считалась добыча пера «уточка» или «рондо» для письма с нажимом. Предел мечтаний – ручка с корпусом из трубки, позволяющая устанавливать перо с одной стороны и карандаш с другой. Корпус был идеальным духовым ружьём для стрельбы шариками из разжёванной бумаги. Никакого сравнения с рогаткой из тонкой резинки на пальцах руки для стрельбы бумажными уголками.

День 9 мая 1945 года прошёл буднично. Ближе к вечеру, жильцы нашей квартиры собрались на кухне у догорающей плиты, набрались тепла на ночь и легли спать. Часов в 9 вечера проснулись от интенсивной стрельбы. Она велась из всех окон дома и окрестных дворов, стреляли в воздух. Оказалось, передано официальное сообщение о победе над Германией. Все, кто имел что-нибудь стреляющее, поспешили устроить импровизированный салют. Хотел поглазеть на него с улицы, не пустили. Через час по городу послали патрули для прекращения салюта.

ПУБЛИКАЦИИ

С чего начинается память?

А если...

Елена БАКАНОВА, 11 класс, гимназия №2

*С чего начинается память – с берез?
С речного песка? С дождя на дороге?
А если – с убийства! А если – со слез!
А если – с воздушной тревоги!
А если с визжащей пилы в облаках,
Со взрослых в пыли распростертых!
А если с детского знания – как
Живое становится мертвым.*

К.Симонов

С чего начинается память?.. Моя память начинается с крохотной уютной кровати, с маминой колыбельной, с детской, совсем ещё неуверенной, но прекрасной доброй мечты. В конце концов – с улыбки, улыбки брата, первого друга, первого учителя.

Какими бы ни были наши воспоминания, они самые теплые и самые добрые. Ведь иначе-то несправедливо, иначе – неправильно. Отчего у наших бабушек и дедушек не так? Отчего моя бабушка каждый раз с невозможной горечью и невыносимой болью рассказывает мельчайшие подробности своего детства, рассказывает о ней, о самой страшной – о войне.

Столько песен, стихов, рассказов написано, столько слов сказано о войне. И всё, что я расскажу, не ново, но главное то, что после рассказов моей бабушки и мамы я многое поняла и осознала для себя. И это хорошо потому, что становимся мы ближе, ближе не только к истории страны и войны, но и друг к другу. Становимся мудрее и от этого взрослее, взрослее в понимании жизни. Это я теперь точно знаю. Ведь происходит очень интересная вещь: воспоминания моей бабушки становятся и моими воспоминаниями,

а потом они станут воспоминаниями моих будущих детей...

Моя бабушка — Насонова Вера Максимовна родилась в 1933 году в селе Тереки, в Карелии, в совершенно обычной семье. У бабушки было много сестер, что было естественно в те времена. Семья была достаточно образованна, конечно, её отец всем детям старался дать образование; двум старшим сёстрам успел и дал бы остальным, если бы не случилась беда. Бабушка рассказывала о нём как о добром, воспитанном, по-настоящему честном человеке. Несмотря на то, что бабушка в то время была совсем маленьким ребёнком, не думаю, что у неё могло бы сложиться противоположное мнение о горячо любящем её отце.

Её старшую сестру звали Прасковья. Она получила высшее педагогическое образование и вернулась в село работать учителем. В первый день войны был выпускной, гитлеровские войска напали на Карелию, деревня попала под обстрел. Бабушкина сестра не вернулась домой в тот день. Они с отцом отправились её искать, но нашли лишь одну руку, браслет и сумочку, так и похоронили.

Был у её сестры жених, военный, офицер Красной армии. В то время он был на службе, поэтому и не знал о случившемся. Вернувшись с войны, родные, конечно, рассказали о смерти его возлюбленной. Необходимо было жить дальше, сестра уговорила его жениться. Женился, но не выдержал. Умерла прекрасная мечта о будущей любви, о будущем счастье, счастье с дорогим человеком, мечта, которая, возможно, единственная хранила его на войне. Вместе с мечтой умер и он, покончил жить самоубийством, застрелился.

Я не знаю его имени, не знаю ничего о нем, но знаю, что он умер. Ведь сколько таких случаев было на войне. Что же она делает с людьми? Дай Бог нам никогда этого не узнать. Многие люди вернулись с войны героями, имеющими большое количество орденов и долгую славу. Они вернулись сами, но что они никогда не смогли бы вернуть – это своих родных, своих любимых, свою надежду, добрую, смелую, иногда наивную, но надежду. «Ах, война, что ты, подлая, сделала?» Зачем же ты погубила и сломала так много молодых сердец?

Так как мама бабушки умерла перед войной, её отца на войну не взяли, и он остался с двумя детьми на руках. Гитлеровские войска быстро наступали, поэтому они были вынуждены ехать в эвакуацию. Жила семья бабушки в сыром бараке, как и многие эвакуированные. Из-за плохих жизненных условий и постоянного голода и холода бабушка и её сестра постоянно болели. Спасало только то, что отец отдавал им свою еду. Знакомые советовали пустить дочку по деревне просить милостыню, мол, маленькой девочке всегда подадут. Но отец запрещал, говорил, что пусть вместе умрём, а побираться не будем. А еды не хватало, и он умирал. В последние минуты своей жизни, собрав оставшиеся силы, запел песню «Как родная меня мать провожала...». Эти минуты потрясли мою бабушку, в то время совсем маленькую девочку.

Многие взрослые умирали – оставались дети, маленькие беззащитные существа, совсем одни. «Стеклянных» от голода их увозили в детский дом. Война добралась и туда. Немцы бомбили там, где было больше людей.

Детский дом, в который попала бабушка после смерти своих родителей, тоже бомбили. В тот страшный день учительница собрала всех детей в углу, и закрывала их собой, и плакала. Бабушка выжила, она жива и теперь, родила и вырастила троих детей, 30 лет проработала на заводе... Но каждый раз, закрывая глаза, она видит эти страшные картины.

...и в пять,

И в пятнадцать,

И в двадцать пять лет

Войной начинается память.

*Здесь в этой стране,
Где не помнящих – нет,
Попробуем это представить...*

К.Симонов

Моя бабушка – «ребёнок войны», она выращена, воспитана войной. Как бы было здорово, если бы им хотя бы спалось спокойно... А память начиналась только с хорошего и доброго...

По радио России часто звучит вопрос: «Какими качествами должен обладать русский человек сегодня?» Так вот, человек должен обязательно знать и понимать историю страны, историю войны, историю семьи.

Все времена неразрывно связаны, и нужно обязательно найти эту соединяющую ниточку с прошлым, а значит, и с будущим. Чтобы воспоминания наших предков стали и нашими родовыми воспоминаниями, и воспоминаниями наших потомков...

Она была партизанкой

Лидия Евгеньевна, подруга

Бойцова Любовь Григорьевна 01.01 1935 г.р. – связная в партизанском отряде...

Меня всегда окружали хорошие люди. Но из всего круга знакомых я выделяю Любовь Григорьевну Бойцову. Познакомились мы случайно, когда однажды я зашла во двор, где она проживала. На скамеечке сидели женщины и о чем-то разговаривали. У нас сразу возник сердечный контакт. Так судьба свела меня с этим человеком.

Рядом с ее домом находился палисадник. На этой полоске земли Любовь Григорьевна выращивала цветы, которые безумно любила. С каждым цветком разговаривала, поливала и восхищалась. Успевала все делать и заботливо ухаживала за своим огородом. Жила на скромную пенсию и на доход с огорода: излишки ягод и овощей она продавала дешево или просто отдавала людям.

Эта малообразованная женщина из небогатой семьи, пережившая невзгоды и войну, без устали работавшая всю жизнь, была необыкновенно интеллигентным человеком. Интересовалась многими социальными вопросами и политикой. Меня она называла исключительно по имени-отчеству. А ее все любили и ласково называли «Любушка». Необыкновенно светлый и щедрый человек. Она никогда никого не обсуждала и не жаловалась на жизнь.

Рассказывала, что родилась в Белоруссии, в селе, которое находится рядом с Брестом. Долгое время вся семья жила в оккупации. Люба была связной в партизанском отряде. Вместе со старшим братом носили донесения, спрятанные в мешках с картошкой. Кто знает, сколько горя выпало на долю Белоруссии в годы войны, какие трагедии пережила эта приветливая, хлебосольная земля, тот понимает, что стоит за простыми словами: «была связной в партизанском отряде...»

Любушка была из того опаленного войной поколения, которое никогда не стремилось за выгодой, благополучием, достатком для себя. На первом месте была Родина, следом – близкие люди.

Трудовая биография Любви Григорьевны скромна и тяжела. После войны, в семнадцать лет, уехала в Вологду, где работала на лесоповале. В этом городе и встретила своего будущего мужа, вместе с которым приехала сюда, в закрытый город. В 1957 году на свет появилась дочь Надежда, а годы спустя – трое внуков.

В Сарове Любовь Григорьевна Бойцова работала на хлебозаводе. В течение 45 лет кормила хлебом не только город, но и округу. Вручную месила тяжелое тесто, выдавая в смену своей бригадой по 20 тонн. Помните тот саровский хлебушек и его богатый вкус? Говорят же, что очень важно, чтобы еду готовили доброжелательные люди. Она была такой, Любушка Бойцова. Вот потому и хлеб ее был так вкусен!

Необыкновенно добрый, щедрый, веселый человек, она не дожила до 70-летия Победы несколько недель. Мне бы хотелось, чтобы те люди, которые ее знали, вспомнили о ней в дни великого праздника. Ведь пока мы помним, смерти нет.

Вызываю огонь на себя

Лидия Цебуховская, вдова И.И.Игнатова

Игнатов Иван Иванович на войне с 16 лет.

Война для И.И. Игнатова, коренного москвича, началась, когда ему было 16 лет. Немцы стояли под Москвой, и весь его 9-й класс записался в ополчение. Ребят отправили под Волоколамск. Оружия у них не было, одна винтовка на троих, которую удавалось заполучить, когда кого-то убивали. Погибли почти все вместе со старым слепым учителем, который, как Януш Корчак, не мог оставить своих детей и пошел

с ними в окопы. В живых остались только двое – Ваня Игнатов и его одноклассник. После прибытия на московский фронт сибирских дивизий детей отправили в тыл. Некоторое время Ваня Игнатов работал на военном заводе. Затем его направили в артиллерийское училище, которое он окончил в 1943 году в звании лейтенанта по специальности артиллерийский разведчик. И сразу был направлен на фронт.

Он брал Белгород, дважды – Харьков, участвовал в боях на Курской дуге, когда немецкие танки утюжили окопы наших солдат. Затем было форсирование Днепра на южном направлении. Задача состояла в том, чтобы сосредоточить огонь на себя и обеспечить переправу красноармейцев в другом месте. Немецкие дальнобойные пушки били с высокого берега почти непрерывно. Обстрел немцев был настолько яростным, что вода в Днепре стояла красной. В нашем артиллерийском подразделении было 8 понтонов с орудиями, переправить на другую сторону Днепра сумели только три и с боем закрепились на правом берегу.

Однажды Иван Игнатов пошел за обедом на полевую кухню, которая располагалась на расстоянии километра от фронта. Когда возвращался в свое расположение, там уже шел бой: взрывались мины, трескали автоматные очереди. Из кукурузного поля выска-

кивали то наши бойцы, то немцы. Вблизи блиндажа И.Игнатов получил ранение в затылок осколком мины. Многие месяцы проходил лечение в госпиталях. Перенес три операции, и остался жив только потому, что к этому времени появился пенициллин. После выписки из госпиталя Ивана Игнатова отправили на Восточный фронт. Вернулся домой только в 1946 году. Из всех военных наград особо ценил медаль «За отвагу».

В 1952 году И.Игнатов был направлен в Федеральный ядерный центр в закрытый город Центр-300. Он окончил вечерний институт по специальности «физик-ядерщик» и до выхода на пенсию занимался исследовательской работой на ядерном реакторе в отделении 04 ВНИИЭФ.

Иван Иванович Игнатов был из тех людей, которые беззаветно служат Родине и делу. Его основная черта – надежность и ответственность. На его похоронах начальник отдела сказал, что пока был жив Иван Иванович, он мог спокойно спать, не беспокоясь за безопасность ядерного реактора.

Иван Иванович Игнатов был творческим, активным человеком, с широким кругом интересов – хорошо знал художественную литературу, писал стихи, увлекался музыкой, занимался фотографией. Мы должны с благодарностью помнить тех, кто отстоял наше Отечество от фашистов.

Рассказ прабабушки Фаи об Иванове М.Ф.

Наталия КАБАНОВА, ученица 1 курса медиастудии
«Фристайл» ДШИ №2

Моего прапрадедушку звали Иванов Михаил Фёдорович. Он пошёл на войну добровольцем. Люди его уважали, тянулись к нему и доверяли. Мой прадед был активный, справедливый, смелый, честный, и он всегда носил с собой фотографию своей семьи. Моя прабабушка рассказала мне историю, и я хочу вам её рассказать.

Моей прабабушке Фае было пять лет, и она ходила в садик, когда началась война. Ёе отец Иванов Михаил Фёдорович ушёл добровольцем на фронт в июле 41-ого. А уже в сентябре, на четвертом месяце войны, попал в окружение вместе с 19-й армией. До того мы часто получали письма, а потом связь оборвалась. И ни одного письма родные не получали. Они каждый день после работы заглядывали в почтовый ящик, но письма не находили.

Мать бабы Фаи часто плакала и считала, что он пропал без вести, а баба Фая, пятилетняя девочка, однажды сказала матери: «Мама, а зачем нам с тобой жить? Если сейчас не найдём письма, то придём домой, обнимемся и умрём».

А в это время её отец, младший лейтенант по званию, собирал группу оставшихся в живых и пробивался по вражеским тылам из окружения к своим. Так под его командованием группа из трех десятков человек через три месяца, наконец, догнала наш фронт и с боем вышла из окружения в декабре месяце. В холодные

и дождливые осенние дни и ночи они упорно шли на восток, спали на земле, иногда не могли разжечь костёр, чтобы согреться, порой недоставало еды, патронов. Часто по колено в воде шли они с двумя пулемётами и со своим оружием, то вступая в бой, то пробираясь осторожно. И было большой удачей набрести на деревню, где не было фашистов, там их могли обогреть, накормить, вымыть и дать выспаться. Однажды они чуть не попали к фашистам, но их спасло то, что немцы входили в деревню, с партизанам отряду удалось незаметно и быстро уйти в лес. И, наконец, с боем отряд вышел из окружения. Прапрадед вернулся домой совершенно больной, контуженный, но, пролечившись два месяца, весной 1942 года снова ушёл на фронт.

Солдату-победителю Захряпе Алексею Петровичу

Михаил МЕДНОВ, восьмиклассник школы №20

Департамент образования г.Москвы и ГБПОУ «Воробьевы горы» объявили Всероссийский конкурс «Пока мы помним – мы живем». В рамках этого конкурса проходит патриотическая акция «Письмо солдату-победителю», в которой принимают участие и воспитанники объединения журналистики «Серебряное пёрышко» Дворца детского (юношеского) творчества.

Это письмо написал восьмиклассник школы №20 Михаил Меднов и адресовано оно одному из самых известных в Сарове ветеранов – Алексею Петровичу Захряпе 1920 г.р.

«Здравствуй, солдат! Я говорю тебе «здравствуй», потому что ты жив и в свои 95 лет, которые отметил в марте, можешь подтвердить, что ты действительно ПОБЕДИТЕЛЬ!

Я обращаюсь к Вам, Алексей Петрович Захряпа! Я рад, что живу с Вами в одном городе, что узнал Вас и многое понял про то страшное военное да и послевоенное время.

Мне всего 14 лет. Честно скажу, до встречи с Вами слова о войне были какой-то абстракцией. «Мы помним.», «Будем достойно продолжать.» – все это было не более чем пафосные слова. Теперь не так. Я как– то вдруг представил все это вживую. Вы рассказали, что в сентябре 1941-го попали в один из отрядов «СМЕРШ» 189-го полка НКВД, который патрулировал территорию под Москвой в районе Коломны. Роте была поставлена задача разыскивать и задерживать вражеских парашютистов-диверсантов, которых регулярно забрасывали немецкие самолеты. Вы со сверстниками прочесывали местность и протыкали металлическими шупами каждый стожок, а было их видимо-невидимо. Начались осенние холодные дожди, потом выпал снег. То промокшие, то замерзшие ходили вы по лугам поймы Москва-реки, рискуя нарваться на выстрелы спрятавшихся шпионов. Так и случалось. Кто-то из наших оставался раненым, но обнаруженных диверсантов обезвреживали, и никто не сосчитал, сколько благодаря Вам и Вашим сослуживцам сохранено мостов и переправ, складов и коммуникаций. И это была Ваша первая победа, Алексей Петрович!

В 1945 году военная служба для Вас не закончилась. Вскоре Вы были направлены сюда, где теперь особый город Саров. В 1940-х годах прошлого века здесь спешно, в обстановке строжайшей секретности, создавался научно-производственный центр, который должен был разработать и наладить выпуск ядерного оружия. Вы, молодой лейтенант, работали сначала на контрольнопропускном пункте. Вокруг лес, болота, тучи комаров. Живете в землянке, которую после дождей заливают. Но не жалуетесь, наоборот, стараетесь шутить, когда уж совсем тяжело. Вскоре приезжает жена, она ждет ребенка, но жить нелегко, до холодов живете в палатке. Позже сопровождаете спецгрузы на испытательные полигоны – это длительные изнуряющие командировки... Трудно представить все эти лишения и испытания, но и тут Вы побеждаете, преодолевая все без жалоб и упреков, честно исполняя свой служебный и человеческий

долг. Стало быть, и Ваша лепта есть в великом по значимости деле создания ядерного щита России!

И еще одна Ваша победа, Алексей Петрович, – это победа над возрастом. 95 лет, а Вы по-прежнему оптимистичны, приветливы, подвижны.

Песни поете, рассказываете с улыбкой, что «только недавно танцевать перестал на наших ветеранских вечеринках». Такие люди, как Вы, Алексей Петрович, своей жизнью отвечаете на вопрос, что такое «загадочная русская душа». И почему россиян нельзя победить!

Спасибо Вам за Ваши ПОБЕДЫ!

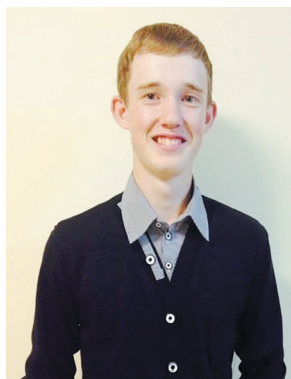
Детство, опаленное войной

Кирилл ПАВЛОВ, г. Йошкар-Ола.

С 8 класса и по настоящее время обучается
в «Политехническом лицее-интернате»

*Не жалея сил во имя Родины,
Дети героической страны
Были настоящими героями.*

Р. Рождественский

Дети и война.... Кажется, эти слова несовместимы, не могут и не должны стоять рядом. Однако целое поколение мы называем детьми войны. У этого поколения военное лихолетье пыталось отобрать детство, вырвать из рук книги, тетради, ручки, учебники. На его долю выпали тяготы сиротства, испытания, невзгоды, недоедание.

Война не знает возраста. Перед страшным ликом ее уничтожающей силы равны стар и млад. Но насколько трагично потерянное детство, детство, лишённое радости и смеха, наполненное страданиями, голодом, смертями самых близких людей.

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие маленькие герои противостояли войне. Их патриотизм во время Великой Отечественной войны, трудовые подвиги и отчаянная храбрость навсегда останутся в памяти нашего народа.

В годы войны каждый ребенок совершил свой подвиг, несмотря на голод и страх, дети продолжали учиться, помогали раненым в госпиталях, отправляли посылки на фронт, работали в полях. Дети встали к станкам вместо родителей, тяжким трудом приближая победу.

Сама история подтвердила правильность слов И.В. Сталина на приёме в честь участников парада Победы: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, русского народа». Трудовые подвиги советских людей в тылу, как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза, а теперь России.

Эпилог

*Не щадя себя в огне войны,
Не жалея сил во имя Родины,
Дети героической страны
Были настоящими героями.*

Р. Рождественский

Воспоминания, собранные в сборнике «Опалённые бедой. Дети войны и Победы», очень разные, как и те люди, которые их написали. Ни одно из них не может оставить читателя равнодушным, за каждым стоят личная трагедия или история спасения на фоне страшного военного времени. Они выжили и перенесли всё: страх, голод и холод, потери родных и близких, эвакуацию и оккупацию, немецкие обстрелы, бомбёжки и атаки «мессеров» с бреющего полёта. И во многом, несмотря на возраст, стали примером мужества, стойкости и силы духа.

Основные акценты воспоминаний и материалов Сборника.

Дети войны - это граждане СССР, рождённые с 1928 по 1945 год. Они не могли участвовать в боевых действиях, но на их детские плечи, наряду с тружениками тыла, легли тяготы и лишения военного времени. В меру сил они трудились на предприятиях и в полях, восстанавливали разрушенное хозяйство, всё под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Многие, лишённые детства и юности, остались сиротами, воспитывались в детских домах. (Кельин В.Д.).

В годы войны каждый ребенок совершил свой личный подвиг. Несмотря на страх и голод, дети отправляли посылки на фронт, работали в полях, помогали в госпиталях раненым, продолжали учиться. Дети вместо родителей стали к станкам, приближали победу тяжким трудом. (Павлов Кирилл).

Отношусь к поколению, которое рано познало: что такое голод и холод, что такое остаться без жилья и что такое бесконечные бомбежки. Оно видело самоотверженный труд взрослых, в другое

время ни на что не похожий. Всё это не сломало, не убило поколение мальчишек и девчонок войны, а, пожалуй, закалило и указало правильное направление, научило ценить жизнь и мир. А жизнь была насыщена многими событиями: Великая отечественная война, Победа, героизм и горе народа, отмена карточек, послевоенное строительство, на глазах жизнь улучшалась, космические достижения, полёт Гагарина Ю.А., создание мощного ядерного щита, гаранта безопасности Родины с 1949 года. (Елесин В.А.).

Патриотическое воспитание включает обязательное знание истории своего народа. Для этого крайне важны воспоминания детей войны, ныне здравствующих свидетелей и очевидцев жизни народа во время Великой отечественной войны, на временно оккупированных немцами территориях и в тылу. Наследникам Великой Победы и поколениям XXI века предстоит не допустить возникновения новых войн, сделать нашу Россию процветающей и богатой, сильной и уважаемой в мире державой, вызывающей гордость россиян. (Иоилов Г.Ф.).

*Всё прошло, у нас уж дети, внуки,
Об одном Всевышнего молю,
Чтобы не пришлось им испытать те муки,
Что на нашу выпали судьбу.*

Олькова Юлия

Библиография

Абрамова Н.П. «От Спасска до Арзамаса-16». Новый Город № 51(111) 17 декабря 2014 года

Антоненко (Малышенко) В.П. Новый город 6/мая/2015 / № 19/131/

Бабадей С.М. «Моё трудное и милое сердцу военное детство». Новый город 11/мая/2016/ № 19/184/

Байдакова С.Н. «Они видели глаза войны». Новый Город № 19 (79) 7 мая 2014 года

Баканова Елена. «С чего начинается память? Бабушка рассказывает о войне...». Еженедельник Саров 15 декабря 2010г.

Беднова Г.Н. «Мне 16 лет. Иду по Невскому...» (фрагменты повести Г.Н. Бедновой). Новый город 6/мая/2015 / № 19/131/

Бекенёва М.И. «Холодно, голодно и нечего надеть». Вести города №19 от 11мая 2016 г.

Бойцова Л.Г. «Она была партизанкой». Новый город 6/мая/2015 / № 19/131/

Веселовский А.В. «Мы рано повзрослели». Новый Город № 34 (94) 20 августа 2014 года.

Густова Г.В. «Свидетели страшной войны». Голос Сарова № 09(73) 07.05.2015

Егоров В.И. «Мамочка, спрячь меня, а то убьют!..». Новый Город № 49 (109) 3 декабря 2014 года

Елесин В.А. «Я не погиб под бомбёжкой». Саровская пустынь №3 март 2015г.

Елесин В.А. «Я видел парад Победы!». Новый город 17/июня/2015 / № 25/137/

Жабицкий С.К. «С автоматом под подушкой». Новый Город № 4(116) 21 января 2015г.

А. Зубанкова, В. Малышенко. Дети отцов, погибших на войне 1941-1945 гг. Еженедельник Саров 05 мая 2010г.

Иванов В.И. «Один зимний эпизод 1941 года». Новый Город № 41 (101) 8 октября 2014 года

Игнатов И.И. «Вызываю огонь на себя» Новый город 6/мая/2015 / № 19/131

Иоилов Г.Ф. «Недетская война». Новый город №19(79) 07.05.2014г.

Иоилов Г.Ф. Идёт война холодная. 14.04.2016. <http://proatom.ru/>

Кабанова Наталия. Рассказ Прабабушки Фаи. Еженедельник Саров, №11, 11 марта 2015 г.

Кашинцова Л.Н. «Святая память». Городской курьер 29.04.2015

Кельин В.Д. «Опаленное детство». Городской курьер 04.03.2015

Кодола Б.Е. «Военное детство». Новый город 6/мая/2015 / № 19/131/

Корчагин Е.Ф. «Военное детство». Еженедельник Саров 12 февраля 2015г.

Кузьмин Г.Г. «Сын военного». Еженедельник Саров, №11, 11 марта 2015 г.

Левкина Е.И. «Жизнь как она есть». Еженедельник Саров 26 июня 2015г.

Меднов Михаил. «Письмо солдату-победителю». Новый город 6/мая/2015 / № 19/131

Овчинникова (Павлушкина) Н.А. Еженедельник Саров, №11, 11 марта 2015 г.

Олькова Юлия. Сироты войны. <http://stihi.ru/2012/05/06/22>

Подгорный Ф.П. «Жить чтобы стать примером». ВНИИЭФ: обзор недели» 2014 г.

Почтарюк Н.В. «Молодогвардейцы: право на честь и славу». ВНИИЭФ : обзор недели стр. 5 № 3 (106) 25 января 2012 года

Прохожев А.А. «Дети, война, и... взрослые дяди» Новый город 4/марта/2015 / № 10/122/

Пугачев Вячеслав. Новый город 6/мая/2015 / № 19/131

Рубашкин В.Н. «Две войны: на фронте и в Тылу». Вести города № 19 от 11 мая 2016 г.

Сидорова Н.И. «Дети войны». Еженедельник Саров 26 июня 2015 г.

Синяпкин Ю.Т. «На краю войны». Саровская пустынь №6 июнь 2015 г.

Старостин Н.П., Почтарюк Н.В. Низкий поклон детям войны. «Новый город» 30/сентября/2015 / № 40/15

Сусанина Катя: «Моё сердце верит...». Новый город №10 (122) 4 марта 2015 г.

Сустатов Н.Г. «Без прикрас. О послевоенном детстве». Новый город №25 (137) 17 июня 2015 г.

Уварова А.И. «Заслуженный ветеран». Еженедельник Саров 28 ноября 2014 г.

Н.Федотова. «Говорите с детьми». Еженедельник Саров 02 марта 2015 г.

Чирченко Н.П. «Две кругосветки Николая Чирченко». Городской курьер 18 июня 2014 г.

Янбаев Г.М. «Мое военное детство». Новый Город № 25 (85) 18 июня 2014 года.

Содержание

Дети войны.	4
Наше дело правое.	6
Все для фронта, все для Победы!.	10
«На многострадальной украинской земле».	13
О военном детстве в тылу.	16
Мое трудное и милое сердцу военное детство.	20
Она видела глаза войны.	26
Мы родом из блокадного детства.	28
Холодно, голодно и нечего надеть.	33
Мы рано повзрослели.	40
Свидетель страшной войны из концлагеря.	47
Мамочка, спрячь меня, а то убьют!...	51
Я не погиб под бомбёжкой.	58
С автоматом под подушкой.	63
Сироты войны: «Нас просто не поняли...».	69
Один зимний эпизод 1941 года.	71
Лучше бы не было войны.	76
Святая память .	83
Опаленное детство.	85
Страшной войны не бывает .	88
Военное детство.	95
Из военного детства – в испытатели ядерных зарядов.	98
Сын военного.	102
Жизнь как она есть.	104
Письмо с трудового фронта.	106
Жить, чтобы стать примером.	108
В «безопасном» тылу.	113
Две войны.	115
За доблестный труд в Великой отечественной.	122
Низкий поклон детям войны.	124
За доблестный труд в Великой Отечественной.	126
Письмо с трудового фронта. Говорите с детьми.	129
В 15 лет – магнитогорский металлург.	130

Нас не много осталось....	134
Он видел немцев живьём.	140
Публикации.	147
С чего начинается память? А если...	147
Она была партизанкой.	151
Вызываю огонь на себя.	153
Рассказ прабабушки Фаи об Иванове М.Ф..	155
Солдату-победителю Захряпе Алексею Петровичу.	157
Детство, опаленное войной.	160
Эпилог.	162
Библиография.	164

Литературно-художественное издание

Опалённые бедой. Дети войны и Победы

Сборник статей

Общественная редколлегия Сборника: А.В. Веселовский – председатель, Г.Ф. Иоилев – зам. председателя, общественный редактор, Н.В. Почтарюк – зам. председателя, отв. за СМИ, члены редколлегии – С.М. Бабадей, В.И. Егоров, Г.М. Янбаев.

Технический редактор А. Ломтев
Компьютерная вёрстка Е. Ломтева
Корректоры А. Веселовский, Н. Почтарюк
Дизайн А.Ломтев

Подписано в печать 06.06.2016
Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 250 экз.

Информационно-издательское агентство «Саров»
г.Саров Нижегородской обл. ул.Зернова д.9 пом.3
8 (831-30) 67-207

Отпечатано в типографии
ООО «Интерконтакт»
Нижегородская область, г.Саров, ул. Герцена 46,
оф.101, т.(83130) 62646
Email: sgt2004@list.ru Сайт: саровпринт.рф